

Автор – составитель

В.В. Чудакова

«Родной земли МНОГОГОЛОСЬЕ»

Литературная хрестоматия Хомутовского района

В Книге представлены литературные произведения местных авторов писателей и поэтов, признанных на высоком уровне, а также начинающих авторов, для которых проба пера - это и хобби, и увлечение, и творчество.

Хомутовка 2018

Хрестоматия.

«Родной земли многоголосье».

I- Пимен Карпов – имя в истории (О нашем известном земляке, поэте и прозаике).

II- Современные поэты и прозаики Хомутовского района Курской области.

- Николай Шатохин – мастер короткого рассказа.
- Наш земляк и поэт – Юрий Кекшин.
- Наш земляк – писатель и поэт В.А. Латышев.
- Молодой поэт, сценарист и режиссёр Роман Рубанов.
- Журналист и публицист Алексей Анищенко о природе родного края.

III - В каждом из нас живёт поэт.

/Поэзия и проза местных авторов/

- Ирина Поповкина.
- Валентина Чудакова.
- Тамара Сухарева
- Владимир Коровкин
- Елена Полескова
- Тамара Бандурина
- Людмила Князева
- Валентина Аксёнова
- Вера Курчан
- Людмила Выходцева
- Татьяна Исаенкова
- Виктор Севастьянов

IV - Проба пера (Пишут дети стихи и прозу)

Пимен Иванович Карпов - имя в истории.

Карпов Пимен Иванович (19.08.1886, с. Турка , Рыльский уезд, Курской губернии-27.05. 1963, с. Турка, Хомутовский район, Курской области), писатель.

Родился в семье крестьянина старообрядца. Обучался грамоте у псаломщика. В 1905 году примкнул к революционному движению. Разделял взгляды эсеров, принимал участие в организации сельскохозяйственных забастовок. Был заключён в Рыльскую тюрьму, бежал в Финляндию, позднее перебрался в Петербург. Стал писать статьи в газетах «Наша жизнь», Товарищ», «Русь», «Двадцатый век», «Око».

Опубликовал несколько корреспонденций в газете социалистов – революционеров «Курская весть». Работал в газетах т»Товарищ», «Столичная почта». В 1909 году была издана первая книга- сборник статей-памфлетов «Говор зорь. Страницы о народе и интеллигенции», получившая положительные отзывы у А. Блока, Л. Толстого.

Целую статью посвятил карповскому роману «Пламень», вышедшему в 1914 году, великий русский поэт Александр Александрович Блок.

«Так и из «Пламени», — писал он, — нам придётся, рады мы или не рады, запомнить кое-что о России».

Пимен Иванович Карпов, которого известный критик Сергей Куняев назвал уникальной фигурой начала двадцатого века, когда-то блистал на небосводе прозы и поэзии, находясь в центре событий того времени. Достаточно сказать, что он имел очень большую переписку с такими выдающимися людьми как

Василий Розанов, Вячеслав Иванов, Дмитрий Мережковский, Муса Джалиль и другие.

Близкая дружба связывала курянина с Алексеем Ганиным, Сергеем Клычковым, Александром Ширяевцем, Петром Орешиним, Сергеем Есениным... Последний на обороте своей фотографии, подаренной Карпову в 1916 году, начертал:

«Друг ты мой, товарищ Пимен, кинем мы с тобою камень в небо, кинем. Исцарапанные хотя, но доберемся до своего берега. И водрузим свой стяг, а всем прочим осиновый кол поставим».

К сожалению, с начала двадцатых годов Карпова перестают печатать, ему, как бы теперь сказали, перекрывают кислород. Какова причина такого поворота? Ответ на вопрос дают его неопубликованные воспоминания. Оказывается, где-то с 1905 года и вплоть до Октябрьской революции и какой-то период после неё Пимен Иванович принимал активное участие в работе так называемого Крестьянского союза. Это была очень сильная, очень активная организация, находившаяся в теснейшем контакте с партией социалистов-революционеров (эсеров), с левым её крылом. После разгрома лево-эсеровского движения в 1922 году фактически уже всех более-менее известных людей, имевших отношение к Крестьянскому союзу, так или иначе оттеснили на задворки жизни. Карпов – не исключение. Хотя его, как маститого литератора старой школы, и приняли в Союз советских писателей. Краткая литературная энциклопедия (1931 года) занесла писателя в список «художников патриархально – кулацкой деревни» В 1933 г. Напечатал книгу «Верхом на солнце». Между тем и в эту пору он плодотворно работал. В архивах найден роман «Путешествие по душам», повесть «Простец в обороне», две книги стихов, подготовленные к изданию, множество рассказов. Да и опубликованная незадолго до смерти в «Советском писателе» карповская повесть «Из глубины» — всего лишь небольшая часть огромного девятисотстраничного мемуарного произведения Пимена Ивановича. Первая часть повести увидела свет в 1956 году и стала, по свидетельству Сергея Куняева, последней, прижизненной книгой писателя. А до этого почти 25 лет он не появлялся в печати. Хотя в рабочем столе лежали готовые к изданию такие уникальные произведения, как роман «Путешествие по душам» Над ней он работал 25 лет.

В последние годы жизни Пимен Иванович часто приезжал на родину и черпал здесь творческие и духовные силы.

(Бывшая церковь с. Турка, находилась около кладбища, деревянная, сгорела во время пожара)

По стихотворному признанию самого Пимена Карпова, доля его была горькая:

«Всю — то жизнь я томился и маялся». Обречённый «на мучительное одиночество, на глухой, заколдованный плач», писатель, однако, отличался на редкость светоносным творчеством:

Слава слав тебе жизнь моя горькая!
Всё познал я — о чём мне тужить?

Пимен Иванович был великим жизнелюбом, мнил себя «колдуном», оставаясь до самой кончины верным своей «таинственной звезде».

В стихотворном цикле «Моя жизнь» он с обезоруживающей откровенностью и неисчерпаемой полнотой чувств выразил, пожалуй, сокровенное:

Всё, что моё, - необычайно,
Всё, что загадочно, - моё:
И заколдованная тайна,
И всей вселенной бытиё.

* * *

...И в звёздах сгораю,
И сыплю цветы,
И песни бросаю
Во мрак с высоты!..

А высота эта начиналась на небольшом пригорке в глухом селе Турка, что примостилось на берегу тихой речки Амоньки. На пригорке стояла хата многолетней старообрядческой семьи Ивана Карпова. А ныне это святое место для каждого истинного россиянина место сторожит лишь пирамидальный тополь, царственно возвышающийся над всей округой. И такой же тополь вознёсся к небу у семейной могилы Карповых.

О, на этом кровавом пути-
Все цветы и весь гул бытия!
Головы мгне своей не снести,
Но бессмертен в веках буду я.
/П. Карпов/

(Семейный дом Карповых в с. Турка. Редкий снимок, сейчас дома уже нет)

Четырёх сыновей поставил на ноги безземельный крестьянин Иван Карпов - Степана, Филиппа, Егора и Пимена. Братья жили дружно, долго и праведно, оставив о себе добрую память и немалое потомство таких же скромных и трудолюбивых «карпят».

В разные годы ушли братья из жизни. Но все похоронены здесь же, в Турке, на сельском погосте. В одной ограде рядом с простыми крестами стоит камень. По тёмному фону мрамора – надпись: «Писатель Пимен Иванович Карпов »

6 августа 2011 года в Хомутовском районе Курской области на родине выдающегося русского поэта Пимена Карпова, прошли традиционные 16-е литературные чтения. Чтения приурочены к 125-летию со дня рождения Пимена Карпова и выходу в свет двухтомного собрания его сочинений. В литературном празднике ожидается участие прозаиков и поэтов из Москвы, Курска, Брянска, Смоленска и других городов.

В первый том Собрания сочинений прозаика. Поэта, драматурга и публициста Пимена Ивановича Карпова включены романы и рассказы, написанные в период с 1909 по 1929 годы. Среди них и наиболее известный роман «Пламень», до сих пор находящийся в фокусе острого общественного внимания.

Том открывают статьи составителя и издателя, а завершают сопроводительные материалы, куда вошли отзывы и критические работы как известных в период Серебряного века русской литературы авторов, таких, как А. Блок, Р. Иванов – Разумник, так и современных критиков и литературоведов.

Во второй том Собрания сочинений Пимена Карпова вошли избранные стихотворения, написанные и опубликованные в период с 1909 по 1925 годы. Сборник стихотворений «Русский ковчег» включил имя Карпова в созвездие поэтов Серебряного века.

Раздел воспоминаний посвящён большому труду Карпова с общим названием «Из глубины». Так называлась и автобиографическая повесть, изданная в 1956 году в «Советском писателе», и отрывки воспоминаний, вышедшие в составе сборника «Пимен Карпов. Забытая книга.» Эта часть в большей степени посвящена литературным портретам современников Карпова.

Так названа и публикация архивной рукописи с редакционным подзаголовком «Странники бездны», которую можно условно определить как повесть о духовном скитальничестве.

Замыкает том нашумевшая в своё время книга памфлетов «Говор зорь», публицистическим центром которой явилась, с точки зрения Пимена Карпова, идейное противостояние народа и интеллигенции.

В разделе статей и примечаний – искусствоведческая работа о значении цвета в стихотворениях Пимена Карпова, заметка Сергея Куняева о публикации «Из глубины» и отзыв Василия Розанова о книге «Говор зорь».

Пимен Иванович Карпов – это часть нашей культуры, это наша гордость, наша надежда на Светлый град, о котором мечтал крестьянский сын из забытой Богом «глубины». Благодаря ежегодно проводимым в районе Карповским чтениям мы уже привыкли к этому имени, знаем какие – то моменты его биографии и творчества, но много ещё для нас и неизвестного о жизни писателя – земляка и нам предстоит долгий путь понимания, постижения его творчества. В плане патриотического воспитания творчество Пимена Карпова даёт хороший материал, который можно и нужно использовать в работе, чтобы знать свою малую родину и быть достойными гражданами своей страны.

Поэзия Пимена Карпова.

Моя жизнь.

Слава слав тебе, жизнь моя горькая!
Всё познал я – о чём мне тужить?
Выйду в дикую степь, что за горкою,
И опять колдуном буду жить.
Накопаю кореньев там ерестных,
Щавелиного яду сберу,
И под шум заколдованных вересков
В над курганном укроюсь бору.

Всю – то жизнь я томился да маялся
О тебе, мой отверженный род.
Ты ж в безумстве своём не раскаялся,
И настал он, возмездия год-

Год, когда за мои же пророчества
Обречён я, святой и палач –
На мучительное одиночество.
На глухой заколдованный плач.

Звездокормчий.

/Александр Кусикову/

Сторона ли моя окаянная,
Звездокормчих – хлыстов сторона,
Ты ли, Русь моя обетованная,
На пропятие мне отдана?

Заряжу ружьё патронами,
Отточу зазубренный штык,
И за пламенными знамёнами
Закачусь, бесшабашный мужик!

Сторонитесь, попы долгогривые!
Нипочём теперь мать и отец:
Разгулялось поволие гуллиное,-
Понакликало свету конец!..

Только голову жаль забубённою...
Не скули ты, гнусавый набат,
Будто Русь искромсали крещённую
Штык зазубренный, острый булат!

Радость.

О, совершенная радость
Златоосенних садов!
В сердце щемящая сладость,
Звёздный над хижинкой кров,

А за избушкой дорога
В благостном солнце ушла.
Светлых обителей много,
Дней золотых без числа.

Русая девушка прячет
Взор свой у жёлтой тропы,
Красным закатом маячат
Ей золотые снопы.

Любо под яблоней шумной
Знать мне, что счастье есть,
Что по садам, да по гумнам
Светлых даров не исчез!

* * *

Колдовская дорога – в луне,
И сады над дорогой – в цвету...
Погадай, моя мать, обо мне,
Приложись за меня ко кресту,

Над безмолвием отчих могил
Вспомни, вспомни меня и забудь:
Путь далёкий Господь мне судил,
Колдовской отречения путь...

О, на этом кровавом пути –
Все цветы и весь гул бытия!
Головы мне своей не снести,
Но бессмертен в веках буду я.

Светлоград.

Огонь, огонь, бушуй, крестись, взвивайся!
Смертельно тяжело мне. Огонь, щади!
Мольба моя – мольба о грозном часе:

Услыши окаянного. Приди.

О, страшна мне смерть, страшна тревога,
Что ты отверг меня и не простил...
Молю тебя у Тёмного Чертога:
Приди с благою вестью! Дай мне сил!

Дай знак благоволенья к этим силам,
Чтоб свет во мне затерянный открыть,
Чтоб, демоном пылая шестикрылым,-
Россию пламенем крестить!

Заклинение России.

О золотой ковчег, о Светлый Град –
Россия от востока до заката!
Светла твоя душа, блаженен взгляд
И сердце бурнопламенное свято.

Любви и жизни сказку, Русь, созиждь
Над светлым огнедышущим востоком,
Глашатаем восстань, и пой, и виждь
Смятение души всезрящим оком.

В грозе прими и буре Судный День,
Благослови миры мечом крылатым,
Взойди на буйнозвёздную ступень
И причастись причастием залятым.

Но, возмутив в зазвёздной глубине
Ключи глухие яркой, древней теми,
Сожги себя на медленном огне
И изойди в неукротимом греми.

Испепелив же сердце, возревнуй
За правду тресвятым и лютым гневом
И мир, и мглу, и звёзды поцелуй
Перед закатным пламенным напевом,

А на закате копья промечи,
Раскатами огня ударь над бездной
И все края, все страны научи
Твоей, о Русь, науке – пляске звёздной.

Полуденный путь.
/С.Т. Григорьеву/

От болот и от омутов ржавых,
Где и темень и мхи и буран,
Мы сошлись на распутьях кровавых
У порога полуденных стран.
Опрокинулись горы Кавказа,
Гималаи, как карточный дом,
И в тайник золотого оаза
Мы за солнцем свирепым идём.
Перед нами встают из пустыни
Реки праотцев, Тигр и Евфрат,
Да сиянье лазоревых врат.
Но вскрываются чёрные раны
В смертоносном дыханье войны:
Нами все уж изведаны страны,
Нами все уж пути пройдены.
Изошли мы все кровию дикой,
И в боях нам нельзя отдохнуть,..
Был и северный путь снежноликий,
Был и дальний заоблачный путь.
А теперь вот, ватагою буйной,
Снова вспомнив о радужном дне –
На полуденный путь-солнцеструйный
Устремились мы в лютом огне.
К солнцу тропиков, звёздному зною!
К Светлограду! К лазурным ветрам!
Время вечной упиться весною,
Время – несть откровенья мирам,
Опрокинуть их россыпью звёздной,
Словно жемчуг и перл из ковша,
Чтобы вырвать из пасти железной
Всё, чем вещая бьётся душа.

Заклинание России.
А. Ганину

О, золотой ковчег, о, Светлый Град –
Россия от востока до заката!
Светла твоя душа, блаженен взгляд
И сердце бурнопламенное свято.
Любви и жизни сказку, Русь, созиждь,
Над светлым огнедышащим востоком,

Глашатаем восстань, и пой, и виждь
Смятение души всезрящим оком.
В грозе прими и буре Судный день,
Благослови миры мечом крылатым.
Взойди на буйнозвёздную ступень
И причастись причастием заклтым.
Но, возмудив в зазвёздной глубине
Ключи глухие яркой, древней теми,
Сожги себя на медленном огне
И изойди в неукротимой греми.
Испепели же сердце, возревнуй
За правду тресвятым и лютым гневом
И мир, и мглу, и звёзды поцелуй
Перед закатным пламенным напевом,
А на закате копья промечи,
Раскатами огня ударь над бездной
И все края, все страны научи
Твоей, о Русь, науке – пляске звёздной.

* * *

Любви и жизни сон уплыл куда –то,
А явь судьбы тлетворна и ничтожна.
Туманный месяц, ночи соглядатай
Ракиты тронул рогом осторожно.
Текут в моей груди прибои шума,
Тепло да свет мечтательный и бледный.
А полночь, как Яга, твердит угрюмо
О том, что жизнь пуста и люди бедны.
Но лес шумит, побеги жизнью полны,
И себрдце льётся горячо и скоро,
Да вторя сердцу, сумрачные волны,
И сердце льётся горячо и скоро,
И сердце льётся горячо и скоро,
Да вторя сердцу, сумрачные волны
Поют наперебой под сводом бора.
Далёкие и томные русалки
Зовут на праздник жизни за туманы,
Рассветом голубым облив фиалки,
Дымятся звёзды – счастья талисманы.
Таинственная лилия лампадой
Цветёт, благоуханна и безгласна,
И сердце переполнено отрадой:
Да, жизнь, как ни горка, новсёж прекрасна.
Пусть сон мой навсегда уплыл куда –то ,

Пусть явь судьбы тлетворна и ничтожна.
Но жизнью, как росой, земля богата,
И счастье под звёздами возможно.

Ключ – звезда.

Ключ – звезда потонула в пруду...
Голубые звенят голоса...
Я навстречу созвездьям пойду
И ключом отворю небеса.

Духом вспененный, я положу
Через звёздные пропасти мост
И отверженным людям скажу:
Каждый будь беспечален и прост.

Мне берёзка красивей мечты
И покоя желанней костёр,
Зацветут по раздолью цветы,
На зелёный я выйду простор.

Полюблю голубую зарю,
Нет зачатое, жуткое да,
И в тебе, и с тобою сгорю,
Ключ – звезда!

* * *

Колдуют розы лунным светом,
в цвету росистые сады,
Поверю ль чарам и приметам
Моей таинственной звезды?

Всё, что моё – необычайно,
Всё, что загадочно – моё:
И заколдованная тайна,
И всей вселенной бытие.

В лесу, шумящем свежим шумом,
Поэт и Бог мне – каждый лист.
Берёзам – песням, ивам – думам
Молитвы шлю я, сердцем чист.

Туманы пламенным рассветом
Плывут над зеркалом воды...

Поверю ль чарам и приметам
Моей таинственной звезды?...

Из поэмы «Отверженец».

И Русь, в огне любви сгорая,
Всё так же жизнь крестя огнём,
Прошла от края и до края
Полмира с солнцем и мечом;
Но напоив миры свободой,
Железным голосом крича,-
Под голубым и звёздным сводом
Сама сгорела как свеча...
И видели с звезды святые
Пророка синие глаза
Как пролилась огнём Россия
И сотрясла миры гроза...
Тогда – то вещий голос Бога
К России пламенный возрёк:
«Достоин светлого чертога
Бессмертный твой, Россия век.
Пройди огонь, изведай бездны
И неизведанную высь.
Восстань над тьмою песней звёздной
И песней звёздной закатись.
Пусть голос твой земля осудит,
Но вещие твои слова
Моя душа не позабудет,
Пока любовь и жизнь жива!»

* * *

Околдовывай песнями, пахарь и брат.
Золотую весну береги, береги:
Только нам ожерелья созвездий горят,
Только нам их улыбки с тобой дороги.
Подари буйнозвёздные радости мгле
Как сшибался с драконом, и пел, и страдал,
Тот, кто битвы не видел – не плакал земле,
Тот, кто медлил – созвездья свои растерял.
Так греми же созвездьями, пахарь и брат!
Рассыпай, рассыпай золотые мечты!
Будь безмерными жутким страданиям рад:
Огневые страдания – те же цветы.

* * *

Стой, солнце, бурнопламенный мужик –
Пока не устаю благословлять!
Беременная под тобой земля –
Вот боль моя и вот о чём мой крик!
Целуй её и запускай ей в грудь
Свирепых излучений лемехи,
Чтоб исходили страстью камни, мхи.
Не в силах от лобзаний отдохнуть...
А я, твой буйный отпрыск и твой плод,
Качаясь спелым колосом златым,-
Всё также буду грохотом слепым
Благословлять твоих зачатий год!

Чёрный знак.

Звездой тёмного пророка
В подземной копотной избе
Я рос, покорный гнёту рока
И жуткой пахаря судьбе.
Предела не было порывам,
Любви не исчерпаем путь!
Я тщетно верил дням счастливым
От мук не в силах отдохнуть...
Я знал: любви не возвратиться
И радости в глухом краю;
И с песней жаль было проститься
Душе, поломанной в бою...
И плачут славившие прежде
В моей груди колокола,
Что облетели все надежды,
Что прахом молодость прошла!..
Пророчествам и грозам внемля,
Я только песнями живу,-
Рву над главою звёзд траву,
А под ногой целую землю...

Николай Аверьянович Шатохин

– мастер короткого рассказа

Родился я 1 января 1946 года в поселке Варванцев Севского района Брянской области. Название поселка произошло от фамилии спекулянта, многодетного мужа и неотесанного самодура, хитрого хохла, накануне революции неосмотрительно прикупившего в наших местах усадьбу с экономией у сахарозаводчика, депутата Думы и министра имперского правительства Терещенко. На месте бывшей помещичьей усадьбы и образовался в 1929 году наш поселок в результате разделения больших семей села Троебортное – часть членов семей осталась на прежнем корне, а часть (молодежь) переселилась во вновь открывающийся населенный пункт.

Родители – крестьяне. Отец – Аверьян Сергеевич за свою жизнь успел много где «засветиться»: перед сплошной коллективизацией руководил ТОЗом (товарищество по совместной обработке земли). В годы, предшествующие Великой Отечественной войне, работал председателем колхоза, сельсовета. Возглавляя сельсовет, так увлекся исполнением своих обязанностей, что не заметил как немцы подошли к селу Троебортное (центральная усадьба) и едва не сцапали его (см. мой рассказ «Сельсоветская печать»). Вообще-то, Николай Дмитриевич, все, что касается моих близких и меня, можно найти в моих очерках, рассказах.

Однако вернемся к отцу. С 1941-го по 1943-ий годы отец партизанил в знаменитых Хинельских лесах в отряде им. Чапаева (на фронт он не попал по возрасту). Не раз, конечно же, подвергался риску, один случай описан мною в новелле «Картуз». А уж как рисковала моя мать, имея такого мужа!

Не сосчитать всех случаев издевательств над ней со стороны врага, особенно полицаев. Ее даже однажды водили на расстрел.

Семья у меня была большая: двое родных сестер, одна сводная, четверо сводных братьев (от первых браков отца и матери).

Всех их воспитывала моя мама. Успевала она и по колхозным нарядам ходить.

Жили очень бедно. Достаточно сказать, что хата у нас не имела нормальной крыши (была накрыта соломой), полы - опять же земляные. Нередко голодали. Мать, упрекая отца в этом (он работал тогда председателем сельхозартели) говорила: «Неужто не можешь принести со склада для семьи килограмм жита?»

На что родитель отвечал: «А что скажут люди? Все есть хотят...»

После войны отец руководил Севским детским домом. Тем не менее, когда пришло время оформляться на пенсию, отцу в государственном пособии отказали – документы, подтверждающие стаж, потерялись в годы военного лихолетья. Наверное, можно было добиться «правды», настойчиво стучась в двери различных инстанций, тем более, что отца знали и уважали в районе, но родитель не считал нужным для себя «унижаться и просить». Мать получала колхозную пенсию, сначала 8 рублей, потом – 12.

В 1953 году я пошел в первый класс Троебортовской семилетки (об учебе в школе см. мою повесть «Пора надежд»). Благополучно перейти в следующий класс не смог – тяжело заболел корью, давшей осложнение. Выжил только чудом (читай рассказ «Корь»).

После семилетки я уехал к сестре Нине в г.Вилейка Минской области Республики Белоруссия. Продолжил учебу в вечерней школе, одновременно работал на мебельной фабрике на фанеровке и сборке раскладных столов. Получив аттестат, вернулся на родину. Преподавал труд и физкультуру в Хвощевской, Княгининской восьмилетках.

Писать я начал с четвертого класса, пробовал печататься в «Пионерской правде», но успешнее всего у меня получалось сотрудничество с районной газетой «Севская правда». Поэтому вполне закономерно, что в 1964 году получил приглашение на штатную работу в редакцию этой «районки». Литсотрудник, старший литсотрудник... И так вплоть до призыва в Советскую Армию.

После службы некоторый период трудился на культурной ниве – заведовал Троебортовским клубом. Потом снова – газетная работа в родной «Севской правде».

На этом мои одиссеи не закончились. Некоторое время работал в многотиражной газете «Автозаводец» (г.Брянск), районной газете в Плавске Тульской области.

Пришлось трудиться и не по профилю, скажем, завхозом в школе. Короче, усидчивостью я по молодости не отличался.

С 1980 года по сей день – «служу» в газете «Районные новости» (пос. Хомутовка). С 1992 года – главный редактор газеты.

В 1980 году окончил Воронежский госуниверситет. Член Союза журналистов с 1971 года, член Союза писателей с 2009 года. Вот, пожалуй, коротко и все.

Уважаемый Николай Дмитриевич, большое спасибо Вам за внимание к моей скромной персоне. Это приятно мне еще и потому, что 2016-ый – юбилейный для меня год, но кроме Вас об этом никто и не вспомнил. Ни Союз журналистов, ни Союз писателей. Я не удостоился и пятидесяти строк в каком-либо издании. Ну что ж, господа заняты возвеличиванием самих себя. Как говорится, Бог им судья.

Об авторе.

Николай Аверьянович Шатохин – член Союза писателей России с 2009 года. Исследователь жизни и творчества Пимена Ивановича Карпова, широко известного в дореволюционное время, а в советский период напрочь забытого писателя и поэта Серебряного века.

Долгие годы, работая в редакции районной газеты в посёлке Хомутовка Курской области (с 1992-го и по сию пору – главным редактором), Н. Шатохин одновременно занимается возрождением имени и трудов своего знаменитого земляка – Карпов родился в селе Турка Хомутовского района, здесь же и похоронен.

Шаг за шагом Николаю Аверьяновичу удалось вернуть из забвения многие страницы творчества литератора, важные моменты его биографии. В частности, Пимен Иванович был знаком с М.Горьким, А.Блоком, Львом Толстым, с двумя последними состоял в переписке. Дружил с Сергеем Есениным. Это Есенин написал на обратной стороне своей фотографии, подаренной Карпову в 1916-ом, следующие строки: «Друг ты мой, товарищ Пимен. Кинем мы с тобою камень в небо, кинем. Исцарапанные хотя, но доберемся до своего берега и водрузим свой стяг, а всем прочим осиновый кол поставим».

В 2010-2011 годах стараниями Николая Шатохина в Курске, в издательстве «Славянка» вышел двухтомник основных карповских романов, помещен в собрании сочинений и большой свод стихотворений Пимена Ивановича. Кроме того, Николай Аверьянович – автор книги статей «Друг ты мой, товарищ Пимен» (Курск, 2013 год).

С 1996 года на родине прозаика и поэта «крестьянского направления» регулярно проводятся Карповские чтения. Нынешним летом они пройдут в двадцать второй раз.

Администрацией Хомутовского района учреждена премия имени знаменитого земляка в нескольких номинациях, в том числе «За лучшую постановку работы в школе и на уроках литературы, связанной с пропагандой творческого наследия Карпова и писателей-курян».

«...Но дернула меня нелегкая бросить поля родные и уйти в город...»

Неизвестное произведение и ранее нигде не публиковавшееся целиком письмо Пимена Карпова.

ЭТИ ТРИ ИМЕНИ, три произведения, появившиеся друг за другом в печати в предреволюционный период, вызвали досель небывалый шквал критики в обществе, в газетах и журналах того времени. Имеются ввиду Надежда Санжарь («Записки Анны», 1910 г.), Михаил Сивачев («Прокрустово ложе», 1911 г.) и Пимен Карпов («Пламень», 1913 г.). Чем же пришлись не по нраву прессе и публике названные книги и авторы? Своей ядовитостью, ненавистью к интеллигенции (Д.Философов) или остротой, злободневностью поднимаемых проблем? Ныне почти никому неизвестный публицист Л.М.Клейнборт в солидном труде «Очерки народной литературы» (Ленинград, 1924 год), охватывающем период с 1880 по 1923 годы, посвятил нашим героям и их детищам отдельную главу «Сивачевщина». В отличие от многих и многих «ниспровергателей», без раздумий поставивших крест на личностях и творчестве поименованных писателей, Клейнборт не спешит с выводами, пытается дать объективную, верную оценку весьма неординарным литераторам и тому, что ими создано. Действительно ли эти писатели полубездарны, полуударённые, как утверждает Д.Философов, а их сочинения не стоят ломаного гроша? И надо ли поспешно «бросать куда-нибудь в угол» карповский «Пламень» (мнение критика А.Ожигова) или «Записки» Сивачева и Санжарь.

- Нет! - заключает критик. - Уже потому, что они не оставили никого равнодушными...

И для большей убедительности добавляет: «Один Блок – сопоставляя «Пламя» с «Записками» Санжарь и Сивачева – пророчески писал: «от них, как от книг, не сохранилось ничего, сохранилось лишь нечто, чего выразить и оформить невозможно, как память о физической боли. Нам придется рады мы или не рады запомнить кое-что о России»...

Естественно, в работе Льва Наумовича Клейнборта нас интересует жизнеописание Пимена Карпова, данные ему и его творческим исканиям характеристики, тем более, что в своем труде автор использует совсем незнакомое мне и, уверен, нашим читателям, произведение земляка «Исповедь самоучки», напечатанное в «Журнале Журналов» в 1915 году.

«Как и в своем романе, - отмечает Лев Наумович, - Карпов и в этих записках обрывист, загадочен, сбиваясь с бытовой канвы на не поддающийся переводу язык житейский...»

А теперь – слово самому Пимену Ивановичу.

«Есть что-то зазорное в писании жизнеописаний, особенно самоучек, у которых почти ничего нет в жизни, кроме нищеты и унижений. Я поэтому и в могилу унесу с собой пытки моего бытия. Буду говорить о редком и мимолетном, о радостном и светлом, что было в моей жизни. Первое, что запечатлел я в раннем детстве, что поразило меня и привело в ужас, это – солнце. В семь лет, наслушавшись рассказов о святых, я возжаждал быть святым, да не простым святым, а чудотворцем, по одному слову которого исцелялись бы все до одного в мире больные и страждущие, и исчезали бы с лица

земли беды, несчастья и неправды. Я не требовал бы ни молитв, ни поклонений, - я просто исцелял бы всех, кто нуждается в исцелении. Но сделаться святым мне помешало то, что я до безумия влюбился в соседскую девчонку. А влюбившись, я слагал песни, которые распевал по деревне... Мне тогда было уже девять лет. Возлюбленная моя изменила мне, и я проклял ее. Пошел плутать по деревням.

После уже, когда я сам влюблялся столько, сколько встречал молодых женщин и девушек, я простил первую мою любовь, что изменила мне; ибо и изменила-то она мне, чтобы узнать, взаправду ли я люблю ее. Ей было тогда тринадцать лет.

Уже совсем взрослым я пошел пешком в Москву. Жить в степи с солнцем и цветами, пасти стада, копать коренья, собирать щавель – какая это радость! Но дернула меня нелегкая бросить поля родные и уйти, очертя голову, в город из-за какой-то там любви – из-за девушки со светлыми глазами. И да будет трижды проклято это «сердце России», заплывшее жиром, как у откормленной свиньи! Москва встретила меня враждебно, и я, отряхнув ее прах с ног своих, ушел в Петербург. В Питере в надежде встретить светлоглазку, иду на набережную Невы. Умиляюсь шири и мощи реки. Спрашиваю робко какого-то прохожего:

- Не видали вы тут близ Невы девушку со светлыми глазами?

- Какая же это Нева, это Обводный, - презрительно щурит он глаза. – Необразованность!

Ладно, - утешаю я себя, и иду в храм искусства, в музей. Оказывается, он тут же. Картины видать через окна с улицы. Но, боже, зачем здесь крики и звон бутылок, и табачный дым? Неужели и здесь нет девушки со светлыми глазами?

«Музей? – переспрашивает меня кто-то из-за столика. – Трактир это, брат, а не музей. Пойми это, деревенщина. Ну, а девушку тебе надо, так на тротуаре, которая с папироской...

Голод заставил меня петь на городских стогнах любимые мои песни, но вот горе: за первую же мою песню отвели меня в участок и чуть было не выслали.

Но я уже знал, что на улице делиться песнями да сказками невыгодно: никто ничего не дает. А пойти в редакцию – грамоты не знаю, своих же песен списывать не умею; два года назад впервые увидел в степи у какого-то мальчика букварь, кое-что раскумекал сам собой, но и только. Я день-деньской хожу, задрав голову, по городу, выучиваю по вывескам грамоту. Да, по вывескам. И как успешно! Через месяц я уже читаю, как заправский пономарь, а через другой – и пишу без ошибок. Конечно, пока печатными буквами пишу (Карпов лукавит, к моменту приезда в Петербург у него за плечами была начальная школа – Н.Ш.). Без посторонней помощи постиг настолько науку слова, что уже печатал фельетоны и стихи в «Русской жизни», в газете Дучинского, которую редактировал В.В. Брусянин.

О, незабвенный девятьсот седьмой год, когда законодательствовала, а не подхалимствовала Дума! Или Думы? Не помню, сколько их в том году было. Прихлопнули, понятно, «Русскую жизнь».

И, благословясь, направляю стопы своя в «Речь», к редактору Иосифу Владимировичу Гессену. Говорю ему:

«Я самоучка, крестьянин... Земли нет... и хаты нет... мать побирается, отец болен... Я работал в «Русской жизни», а теперь ее закрыли. Вы, товарищ Гессен, - такое тогда было модное слово «товарищ», и так я еще был глуп, - вы, товарищ Гессен, понимаете, что самородки на свете редки. В России они только водятся, а за границей их уже нет. Так поддержите меня, товарищ Гессен. Дайте работы. Три дня не ел. Не спал – негде. Вы поможете?»

Но вместо ответа товарищ Гессен нажимает кнопку. Кричит вошедшему служителю:

- Без доклада ко мне никого не впускать, болван!

Помню, меня тогда больше всего поразил не отказ, не страх голодной смерти. А то, что Иосиф Владимирович назвал сторожа болваном вместо того, чтобы назвать его товарищем.

Как-то пошел я в религиозно-философское общество Д.С.Мережковского. И вот он, прежде, чем принять в ложе неохристианской церкви – подвергает меня допросу:

- Кто вы? Како веруете?

- Крестьянин. Взыскую Грядущего Града.

- Где учились?

- Нигде. Самородок. По букварю в степи начал...

Мережковский ехидно улыбается.

В Петербурге я печатал стихи, статьи и рассказы в периодических изданиях. Книги мои «Говор зорь» (1909 г.), «Знойная лилия» (1910 г.), «Пламень» (1913 г.) изданы также здесь. Характерно, что ни об одной из них московская пресса не обмолвилась ни одним словом, в то время, как в петербургских газетах и журналах были статьи и заметки обо мне. Мне сейчас 27-ой год. Хотя доктора определили мне жизни не больше пяти лет, но – думаю я – их достаточно, чтобы отомстить моим врагам – не злом, а добром: это-то и есть месть настоящая».

БОГАТОЕ ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПИМЕНА КАРПОВА ЖДЕТ ЕЩЕ СВОЕГО ПУБЛИКАТОРА.

Я же хочу познакомить читателей с одним из его интереснейших писем, ссылки на которое можно встретить в научной, мемуарной литературе, но целиком до сих пор нигде не публиковавшееся. Письмо (кстати, оно хранится в частном собрании) адресовано в Ташкент М.П. Новиковой-Костеловой, близкому человеку поэта Александра Ширяевца, с которым Пимена Ивановича Карпова связывали многие годы крепкой и искренней дружбы, и является откликом на неожиданную, наделавшую массу слухов, необъяснимую смерть Ширяевца в расцвете сил весной 1924 года. Кончина талантливого поэта стала

настоящим землетрясением для его товарищей, соратников. Что это так, свидетельствует хотя бы факт написания Сергеем Есениным, тоже тесно дружившим с Ширяевцем, стихотворения его памяти.

*Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать...*

Однако приведем само письмо Пимена Ивановича, которое он, как уже сказано выше, отправил подруге Ширяевца из столицы в Ташкент.

*«Москва, 11 июля 1924 года
Милостивая Государыня!*

Смерть А.В. Ширяевца поразила своей жестокостью и неожиданностью не только Вас, но и всех знавших его. Здесь, в Москве, у него был обширный круг знакомых среди писателей, художников, артистов, было несколько близких друзей, которые, может быть, недостаточно чутко относились к покойному при жизни, но теперь, после его смерти, одинаково горестно оплакивают безвременную утрату его и как благороднейшего, с кристальной душой человека, и как редкого талантливого поэта-баяна.

Я лично жил с покойным в одном Доме Герцена, даже в одной комнате. Все время, от лета 1923 г. до начала 1924 г., мы вместе читали, работали, каждый в своей сфере, обсуждали планы на будущее, и, можно сказать, без преувеличения, радовались одними радостями и печалились одними печальми. И никогда я не слышал в речах его слова отчаяния или упадка сил. Наоборот, он очень был бодр, много работал, трунил даже надо мной, как «пессимистом». Немного роптал он на современные условия, не позволявшие писателям жить и работать так, как подобает, но это – ропот всех современных людей, причастных к творчеству.

Зарабатывал он сравнительно прилично, особой материальной нужды не испытывал, даже иногда помогал займами близким (и лично мне). Все время он твердил о женитьбе, как бы вскользь упоминая, что у него в Ташкенте осталась невеста, с которой он был помолвлен три года назад, но которая его, вероятно, забыла. Впрочем, долю вины в этой забывчивости принимал на себя, говоря, что по беспечности и за недостатком времени не мог невесте часто писать. Все же, у него горела какая-то надежда, и он был весел.

Перелом, мне думается, наступил после поездки в Ташкент – в начале января э.г. Ехал он туда жизнерадостный, полный надежд на личное счастье, а вернулся опечаленным и как бы примолкшим. На мои вопросы отвечал коротко: «А невеста-то отишла меня». Ни имени ее, ни того, кто она – он не сказал. Он весь отдался работе.

6 мая э.г. он заболел легко малярией. Приглашенный врач ограничился общими советами. Я в это время сам был болен и должен был ехать в санаторий. Александр Васильевич попросил меня отложить мой уход в

санаторий и побыть с ним. Я остался. 10 числа в болезни А.В. наступило резкое ухудшение и я, посоветовавшись с врачом и с самим А.В., должен был отвезти его в больницу. Все же Александр Васильевич в это время надеялся на быстрое выздоровление и собирался, как он говорил, повалявшись с неделю в больнице, ехать потом на Волгу, а оттуда, может быть, в Ташкент, чтобы к сентябрю вернуться в Москву. Покойный в состоянии был не только рассуждать, с легкой, правда, иронией, но и ходить. Так он сам входил в пролетку извозчика, сам сходил, сам расплачивался. Простившись со мною в больнице, покойный посоветовал мне ехать в санаторий, что я и сделал. Как вдруг, 15 мая вечером я по телефону слышу от Есенина, что Александра Васильевича не стало.

Потеря его лично для меня равносильна потере отца, матери, брата. Тут слова излишни. Из расспросов больных и сиделок можно было узнать, что покойный тяготился отсутствием близких, часто бредил. 15 мая, в день смерти, его посетила какая-то девушка в вуали и он навстречу ей, встав с кровати, прошел несколько шагов. Та успокоила его и, побеседовав, ушла спустя несколько минут. В болезни наступил, очевидно, кризис и Ширяевец скончался. Это было в 4 часа 10 минут по полудни. Смерть была мгновенной.

В истории болезни говорится, что роковой исход произошел от менингита (кровоизлияние в мозг на почве малярии). Все же там стоит огромный знак вопроса. Подлинная причина смерти не уяснена.

Похороны были торжественные. Литературная Москва (Союз писателей, Союз поэтов, Литерат. звено и т.д., особенно группа, близкая по духу покойного – Есенин, Клычков, Орешин и др.), – все пришли отдать последний долг. Гроб был засыпан живыми цветами. В надгробных речах недостатка не было, но, увы, оценка Ширяевца, как человека, и, главное, как поэта-песнопевца была несколько запоздалой. Похоронен покойный на Ваганьковском кладбище рядом с могилой писателя А.С.Неверова, в 3 часа дня 16 мая.

Не могу не сказать об одном трогательном явлении в этот момент незабываемый: когда окончились речи и гроб опустили в могилу, над нею, тут же, на ветке березы, спускавшейся к могиле, громко запел соловей.

В полдень, в присутствии большой толпы народа, на виду у всех – вольный лесной певец отдавал последний долг своему старшему собрату – певцу – человеку. Это была самая лучшая надгробная песнь. И это тогда же всех поразило. Об этом многие говорят и сейчас.

Литературное наследство покойного передано специальной комиссии Всероссийским Союзом писателей. Сочинения его предлагают издать в двух томах, а доход с издания употребить на постройку надгробного памятника. Сейчас на могиле стоит крест. Покойного отпели в одной из церквей Москвы, так как он выражал незадолго до смерти в этом смысле свое желание.

Вот и все. Думается, последним заветом покойного всем нам было: не отчаиваться и жить, несмотря ни на что...

С глубоким уважением Пимен Карпов».

Николай Шатохин

Пять рассказов о деревенской жизни

Чай с солью.

Бабка Настя нагребла кочергой на загнетку кучу горящих углей, приготовилась водрузить на них старый промасленный латунный чайник... В этот момент стукнула входная дверь, в сенцах послышались чьи-то шаги и тут же на пороге избы показалась высокая дородная, лет шестидесяти, женщина.

- Здорово, сваха, мать твою!.. – кинулась старуха с объятиями к хозяйке. – Что ты, ни свет, ни заря, пролупилазенки? – налегая на «о», попеняла гостья с ходу. - Я в это время обычно еще пузыри кверху пускаю...

- Ты, свашенька, городская, а я в деревне живу, - не преминула возразить бабка Настя. – Пока свиньям корм сварю, пока корову обихожу, курам и гусям зерна задам...

- А про себя, мать твою, ты хоть успеваешь позаботиться?

- А как же. И про себя, и про своих домочадцев... Вон их у меня сколько: мужик, хозяин мой, дочь старшая, внучка... Одних щей ведерный чугунок кажин день в печь закатываю...

- А чай, мать твою, ты хоть варганишь? Мы, ивановские, без этого напитка и часа не обходимся.

- Чай завариваю на мяте, зверобое, на богородицкой травке... Вкуснотища! А главное – пользительно!

- Тащи же быстрее на стол свой взвар! – распорядилась приезжая. – У меня, мать твою, во рту с дороги все пересохло...

Бабка Настя, недовольная бесцеремонностью гостьи, небрежно поставила на стол латунную посудину.

- А что это ты, сваха, материшься, как сапожник?- поинтересовалась она.

- Я матерюсь? У нас, в Иваново, так все говорят... Привыкай, теперь я тебе близкая родня...

- Привыкать не собираюсь, стара уже, да и дитё пощади. Вон она на печке, слушает твою бранную речь...

Бабка вынула из печи ухватом сковородку жареной на сале картошки, поднесла ее новоявленной родственнице.

- Позавтракай, дорогуша, пока с пылу с жару, - предложила Настя, немного успокоившись. – Чаевничать хорошо, сытно поев...

- Отстань от меня с едой! Дай мне лучше солонку, - потребовала капризная гостья.

- Что ты собираешься делать? – удивилась бабка Настя.

- А сейчас посмотришь!

Она взяла в руки ковригу черного хлеба, прижав её к груди, отвалила ножом приличную краюху, густо посыпала ее крупной солью. Так же неспешно отлила из литровой кружки чай в блюдце и принялась, кусая ломоть, отхлебывать ароматную жидкость. Минут пять сидели молча. Бабка Настя не могла взять себе в толк, как это можно гонять чаи без сахарной заправки. «Родня издалека», в свою очередь, наверное, дивилась «дремучести» хозяйки дома.

- Я, чтоб ты знала, сладкое с детства не признаю, - словно прочитав Настины мысли, сказала гостья.

Помолчали еще.

- Хочу тебе, свах, пожаловаться, - наконец заговорила приезжая. – Совсем забыл про мать Толик. Твоя Валентина тебе часто пишет?

- Не часто, но пишет, - откликнулась Настя. – Нам бы больше хотелось...

- Вот и я о том же... Не нуждаются наши детки своими родителями. Зачем? Выросли, обзавелись семьями... Разбогатели... А что матери и отцы себя не щадили, растя их... Об этом запамятовали...

Горожанка снова потянулась к чайнику, наполнила взваром кружку до краев, плеснула из нее немного в чашку и опять занялась священнодействием.

Наступило время обеда. Бабке Насте надо было управляться по хозяйству, но городская родня не торопилась вставать из-за стола. Поглощала хлеб, запивая его чаем. Господи! Сколько кружек успела «оприходовать» за эти несколько часов! Десять, пятнадцать?... Наконец, она поднялась...

- Довольно рассиживаться, - сказала самой себе гостья. – Завтра в дорогу. Погуляла и хватит. Как ты считаешь, свах, я правильно гутарю, мать твою...

Головная боль.

Мишка зачастил с пропусками в школу. Чуть что – «мам, я на занятия не пойду, головка болит». Материнское сердце доброе, отзывчивое, тем более, если речь идет о собственном ребенке.

«Полежи, сыночек, это ты в школе перетрудился...» - сочувственно вздыхала родительница. Но... Болезнь не отступала и постепенно у женщины начало закрадываться сомнение. Обычно Мишка жаловался на головную боль, возвратясь со двора. Решила мать проследить за сыном и выяснить причину его недуга.

В сарае, в кагате торфа, женщина прятала от мужа большие сулеи с самогоном. Мишка обнаружил схрон и время от времени стал прикладываться к емкостям с горячительным. Делал он это довольно ловко. Вынув из бутылки кукурузную пробку, вставлял туда длинную соломинку... И вот уже сообщающийся сосуд готов...

Конечно, с начинающим алкоголиком провели соответствующую работу. Он как будто все понял, обещал спиртного в рот больше не брать. И слово свое держал. Головные боли, внезапно начавшись, так же внезапно и прекратились. Мать почти успокоилась. Но не зря говорят: беда одна не ходит.

В ту пору в колхозах, на личных приусадебных участках вплотную занялись истреблением колорадского жука. Для этого завезли в село какие-то

жидкие яды. На полях коллективного хозяйства их разбрызгивали с помощью техники, на частных огородах, разбавив в ведрах, распыляли посредством веника.

Выдавали яды под роспись за деньги, точнее, в счет зарплаты. Количество выдаваемой отравы зависело от площади посевов картошки.

Уж как так случилось, что Мишкины родные не всю жидкость использовали, история умалчивает. По беспечности и сам остаток яда они не сумели как можно дальше упрятать... Если б знать, где упасть, то всегда бы соломки подстилали...

Короче, обнаружив в сенцах бутылек с прозрачной жидкостью, парень выпил ее, приняв за спиртное домашней выработки... Спасти мальчишку не удалось...

Вампир из чайника.

Сколько лет было этому чайнику, никто в семье сказать не мог. Только с большим трудом можно было угадать, что сделан он из алюминия - таким толстым слоем покрыли его копоть и время. Чайник давно уже не использовался по назначению. Вернее, вообще не использовался. Раньше бабка Настя складывала в нем яйца с насеста, для чего подстелила на доньшко тряпку, чтобы яйца не бились. Потом чайник забросили совсем, тем более, что была потеряна крышка от него. Вынесли в сенцы, сунули куда подальше с глаз и забыли.

Вспомнили через год, а может, через два. Зачем-то понадобилась металлическая емкость. Извлекли на свет божий и замерли от неожиданности. На подстилке в чайнике безмятежно спал... ежик. Поначалу подумали, что ежик мертвый, потому как зверек даже не пошевелился. Однако вскоре он пришел в себя, захрюкал по-пороссячи.

Дело было к осени, решили определить живую находку в избе под печкой, все теплее, чем в коридоре. Ежик быстро освоился в новых условиях, вел себя как полноправный член семьи, научился просить есть – с удовольствием лакал из блюдечка коровье молоко.

Прошла зима, наступила весна. Выносить вновь ежика в сенцы не стали, а тут из гнезда гусыни, сидевшей на яйцах, начало доноситься попискивание птенцов.

Бабка Настя зорко следила за тем, чтобы гуска ненароком не затоптала своих новорожденных детенышей, вынимала их по мере появления на свет и сажала в большое решето, прикрытое сверху куском легкой ткани. Решето поставила под телятник – было такое прежде в каждом деревенском доме министойло для временного содержания в зимний период молодняка КРС в первые несколько дней его жизни.

Когда бабка Настя хотела опустить в решето очередную партию гусяного племени, она чуть не выронила живые желтые комочки: в решете лежали четыре или пять мертвых гусят с зияющими дырками в головках. Какой-то вампир высосал из них всю кровь. Долго гадать, кто это был, не пришлось: вскоре объявился и сам виновник, ежик, с перепачканной кровью мордашкой.

Можно представить бабкину злость в тот момент, но что с того? Гусят было не вернуть. Набросив на хищного разбойника, чтоб не уколоться, кухонное полотенце, Настя, не раздумывая, швырнула ёжика что есть силы через забор. Следом полетел и попавший под горячую руку старый чайник...

Чокнутые.

Героев этой истории давным-давно нет в живых, а я до сих пор часто их вспоминаю... Возвращаясь мысленно в далекие времена, вижу небольшой белёный домик в три окна под соломенной крышей. Куст сирени у фасадной части... А вот и обитатели дома: бабка Фрося, старушка в годах, ее дочь Маруся, женщина лет пятидесяти пяти, с узловатыми, скрюченными от работы на ферме руками, ее сын Виктор, ученик 10 класса.

Собственно, эту семью я узнал поближе благодаря Виктору, почти ровеснику мне. Особых симпатий друг к другу мы не испытывали, но я часто заходил к нему по пути в школу и из школы, так что Виктор и его родные со временем привыкли к моим визитам.

Быстро нашел я общий язык, как ни странно, с бабушкой. Что-то милое было в ее облике, а аура добра прямо-таки исходила от неё... Даже когда Виктор поступил в медицинское училище, я не перестал навещать к своим знакомым, точнее, к бабке Фросе. Хорошая рассказчица, сыпавшая пословицами и поговорками, старушка имела ясный ум и могла дать совет в любой сложной ситуации.

Однажды я посетовал на то, что до сего времени не крещён. Бабушка вздохнула, как бы укоряя моих родных, точнее, отца – он был против церковного обряда, а потом спокойно сказала:

- Не переживай, главное, сам держи Бога в душе всегда...

После окончания учебы Виктор вернулся в село готовым фельдшером, и я еще чаще стал навещать к нему в гости.

Мой товарищ и раньше не отличался особой простотой, а, получив диплом, явно задрал нос. Он то и дело покрикивал на бабку Фросю, почти не скрывал, что стесняется её вида, «неинтеллигентного» пограничного говора, суржика. Меня удивляло, что тетка Маруся, не только не сдерживала сына, но и в довольно грубой форме накидывалась на матушку сама.

- Что с нее взять, - говорила тетка Маруся, - темнота безмозглая...

Виктор был единственным её сыном, она задалась целью поставить его на ноги, выучить, «чтобы не хуже других», и прощала ему всё...

Бабка Фрося обижалась, молча уходила в другой конец дома, а то и совсем на улицу.

Потом бабке и вовсе определили «постоянное место жительства» на печке и следили зорко за тем, чтобы она не покидала «укрытия», во всяком случае, в момент прихода посторонних.

Когда ее близкие не могли слышать, она жаловалась мне на козни внука и дочери.

- Окончательно задурили меня Витька с Марусей. Мне теперь и слова не разрешают молвить. Чокнутой сделали...

Бабка Фрося умерла поздней осенью. Я не был на похоронах – окончив школу, еще летом уехал к сестре в Белоруссию, где устроился подсобником на мебельную фабрику. О смерти бабуся узнал коротко из письма матери и подробно, когда приехал на родину в отпуск.

- Уж так убивались, так убивались твои друзья, - рассказывала мать. – Похоже, Фрося стала им дорога после кончины...

Заглянул я и сам к знакомым. Виктор подтвердил, что уход бабки Фроси воспринял очень тяжело.

- При жизни, не скрою, надоедала старушка, - признался он. – Назойливой была чересчур, нос совала везде, а теперь вот не хватает её...

Из другой комнаты, заслышав наш разговор, приоткрыла дверь тётка Маруся, кивнула мне.

- А ну быстро ушла! – заорал Виктор на мать. – Тебе русским языком сказано: сиди смирно на кровати... не рыпайся...

И извиняющимся голосом пожаловался:

- Мне везет. То бабка мучила, теперь вот она... Совсем странной стала...

Прочитав в моих глазах вопрос, разъяснил:

- Это у нее от испуга... Пожар тут через дорогу не так давно ночью случился. Матушка увидела в окно, ахнула и... чокнулась. Не обращай на нее внимания... - добавил он.

Я промолчал. Но в душе поведение приятеля не одобрил. Я представил затравленное выражение лица бабушки Фроси и только что увиденный отчаянный взгляд тётки Маруси.

«Так вот как ты благодаришь родных за добро!» – подумал я и спешно, не подав Виктору руки, попрощался с ним навсегда.

Прошло три или четыре года. Приезжая изредка в родные края, я обходил прежде дорогой мне дом стороной. Жил слухами. Так я узнал, что не стало тётки Маруси. А потом до меня дошла весть, что приказал долго жить и сам Виктор. Сердце. Оказалось, последнее время он сильно страдал от одиночества. Единственные, с кем он мог перекинуться словом, были козы, которых он завёл от скуки. Говорят, Виктор часто жаловался им на свою судьбу...

Виктора нашли мертвым в избе на второй или третий день...

Неприличная болезнь.

Бабка Мариша не слезала с печки уже несколько дней. Дружившая с бабкиными внучками, Танькой и Любкой, соседская девчонка Зинка Харламова, заглянув в очередной раз к ним, не выдержала:

- А что это ты, бабуш, на печи да на печи? Никак захворала?

- Не придумывай, Зинуль. Я вполне себе здорова, - отвечала старушка. – Разве что ноги чуть-чуть не слушаются. Так мне, золотая, скоро девять десятков стукнет. Не пора ли ножкам притомиться?

И все же Зинка не поверила бабкиным объяснениям – на сухоньком, с кулачок, личике старушки с большим носом-картофелиной, явственно увидела она ничем не прикрытые печаль и страдания.

Зайдя на другой день в соседский дом, более настойчиво потребовала от бабуси признаться на что та жалуется.

- Тебе, Зиночка, врать не буду, - наконец, сдалась бабка Мариша. – Свалился на меня недуг нежданно-негаданно как снег на голову. Ты только, пожалуйста, Анютке, невестке моей, не говори, я хворобу от нее скрываю. Иначе фершала вызовет...

- Ну и пусть! Что ж себя мучить? – возразила Зинка. – Фершал пилюли пропишет, уколы...

- Не-не-не! – закричала не своим голосом Мариша. – Ты ж не знаешь, в каком неприличном месте у меня болит! С какими глазами я буду показывать Никитичне это самое место?

Зинке стоило немалых трудов выяснить, где затаилась у бабуси ее коварная хворость. Оказалось, чуть ниже поясницы и немного выше ягодицы.

- Так это у тебя, бабуш, копчик воспалился! - почти с радостью объявила Зинка.

- Кончик? Там у меня есть кончик? – удивилась бабулька.

- Я говорю: копчик, крестец по-другому, чтобы понятнее было, - радикулит.

- Ридикюлит? А это не страшно? – заволновалась бабка Мариша.

- От этого еще никто не умер, - успокоила ее Зинка. – Можешь смело ставить в известность тетку Анюту – пусть зовет нашу скорую помощь Никитичну...

Невыдуманные истории.

Кому утонуть, тот не сгорит.

Это случилось в соседнем украинском селе Сопыч. Частный скот тогда пасли по очереди. В зависимости от количества голов КРС владелец животных должен был посвятить общему делу день или два в месяц. Овцы и козы почему-то в расчет не брались.

С утра ничего не предвещало непогоды. Ярко светило солнце. Припаривало. Ближе к обеду небо вдруг заволокло тучами. Полил сильный дождь, сопровождавшийся частыми вспышками ослепительных молний и оглушительными раскатами грома. А на лугу – ни кустика, ни деревца. Миколу, мальчугану лет пятнадцати, подменявшему отца, ничего другого не оставалось, как переждать ненастье там, где оно его застало. Не бежать же в деревню за два километра! Один разряд оказался особенно сильным. Было такое впечатление, что небесную твердь раскололо надвое. На несколько секунд парнишка даже потерял сознание. Похоже, молния целилась лично в него, но чуть-чуть промахнулась. Пришел в себя от горячего жжения по всему телу. «Живой... Надо же, живой... - промелькнула мысль. – А мог бы сгореть...»

Происшествие очень сильно подействовало на хлопца. С этих пор он стал нервным, пугался всякого шороха, дошло до того, что его начали одолевать приступы падучей.

Минул год. Настал день родителям Миколы в очередной раз гнать на пастбище буренок. И опять они поручили ответственную работу сыну. Дело, было, кажется, в июле. Снова, как всегда неожиданно, стихия обрушила на землю тонны воды и многие-многие киловатты электрической энергии.

Парень, сразу вспомнив прошлогоднее несчастье, задрожал от страха.

«Укрыться в канавке... Хотя бы вот в этой, не глубокой», - подумал он и в то же мгновение лицо его, особенно взгляд, исказились до неузнаваемости. Конвульсии и судороги овладели всем телом. Страшный, ни на что не похожий, вопль вырвался из груди. Впрочем, падая в мелкий и неширокий ровчик, Микола ничего этого уже не ощущал – эпилептический припадок позаботился об отключении мозга, памяти. Когда скот в сумерках возвратился в село без пастуха, родные забеспокоились, кинулись на поиски пропавшего. Микола лежал бездыханным лицом вниз в углублении, не заполненном водой даже на четверть. Надо было умудриться утонуть здесь...

Николай ШАТОХИН
Рыжий чемпион.

Читатель, знакомый с моим творчеством, вероятно, помнит рассказец о рыжем Афанасе «Стою и молчу». О том, как будучи сторожем на птичнике, этот персонаж экзотической внешности и непривычного хохляцкого говора, проморгал лисицу, задравшую за ночь несколько десятков колхозных кур. За такое головотяпство Афанаса вызвали на товарищеский суд, где он, с трудом подбирая слова, пытался объяснить, почему не прогнал вовремя хищную плутовку. Но случай с курами, оказывается, не единственный «подвиг» нашего героя. Вот еще один с его участием.

Дело было на Пасху. Мужики, устав играть на улице «в дурака», решили устроить конкурс: кто больше засунет себе в рот вареных яиц. Награда победителю – два десятка «крашенок» и поллитровка самогона. Напрасно старались мужики: даже одно яйцо не каждому удалось поместить в отверстие между зубами. А рыжий Афанас без труда поочередно отправил в свою безразмерную пасть, начинающуюся, кстати, сразу около ушей, целых четыре.

Мужики так и ахнули:

- Вот это рот!

Справившись с удивлением, кто-то из спорщиков, стремясь посрамить Афанаса, усомнился, что тот засунет в ротовую полость гусиное яйцо.

- Хвилинку! – сказал рыжий и кинулся в избу, где восседали в огромных плетухах две или три гусыни в ожидании потомства. Минута – и на крыльце показался наш чемпион с двумя громадными яйцами в руках. Мужики еще не успели глазом моргнуть, как Афанас ловко отправил их в рот...

Желание сомневаться в возможностях старого хохла у селян пропало раз и навсегда.

«Вот кто-то с горочки спустился...».

Одно время в районном узле связи работали два соседа – Иван и Матвей. Первый - радистом, второй – электромонтером. Раз в выходной Иван предложил Матвею «остограмниться», а так как день выдался очень жарким, Матвей убедил друга, что лучше уединиться у него в погребе.

«И закуска под рукой, огурчики-помидорчики квашенные, и бабы досаждать не будут». Кто, мол, догадается, что они пируют в подземелье. Прикупили «на точке» нашенской свекловичной, прихватили из дома полковриги хлеба и заваливший кусочек желтоватого сала и – в яму.

Сперва вели себя спокойно, чинно. Однако скоро мужиков потянуло на пение. Надо сказать, что в их хмельном репертуаре было всего две песни: «Шумел камыш» и «Вот кто-то с горочки спустился».

Начали со второй:

Вот кто-то с горочки спустился.

Наверно, милый мой идет... - запели они нестройно. Правда, уже спустя минуту-другую попытались исправиться:

На нем защитна гимнастерка,

Она с ума меня сведет..., - заметно ровнее зазвучали голоса самодеятельных артистов.

И дальше совсем уверенно:

На нем погоны золотые

И яркий орден на груди.

Зачем, зачем я повстречала

Его на жизненном пути!

Так как певцы глоток своих не жалели, очень скоро их исполнительский пыл стал достоянием проходивших мимо по улице людей. Невольно прислушивалась к незнакомому дуэту и Матвеева теща бабка Анисья. Только сразу не смогла старушка взять в толк: где находятся странные певчие: в огороде? На дне колодца?

«Неужто провалились под землю», - подумала она. И тут только дошло до нее, что артисты забрались в ихний погреб и там дерут песняка...

Приближаясь к подвальному помещению, наконец, узнала и кому конкретно принадлежат голоса.

«Ах, вы супостаты, ах, вы разбойники! - не на шутку разозлилась бабуся. – Подождите, вы у меня попляшете!

Анисья (откуда взялись силы!) надвинула на лаз погреба массивную деревянную крышку, а сверху для надежности взвалила на нее оказавшуюся поблизости тяжеленную тракторную борону.

До ночи просидели в заточении незадачливые выпивохи. Говорят, с тех пор они себе распития спиртных напитков вблизи дома не позволяли.

Наш земляк и поэт - Юрий КЕКШИН.

Юрий Кекшин родился 1 сентября 1959 года. Малая родина – посёлок Хомутовка Курской области. Окончил Ульяновское высшее военно-техническое училище имени Богдана Хмельницкого. Служил в Полтаве, в Смоленске. В 1998 году уволился в запас по сокращению с должности командира воинской части. Работал заместителем председателя Смоленской областной организации Союза писателей России, председателем Смоленского отделения Литературного фонда России. С 2003 года руководит группой информации и общественных связей Управления ФСКН России по Смоленской области. Печатался в журналах «Молодая гвардия», «Подъём», «Русская провинция», «Наркомат», «Воин России», газетах «Красная звезда», «Литературная Россия», «Завтра», «Московский литератор», «Российский писатель» и других периодических изданиях, в многочисленных поэтических альманахах и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Двое» и сборника стихотворений «Домашних окон огни». Член Союза писателей России с 1996 года.

Родовые корни поэта – в Курской области, где в посёлке Хомутовка проживает его мать. В поэзию Юрий Кекшин вошёл в Смоленске, где проходил военную службу на офицерских должностях с 1984 по 1998 год, занимаясь в литературной студии поэта Виктора Смирнова. В 1996 году стал членом Союза писателей России, около пяти лет был заместителем председателя Смоленского отделения писательской организации, многое сделал на этом поприще для смоленских литераторов.

Юрий Кекшин работал начальником пресс-службы Управления Федеральной службы России по контролю за незаконным оборотом наркотиков, тесно сотрудничает с Администрацией Смоленской области и города-героя, правоохранительными органами, журналом «Наркомат», в котором публикует не только статьи, но и стихи. Является одним из организаторов ежегодного областного журналистского конкурса «Без наркотиков», проводимого УФСКН России по Смоленской области совместно с областной Администрацией. Смоляне знают Юрия Евгеньевича как знатока и любителя не только поэзии, но и всей русской художественной литературы. Его творчество пронизано токами любви к России, болью за судьбу русского народа. Стихи поэта публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Подъём», «Русская провинция», «Студенческий меридиан», «Литературная Россия», «Наркомат», «Красная звезда», «Воин России», в коллективных сборниках и антологиях, он автор книги стихов «Двое».

ОСЕННЕЕ.

Смотрите, как ливни устали лить
Над горестной Русской землей.
Вглядитесь, листва перестала быть
На кронах густою листвою.

Пытаются тучи пробиться на юг
За край почерневший небес.
От влаги давно задыхается луг,

Заросшее поле и лес.
И в мыслях и в небе – сплошной беспросвет,
И нервы, и нервы болят,
И все монотонней дождливый рассвет
Сменяет дождливый закат.

Дожди не сдадут своего рубежа,
Пока есть предчувствие гроз.
И чаще, все чаще стыдится душа
Внезапных нахлынувших слез...

У МОГИЛЫ ОТЦА.

Я стремился за счастьем и горем,
Как к земле дождевая вода,
Но ушли за кудыкину гору
И надежды мои, и года.

А за этой горою кладбище,
Спит кладбище за этой горой,
Где отца земляное жилище
Поросло перезревшей травой.

Как же больно кресту поклониться,
А ведь пасть на колени хотел.
Не успел я по-русски проститься,
Я проститься с живым не успел.

Бьёт наотмашь увесистый ветер
И морщины сдувает с лица.
Сто веков или тысячелетий
Отделяют меня от отца.

Пряча думы свои горевые,
В безответном пространстве стою
У подножья отцовской могилы,
Как у жизни своей на краю...

Уже и думаю едва,
Но, словно голову на плаху,
Бросаю мысли и слова
Я на уставшую бумагу.

Ночь полнолунная светла.
И так заливисто, безгрешно
Сверчок смеётся из угла
Над моей рифмою поспешной...

ПАМЯТИ ПИМЕНА КАРПОВА.

*(Пимен Карпов – выдающийся русский поэт и прозаик, друг С.А. Есенина,
уроженец дер. Турка Хомутовского района Курской области)*

* * *

Он давно за последней чертой,
Где сияют иные светила.
Освещает их свет неземной
Силуэт незабвенной могилы.

Завершил он земные дела,
Русский гений духовного хлеба:
Его жизнь, как по ране, прошла,
Прошумела под кожаным небом.

Может, с помощью мира сего,
Может, с помощью мира иного
Воскресает из пыли его
Вдохновенное зоркое Слово.

А поэт очарованно спит,
У судьбы не потребовав сдачи,
И листва над могилой звенит
На ветру, заколдованным плачем...

НА РОДИНЕ ПИМЕНА КАРПОВА.

Сквозь Турку, дух роняя тленный,
Стеной прополз бурьянный лес:
Накрыла мерзость запустенья
Простор его родимых мест.

Ни огонька крестьянской жизни,
Ни человеческого следа,
И в небо смотрит с укоризной
Колодцев чёрная вода.

Не зря он, видевший далече,
Ещё в немыслимом былом,
Пророчил нынешнюю нечисть
Своим талантливym пером.

Нечистой силе на потребу
Певца пустеющей земли
Ошметки кожаного неба
Смертельно мучили и жгли.

Его, кто зрил в года лихие
Народа тяжкий недород,
Помимо нас – детей России –
Лишь край заброшенный поймёт...

Над домом и полем, над рощей и садом
И вечен, и странен огонь звездопада.

Стареют и звёзды за счастьем в погоне,
Им срок обозначен на Божьей ладони.

И скорбно летят на небесный погост
Горящие жизни невидимых звёзд...

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Что это – явь иль сон неясный
Или ответ былых времён?
Вы, может, вымысел прекрасный,
Которым я заморожён?

И совершенно не случайно
Ловлю я тайну Ваших глаз.
И космос дарит мне молчанье,
Соединяющее нас.

Мне бы увидеть – и не всеу –
Опять, средь сотен разных лиц,
Улыбку Вашу колдовскую
В тени изогнутых ресниц...

С утра до самого утра,
Нечистым помыслам в угоду,
Сухая царствует жара
Над временем и над природой.

За что Господь навлёк её
На мир и милую Россию?
От жажды стонет воронье
И души плаваются живые.

Прохладой жалуя чуть-чуть,
Смотря сквозь вечность вещим зраком,
Ночами плачет Млечный Путь
Своими звёздами во мраке...

Эхо прошлого глуше и глуше
Отзывается в сердце моём,
От дождей, от ветров и от стужи
Стариком стал родительский дом.

Всё безлюдней, несчастней и тише
В сорняках соловьиная даль.
От бывшего – ни дна, ни крыши.
Только память. И только печаль.

ПОСТСКРИПТУМ.

Я был безгрешен той порою,
Приняв, как зло, слова твои:
Ведь ты из всех, любимых мною,
Одна призналась в нелюбви.

Я околдован был разлукой,
Я был бессонницей пленён.
Казалась ты, моя подруга,
Мне окончанием времён.

Я позабыл тебя заочно,
Как чёрно-белое кино.
Всегда за точкой только точка.
И послесловие одно.

* * *

А жизнь сложна... Небесной волей
Она единожды дана,
И, может быть, не оттого ли
Бывает горькою она?
Когда среди осенней стыни
Под шум слетающей листвы
Безжизненно – холодной иней
Твоей коснётся головы.
О тех, кого любил когда – то
Друзьях, что ныне далеки,
О днях, ушедших безвозвратно,
Напомнят белые вески...

* * *

Оставив в стороне дела,
Забыв перо горести и нети,
У поминального стола
Стоим мы словно Ваши дети.
И кажется, что в этот миг,
Роняя на землю солнца блики
Пирамидальный тополь сник
Над Вашим именем великим.
Когда над Родиной гроза
Гремела смутой роковою
Вы покоряли небеса
Своею вешнею душою.
И даже если рая нет,
И даже если нету ада,
Мы с Вами встретимся поэт
Под чистым сводом Светлограда...

Памяти Пимена Карпова.

Он давно за последней чертой,
Где сияют иные светила.
Освещают их свет неземной
Силуэт незабвенной могилы.

Завершил он земные дела,
Русский гений духовного хлеба.
Его жизнь как по ране прошла,
Прошумела под кожаным небом.

Может с помощью мира сего,
Может, с помощью мира иного,

Воскресает из пыли его
Вдохновенное вещее Слово.

А поэт очарованно спит,
У судьбы не потребовав сдачи,
И листва над могилой звенит
На ветру заколдованным плачем...

Монолог павших.

*И у мёртвых, безгласых,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она спасена./ А. Твардовский/*

Нас пятеро в могиле.
Почти полвека мы
Не можем, и не в силе
Покинуть царство тьмы.

Я сам из – под Рязани,
Что справа – белорус,
А в общем все мы парни
Одной страны – Союз.

Забыли запах тмина,
Забыли всплески зорь.
Над нами только глина,
Тяжёлая как боль.

Тяжёлая, как муки,
Тяжёлая, как пот,
Как горькие разлуки,
Как плач больных сирот.

Как слёзы, что пролиты
На наш могильный холм,
Как каменные плиты
На кладбище глухом

Сейчас бы пробежаться
По мокрому лугу,
В речушке искупаться,
И выспаться в стогу.

Косить хмельные травы,
Пить кислый, хлебный квас,
Песнь соловья в дубраве
Услышать хоть бы раз.

И мы вас заклинаем,
Мы просим вас моля:
Пусть людям будет раем
Огромная земля!

Пусть солнце не погаснет
От взрывов бомб и мин.
Пусть всюду будет счастье!
Пусть всюду будет мир!

Пусть всё это свершится,
За что сражались мы...
Счастливы вам трудиться,
Те, пятеро, из тьмы.

У Братской могилы.

И даже память напрягая,
О невернувшихся с войны,
Уже не многое расскажут
Их постаревшие сыны.

За них – тогда почти младенцев-
Отцы вели кровавый бой-
Под Сталинградом, под Смоленском,
Под Будапештом, под Москвой.

За всё, что дорого и свято,
За красоту родной земли,
За нас, за нынешних - когда – то
В небытие солдаты шли.

Навеки шли, а не на годы,
Но память – вечна, как гранит,
И, может, быть забыто что – то:
Никто из павших не забыт.

Я с сердцем, глухо зачастившим,
Брожу по парку в тишине,
Где только памятник погибшим
Напоминает о войне...

* * *

Рассвет проглядывает зримо.
Свежо. Туман. Блестит роса.
Прекрасна и неповторима
Земли осенняя краса.
Седых небес меняя краски,
Светлеет розовая даль.
И совершенно не напрасно
В душе рождается печаль.
Не зря я никну головою-
Природой создано навек:
Вслед за пожухлою листвою
Посыплет светлый белый снег.
Леса, листву свою роняя,
Равнины, блеклые холмы
Меня всё больше убеждают
В неотвратимости зимы...

* * *

Шуми, холодное ненастье,
В окно затравленно стучись.
Я здесь один встречаю праздник –
За годом – год, за жизнью – жизнь.

Перед глазами, словно чудо, -
О Боже правый, - не спроста:
Изображение Иуды
И лик страдальческий Христа.

Грешно – былому пасть в забвенье,
Преодолев сердечный стон.
Душе не вырваться из плена
Чужих судеб, иных времён.

За все былые муки, беды
Благодарю свою судьбу.
Исчезни, розовость надежды –
Я трудной памятью живу...

* * *

Под старой, сникнувшей ракитой
Стою у серого пруда.
Всё то, что мною позабыто,
Сегодня вспомню без труда.

Звенит прощальной песней лето,
И так немыслимо свежи,
Как предрассветный тихий ветер,
Воспоминания души.

В какой –то день ещё такое
Нахлынет... С болью узнаю
Себя – тогдашнего , бывшего –
У чёрной бездны на краю...

К поэту.

Зачем ты мечешься, Поэт?
Что хочешь ты от жизни этой?
Твоя от множества побед
Душа- я знаю - не согрета.
Зачем влюбляешься, Поэт,
Тоскуешь лунными ночами?
Ведь той любви с тобою нет,
Неповторимой и печальной.
Зачем страдаешь ты, Поэт,
При виде плачущей дворняги? –
Ведь всем другим и дела нет
До искалеченной бедняги
И сыплет, сыплет белый снег,
И на висках твоих не тает:
Ты осуждён судьбой навек
Страдать за тех, кто не страдает.
Всю боль страдания Земли
Ты переносишь на страницы
Никак не можешь ты смириться,
Хотя другие и смогли...

Владимир Алексеевич Латышев

Владимир Алексеевич Латышев – наш земляк, уроженец п. Культура Гламаздинского с/с Хомутовского района. Курский писатель и поэт, участник первых Карповских чтений, не однократный участник и последующих. Это имя известно в литературе давно. Он печатался в сборниках: « У истоков смеха», « Мы – из страны Юность», « Первый взгляд», «Возьмите на заметку», «Роковая любовь», «Стихи поэтов Черноземья» и мн. другие выходивших в Курске, Воронеже, Улан-Уде, Москве и за рубежом. Он печатался в журналах «Наш современник», «Крокодил», «Подъём», в курском альманахе «Полдень», в еженедельнике «Литературная Россия» и мн. др. Он стал лауреатом Международного фестиваля писателей-сатириков в Габрово и был приглашён в Чехословакию, Канаду, Югославию, Болгарию и Италию. Был участником телепередачи «Вокруг смеха» и телефильма «Весёлые таланты». Его стихи звучали по радио, он не раз встречался с читателями в библиотеках и школах.

Писатели В. Латышев (в центре), В. Дедков (слева) и Л.А. Цуканова (справа)-племянница Карпова у могилы именитого земляка 1996 год.

Может это душа?

Я стою у могилы певца этих мест,
И дрожит от слезы подбородок.
Здесь сегодня твой праздник-
Писательский съезд,
Пимен Карпов- герой –самородок.
Голос чистый и добрый,
Совсем молодой:
Правит службу нестарый священник.
Сероглазый служитель ещё не седой-
Наш духовный отец, современник.
Лёгкий дождик под шорох листвы заплясал,
В небо глянуть нас что – то толкнуло
Не заметили: вдруг моросей перестал,
Среди тучек и солнце блеснуло.
А над нами,
Над тихой могилой певца
Этих вёсен лесных, этих пашен
В вышине закружился,
Волнуя сердца,
Лёгкий аист земли этой нашей.
А округа у нас далека, хороша,
И чудес тихих наполнилась чаша.
И шепнула старушка:
«Да это ж душа!
Это весточка Пимена нашего!»

Может Карпов в тот чистый,
Торжественный день
Землякам захотел поклониться,
Отогнать может тучки
Ненужную тень...
Аист, правда – волшебная птица?

Особая порода-Хомутовцы.

Нет, не подносят
Вам тут всё на блюде,
Грибов, медов,
Орехов не собрать.
Трудолюбивы пчёлы,
С ними – люди,
Так, значит, есть с кого
Пример вам брать.
Готов отец работать спозаранку,
Мать, сын и дочь,
Коль дел невпроворот.
Пусть Бог расстелет
Скатерть – самобранку-
На ней расставит
Яства весь народ.
Несётся мысль,
Как ласточка с Восхода,
Я убеждён,
Ты согласишься с ней,
Что здесь живёт
Особая порода
Незлых, неунывающих людей.
Им не страшны любые непогоды,
Хотя порой морозцы всё лютей.
Но пусть стоят леса
И плещут воды,
Средь них наш Карпов,
Русский чародей.

Наш земляк — поэт, сценарист и режиссёр.

Роман Рубанов

Меня зовут Рубанов Роман Владимирович. Я родился 06 июля 1982 года в д. Стрекалово Курской области Хомутовского района. Кому-то это всегда бывает интересно, хотя я в это не верю, но, раз уж так, то: родился под знаком Рак. Имя моей жены — Ольга. Имя дочери — Полина. Это два наиболее важных факта моей жизни, ибо благодаря им — по крайней мере, до сего времени — я живу и сочиняю стихи. Те самые стихи, которые мне ещё не накопили ни рубля, не говоря уже о денежных знаках в иностранной валюте. Нет, какие-то копейки я за стихи получал, но это именно копейки. Я не оставляю надежду зарабатывать тем, что умею делать лучше всего, а именно — написанием стихов. Поэтому я стал от переизбытка свободного времени, которое было у меня в детстве. Потом это свободное время бессовестно стало проявляться на уроках литературы. Я стал его заполнять несвободными словами и впал в зависимость, и завишу от этого до сих пор. Хотя, моё настоящее призвание, как говорили все, кто меня окружал — художник. Но, я считаю (а так оно и есть на самом деле) поэзия и живопись идут по одной дороге: утверждение гармонии в мире. Вот я и пытаюсь утвердить гармонию в этом мире, хотя, пока мои попытки тщетны, видимо из-за отсутствия всеобщего желания утвердить гармонию. Одному, конечно, этот трудоёмкий процесс не осилить. Можно превратиться в Сизифа, а меня такая перспектива не радует. Однако, отсутствие мировой гармонии я объясняю ещё и тем, что сам не совершенен и потому, занимаюсь самопоеданием: ругаю себя за свои стихи и считаю их не очень уж хорошими, а потому, советую зачеркнуть моё первое высказывание по поводу моих стихов — вот оно: «...что умею делать лучше всего, а именно — написанием стихов.». И так, зачёркнуто. Работать над собой

учусь у тех, кто может этому научить: А. С. Кушнер — живой классик, с которым мне довелось познакомиться и который иногда, при редких наших переписках, старается вбить в меня (в хорошем смысле слова) любовь к работе над стихами. За что я ему безмерно благодарен. Из классиков тех, которые живее всех живых — мне помогают Б. Ш. Окуджава, И. А. Бродский и многие другие. Теперь конкретно о том, что же мне удалось сделать за то время, как я занимаюсь поэзией. Честно сказать удалось мне немного. Я иду постепенно, медленно, собираю свою жизнь (творческую) как мозаику, складываю её как пазл. И так: печататься я начал в 2000 году, если мне не изменяет память. Впервые были опубликованы мои стихи в сборнике «Мы из Рыльска», так как на тот момент я действительно был из Рыльска (учился в педагогическом училище), вторая публикация состоялась в сборнике «Перезвоны» (2001 г.г. Курск) — юбилейный вариант, к юбилею литературного объединения «Рыльские зори», затем были районные газеты, затем международные альманахи «Славянские колокола», «Бог любит Троицу», «Шавловские вечера», потом альманах КГУ «ЛАК», потом Москва — литературный журнал «Лампа и дымоход», «Тонкий журнал», потом Красноярск «День и ночь», Ярославль «Чем жива душа». Лауреат Шелиховской медали за большой вклад в развитие поэзии западного региона Курской области (2009 г. г. Рыльск), лауреат ежегодного литературного конкурса «Проявление» (2010 г. г. Курск КГУ), участник 10-го форума молодых писателей России (2010 г. г. Москва, Липки), дипломант литературного конкурса «Лира Боспора-2011» в номинации «Поэзия» (Крым, г. Симферополь), Дипломант III степени II поэтического конкурса памяти Константина Васильева «Чем жива душа...» (г. Ярославль 2011г.), международная национальная литературная премия «Алтын Калам» (в переводе – Золотое перо) специальный диплом в номинации «Иностранная литература» (2011 г. Г. Алмааты) Надеюсь что ничего не упустил, а если и упустил, то намеренно. Не обязательно всё знать. Всё что надо — я здесь написал или придумал — сам уже запутался. Остальное, если Вас оно заинтересует, придумайте сами.

Жизненный путь (автобиография).

Сказать по совести, автобиографию писать я не хотел. Потому что считаю это занятие пустой тратой времени, а времени не хватает. Ну, что ж, раз она так необходима, значит надо её сочинить. Перейдём к делу...

Хотелось бы начать так:

«Я родился в июле,
Когда больница спала.
Луга в цветах утонули,
И мама меня родила...»

Но, начну как все: зовут меня Роман Владимирович Рубанов, родился я 1-го июля 1982 года в деревне Стрекалово Курской области Хомутовского района. Рос веселым и нормальным ребенком. После моего рождения, спустя семь

месяцев, моя семья переехала в г. Стаханов (Украина), где я благополучно ходил в детский сад под названием «Теремок», занимался танцами, но более всего меня привлекало пение, ибо досталось оно мне (пение) от моей мамы, а ей от её мамы.

Бывая в гостях у бабушки (маминой мамы) я вспоминаю как мы с ней (бабушкой) садились в комнате и пели. Петь я очень любил. Ребёнком я был очень хитрым: уже года в три (память у меня была хорошая) я выучил отрывок из «Руслана и Людмилы» Пушкина «У лукоморья...», выучил я его по замечательной книжке, которую мне купили на масленицу. В ней были удивительные картинки и я запоминал текст глядя на картинки, мало того, я знал на какой странице текст оканчивается и перетекает на другую. В саду я садился на стул, раскрывал принесённую из дому книгу, вокруг меня собирались мои соплеменники и я читал. Когда мама пришла меня забирать, воспитательница, Татьяна Владимировна, так у неё и спросила: «Ваш Рома уже и читать умеет?» - Что Вы, - ответила мама, - конечно же не умеет ещё. - А как же тогда, - и Татьяна Владимировна указала на «Лукоморье». - А! - засмеялась мама, - он её выучил наизусть!

Так раскрылся первая мистификация состряпанная мною.

Затем я пошел в школу №28, тоже на первый взгляд вполне благополучно, и доучился так до седьмого класса, пока не вышла первая странность... Я начал писать стихи.

За первые стихи написанные на уроке Русской литературы меня чуть не исключили из школы. Так мне был дан первый урок, я научился разбираться в людях, и люди стали понемногу разбираться во мне.

Безумно любил живопись и бесконечно рисовал.

За это меня в школе очень уважали и даже никогда не били! Ребята за меня всегда заступались, хотя, желающих побить меня, честно сказать, было немного, а если быть точным — всего один раз нашёлся такой человек. Но ничего не вышло. Потом меня чуть не выгнали из художественной школы, из за истории с Лениным: Мы иногда лепили из пластилина вазы, ну и разные там античные предметы. А когда не было педагога — лепили пластилиновых человечков, мы называли их иждивенцами — и запускали на бумажных самолётиках. С первого по третий этаж, возвышалась картина «Ленин и человек с ружьём и чайником», дескать, дайте кипяточку, Владимир Ильич! Мой пластилиновый человечек повис на лбу у вождя и был замечен консьержкой. Человечка я снял. Инцидент исчерпан. Моя семья вновь переезжает и я уже доучиваюсь в Стрекаловской школе. Многим ей обязан. Я вообще многим обязан деревне, многому у нее научился. Спасибо ей, что она была и остаётся в моей жизни. И так, доучиваюсь я уже в деревенской школе. По окончании школы поступаю в Рыльское педагогическое училище. В Рыльске попал в литературное объединение «Рыльские зори» при газете «Районные будни» возглавляемое Михаилом Ефимовичем Саницким. Было интересно. Собратья по перу собирались вместе, обсуждали произведения, делились впечатлениями — это было важно. В училище проходила очень бурная творческая жизнь.

Сцена уже тогда манила и я участвовал во всех мероприятиях и как автор и как исполнитель. Рыльск просто бурлил творчеством — видимо сама атмосфера

располагала. Узкие улочки, где бы ты не шёл, неизменно выводили к педагогическому училищу, в котором мы просиживали до ночи, мастера декорации к представлениям или же просто обдумывая сценарии, номера... Мне повезло.

Я выпустился до того как его обозвали колледжем.

«Все прошло. Чем дальше в лес – тем больше, но во мне зов сердца не остыл еще, жаль, вот только обозвали колледжем, почему-то наше педучилище.» По окончании педучилища(2001г.) работал в школе учителем истории. Было весело. Интересно. В общем забываемо. Дети относились ко мне очень даже по дружески, с уважением. Так же я вёл ещё и музыку: привёз в деревню свою гитару и прививал детей к Окуджаве... Один мой ученик — Женя Арапов, очень захотел научиться играть на гитаре и я его учил, теперь он и играет и поёт — способный ученик оказался. Потом был поиск себя. После трех лет скитаний и поисков, поступил в Курский государственный университет (2006 г.) на факультет теологии и религиоведения. Окончил свои учения и сейчас работаю в театре юного зрителя "Ровесник" руководителем литературно-драматургической части, актёр 1-й категории. Женат, воспитываю дочь. Вот, пожалуй, и всё о себе.

Всем добра и счастья!

С Уважением, Роман Рубанов.

О театре:

В театр я пришёл в 2007 году. Узнал что курский театр юного зрителя «Ровесник» производит набор в студию и пришёл.

Оказалось, что я уже опоздал и набор давно прошёл, но, меня всё-таки взяли, так как я — мужчина, а мужчина в театре — дефицит. Работал честно, старался (ведь я мечтал поступить в театральное училище) и меня заметили, пригласили в работу по пьесе Рея Куни «Слишком женатый таксист» на небольшую, эпизодическую роль фоторепортёра. Когда я с ней справился, мне уже дали роль побольше — Бобби Франклина и предложили работать в театре, пока на полставки, потому как я ещё и учился в университете. Я согласился и работаю до сих пор руководителем литературно-драматургической части, но уже не на пол-ставки, а на полную катушку, потому как окончание университета развязало мне руки. О себе писать не очень люблю, потому отделеаюсь информацией с нашего сайта:

«Роман Рубанов в ТЮЗе с 2007 года. Он - актёр 1-й категории. Кроме того, Роман является профессиональным писателем и является автором ряда сказок и поздравительных капустников, поставленных в театре.

Им сыграно:

Р. Куни “Особо влюблённый таксист” - Боби Франклин, Репортер

У. Шекспир “Ромео и Джульетта” - Брат Лоренцо (пластический спектакль)

“Праздник звёздных огней” - Дед Мороз

Творческие мероприятия:

А. Галин “Восточная трибуна” - Вадим Коняев

Р. Рубанов “Ёлка за шишку, шишка за книжку” - Дед Мороз

А. Чехов “Импровизация на тему любви” - Смирнов
Л. Морэ “Эти женщины способны на все” - инспектор Верже
Я. Гловацкий «Луч во тьме» - директор женской колонии для
несовершеннолетних
Н. Гоголь «Женитьба» - Стариков

В данный момент занимаюсь постановкой пьесы «Свинопас» (я написал инсценировку по сказкам Андерсена «Свинопас» и «Новое платье короля») – это моя первая режиссёрская работа. Весной ожидается премьера.

Вот, пожалуй и всё на данный отрезок времени!

ЖИЗНЬ ПО ВОЛНАМ ИДЁТ...

Родился Роман Владимирович 6 июля 1982 года в деревне Стрекалово Курской области Хомутовского района. Когда ему было семь месяцев семья переехала в город Стаханов, где Роман ходил в детский сад «Теремок», занимался танцами и пением.

В 1989 году пошёл в школу №28, где вполне благополучно доучился до седьмого класса. Затем семья вновь переезжает в деревню и он уже доучивается в Стрекаловской школе. Роман Владимирович тепло вспоминает о школе и деревне: «Многим ей обязан. Я вообще многим обязан деревне, многому у неё научился. Спасибо ей, что она была и остаётся в моей жизни».

По окончании школы поступил в Рыльское педагогическое училище. В Рыльске попал в литературное объединение «Рыльские зори» при газете «Районные будни» возглавляемое Михаилом Ефимовичем Саницким. В училище проходила очень бурная творческая жизнь. Уже тогда, Романа манила сцена и он участвовал во всех мероприятиях и как автор и как исполнитель.

В 2001 году окончил педучилище и работал в школе учителем истории и музыки. 2006 году поступил в Курский государственный университет на факультет теологии и религиоведения. Окончил учёбу и сейчас работает в театре юного зрителя «Ровесник» руководителем литературно—драматической части, актёр первой категории. Женат, воспитывает дочь.

ТАЛАНТ, ОВЕЯННЫЙ СЛОВОЙ.

Печататься Роман Владимирович начал в 2000 году. Впервые были опубликованы его стихи в сборнике «Мы из Рыльска», так как на тот момент он действительно жил в Рыльске, вторая публикация состоялась в 2001 году в сборнике «Перезвоны» в городе Курске—к юбилею литературного объединения «Рыльские зори». Затем были районные газеты, затем международные альманахи «Славянские колокола», «Бог любит Троицу», “Шавловские вечера», патом альманах КГУ «ЛАК», патом Москва—литературный журнал «Лампа и дымоход», «Тонкий журнал», патом Красноярск «День и ночь», Ярославль «Чем жива душа».

2009 год Рыльск. Лауреат Шелиховской медали за большой вклад в развитие поэзии западного региона Курской области;

2010 год Курск КГУ. Лауреат ежегодного литературного конкурса «Проявление»;

2010 год Москва, Липки. Участник 10-го форума молодых писателей России;

2011 год Крым, Симферополь. Дипломант литературного конкурса «Лирика Боспора—2011» в номинации «Поэзия»;

2011 год Ярославль. Дипломант III степени II поэтического конкурса памяти Константина Васильева «Чем жива душа...»

2011 год. Лауреат международного литературного конкурса «Согласование времён—2011»;

2011 год. Алматы. Международная национальная литературная премия «Алтын—Ка лам» (в переводе—Золотое перо) специальный диплом в номинации «Иностранная литература»;

2013 год. Лауреат премии имени Риммы Казаковой «Начало»;

2015 год. Лауреат Международной премии «Писатель XXI века» за первую книгу стихов «Соучастник».

2016 год. Открытие очередного литературно – музыкального фестиваля «Аксёнов – фест» в Казани ознаменовалось вручением премии «Звёздный билет 2016». По мнению попечительского совета премии, лучшим поэтом стал наш земляк, главный режиссёр концертно – творческого центра «Звёздный» Роман Рубанов.

Это далеко не первое достижение курского поэта. Ранее он становился степендиатом Министерства культуры Р.Ф., лауреатом премии имени Риммы Казаковой «Начало» и «Писатель XXI века». Неоднократно печатался в «толстых» литературных журналах, участвовал в Форуме молодых писателей России, проекте «Время поэтов» на Красной площади (Всероссийская книжная ярмарка).

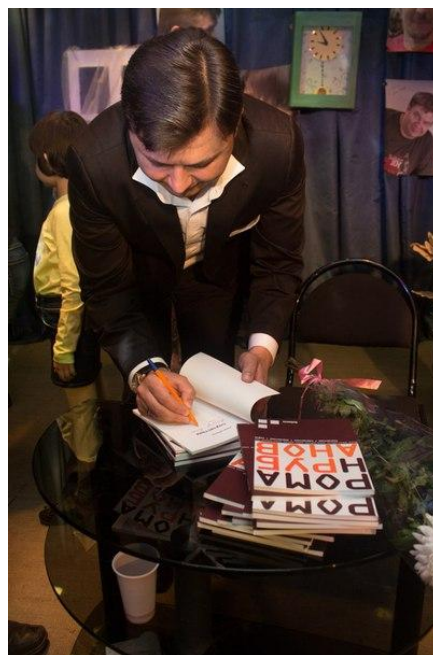
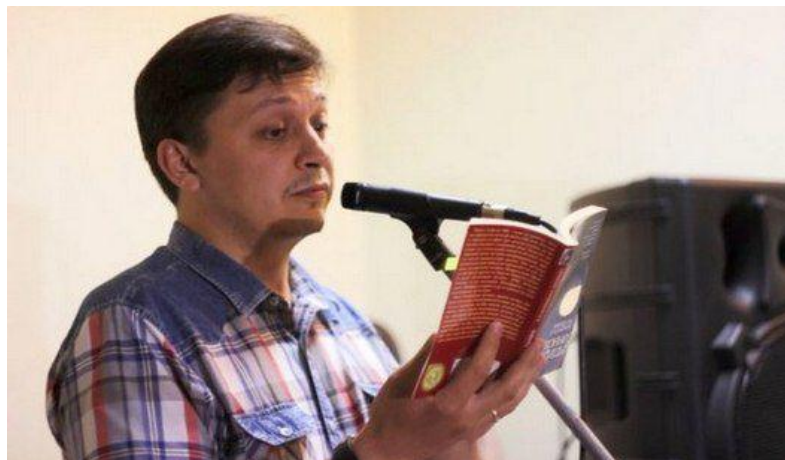
В конце осени в Москве и в Курске прошла презентация его новой книги «Стрекалово», которая вышла в издательстве «Русский Гулливер»

Я ЗНАЮ СИЛУ СЛОВ...

2015 год. 16 июня в Курске впервые прошел чемпионат по художественному чтению "Открой рот". Победителем стал актер театра юного зрителя "Ровесник" Роман Рубанов. По правилам турнира, в нем могли принять участие 12 добровольцев, которые в трех турах читали отрывки из произведений русских и зарубежных прозаиков, а также стихи.

Главное условие — никто из чтецов понятия не имел, какие именно произведения ему достанутся. Роману досталась повесть "Метель", популярного прозаика Владимира Сорокина и стихи классика персидской литературы Абу Мухаммада Саади. По сумме трех туров Роман был признан лучшим чтецом Курска.

В качестве приза ему досталась увесистая стопка книг и право представить Курск в финале чемпионата ЦФО "Открой Рот", который состоится в имении Льва Толстого — в Ясной поляне. .

В 2007 году пришёл в театр юного зрителя «Ровесник», где проходил набор в студию. Сам Роман вспоминает об этом так: «Оказалось, что я уже опоздал и набор давно прошёл, но, меня всё-таки взяли, так как я — мужчина, а мужчина в театре — дефицит. Работал честно, старался (ведь я мечтал поступить в театральное училище) и меня заметили, пригласили в работу по пьесе Рея Куни «Слишком женатый таксист» на небольшую, эпизодическую роль фоторепортёра. Когда я с ней справился, мне уже дали роль побольше — Бобби Франклина и предложили работать в театре, пока на полставки, потому как я ещё и учился в университете. Я согласился и работаю до сих пор руководителем литературно-драматургической части, но уже не на пол-ставки, а на полную катушку, потому как окончание университета развязало мне руки».

Им сыграно:

Р. Куни «Особо влюблённый таксист» - Боби Франклин, Репортер

У. Шекспир «Ромео и Джульетта» - Брат Лоренцо (пластический спектакль);

«Праздник звёздных огней» - Дед Мороз;

Творческие мероприятия:

А. Галин «Восточная трибуна» - Вадим Коняев;

Р. Рубанов «Ёлка за шишку, шишка за книжку» - Дед Мороз;

А. Чехов «Импровизация на тему любви» - Смирнов

Л. Морэ «Эти женщины способны на всё» - инспектор Верже;

Я. Гловацкий «Луч во тьме» - директор женской колонии для несовершеннолетних.

Н. Гоголь «Женитьба» - Стариков.

Роман Рубанов поставил пьесы «Свинопас» (написал инсценировку по сказкам Андерсена «Свинопас» и «Новое платье короля») – это его первая режиссёрская работа.

ДЕТСТВО, ПРОЩАЙ!

Звонят, звонят последние звонки,
Тюльпаны осыпаются в стаканах...
По улицам, гудящим неустанно,
Певучие проходят каблуки.
Осиротеет завтра школьный двор.
Кто встретится учителям уставшим,
Ночами над диктантами не спавшим?
Уж дверь захлопнулась, пустеет коридор...
Но вновь сюда ученики придут,
В портфелях—ручки и тетрадки, книжки.
И поутру девчонки и мальчишки
Их снова в классы за руки введут...
А тем, ушедшим, светлая печаль
Почти неслышно в душу прокрадётся.
Им расставанье пережить придётся:
Промчалось детство, позади.
А жаль.
Отплачет дождь и улетит гроза,
И музыкой звонок тот обернётся.
Навстречу новому, неведомому солнцу
Выпускникам распахивать глаза.
И всё же каждый год, хоть на чуть-чуть,
Когда пора тюльпанам разгореться,
Захочется им в радужное детство
Сквозь щёлку двери снова заглянуть...

* * *

Петухи на палочках. Деревня.
Праздник на дворе—Борис и Глеб.
Вечер пахнет яблочным вареньем -
Вкусно, хоть намазывай на хлеб.
Звёзды пропадают и мигают,
Снова появляются в реке,
Будто бы Господь передвигает
Их, как шашки по большой доске.
Мы наедине бываем редко.
Поцелуй блуждает вдоль щеки.
А над нами сад. В саду на ветках
Яблок спелых полные мешки.
Выпала роса, и пахнет летом.
- Я устала, - скажешь, - понеси.
И рассвет за нами будет следом
Звёзды, будто лампочки, гасить.

* * *

Провинция. Сирень и соловьи,
Обшарпанные стены автостанции.
Здесь все друг друга знают, все свои,
Встречают песней, провожают танцами.
Здесь с горя пьют, а в радости поют
И снова пьют, и машут кулаками.
Здесь в каждом магазине в долг дают
Под запись, до получки. Стариками
Становятся здесь рано. Но другой
Судьбы никто не хочет—все довольны.
Здесь все стоят в земле одной ногой
И умирать поэтому не больно.
Здесь ходят в храм. Что небо ниспошлёт -
Всё принимают. Чудо многолико.
Золою посыпают гололёд,
И транспорт ходит через день. Гляди-ка -
Провинция. Сирень и та поёт.
Сон чуток, ночь перетекает в чудо:
Заутреню отслужат и Господь
На Пасху куличи разносит людям.

* * *

Заросли смородины: чёрная и красная,
Кислая и сладкая вся наверняка.
Обрывают ягоды. Западает гласная,
И мелькает в зарослях в крапинку щека.
Бродит в палисаднике утро беспризорное;
Смотришь, очарованный танцем стрекозы.
Ягоды созревшие, круглые и гладкие,
Тают вмиг за розовой липкою щекой.
Чёрная и красная, кислая и сладкая,
По карманам смятые детскою рукой.
Мама крикнет: «Где ты там?»
Западает гласная,
И бежишь по зарослям голову сломя.
Детство цвета Родины: чёрное и красное,
Кислое и сладкое—в сердце у меня.

МАМИНЫ РУКИ.

Беды, несчастья, горести, муки -
Всё отведут от нас мамины руки!
Добрые руки нас обогреют,
В жизни помогут, всё сделать сумеют!
Всё приготовят и всё испекут,
Все наши боли в себя заберут.
Мамины руки! Нам так повезло -
Тёплые руки дарят добро.
Щедрые руки не ведают скуки.
Дарят нам счастье мамины руки...

* * *

Горизонт завален хламом
Деревенским барахлом.
Во дворе стирает мама
Муха бьётся за стеклом.

Мне не скучно. Изучаю
Небо синее в окне.
Дед живой, души не чает
В брате Сашке и во мне.

Ласточки под крышей гнёзда,
Вьют. Под лавкой кот снуёт.

Бабушка поёт про звёзды
Про балканские поёт.

А потом приедет батя.
Он ещё не стал сесть.
Сядем молча в старой хате
На дорожку посидеть.

И уедем. Перьевые
Будут облака бежать.
Деда с бабушкой живые
Будут в след рукой махать.

...Суходол. И длится лето
И журчит в ручьях вода.
- Где вы? - Здесь мы, внучек, где-то
Там-тадам - тадам — тадам...

РУБАШКА БОГА.

Сшивает дождь с землёю небеса
Стежками крупными весьма прилежно -
Бывает же такие чудеса...
А утром еле брезжила надежда
И солнце выползло из-за туч,
Термометр за окошком колебался,
И прыгал по шкале холодный луч:
Взлетал до десяти и понижался...
И вот, соединяя ткань небес
С землёй, трудолюбивые портняжки
Сшивают воедино небо, лес,
Поля и реки—славная рубашка выходит.
Бог наденет и вздохнёт
(мы, как ворсинки, изнутри свернулись),
Лишь воротник рубашки расстегнёт,
Чтоб мы от доброты не задохнулись.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА.

Вот некое пространство—день ли? Ночь?
Уже не спят. Или не спят ещё?
Сын, головой остриженной под ноль,
К груди отца прижался горячо.

Они стоят. Сквозь них проходит свет

Найдя в обивке мрака узкий лаз.
И более здесь светлых пятен нет.
Из темноты выхватывает глаз

Фигуру женскую. Она, возможно, мать.
И ей не видно сына за спиной
Стоящего отца. Но нарушать
Она покой не станет. Ей одной

Пока всё ясно. Слуги ждут сигнал
Хотя уже давно всё решено.
Отец простил и обнял. И в подвал
Спускается кухарка за вином.

Послушный брат всё понял. Он молчит.
И все вокруг стоящие—молчат.
Для Господа нет брошенных в ночи.
Всех брошенных поднимут и простят.

Сейчас порвётся тишина, и гам
Веселья, дом наполнит. А над ним,
Подносит ангел музыку к губам,
Но он во тьме, пока, не различим.

МОЛИТЕСЬ ЗА МЕНЯ!

Вы проросли в моей кудрявой голове.
Не то чтоб я не рад, но в свете дня,
Когда я сплю в нескошенной траве,
Я вас прошу: молитесь за меня!

Пусть образ ваш пока не объясним
И зелен, как июньская трава,
Мне и тепло и неуютно с ним...
Молитесь за меня—не на словах!

Не на словах, слетевших с алых губ:
Слова пусты, а губы часто лгут.
Молитесь в звуках предрассветных труб
Глазами. Это не великий труд:

Я вас ловлю, но не могу поймать,
Ведь вы туманны, как английский смог.
Что я ещё могу о вас сказать,

Пока закатный теплится дымок?

Моя дорога—грунт, а не асфальт.
Считайте мои годы по камням!
Но в час, когда гроза играет в альт,
Я вас прошу: молитесь за меня!

И в час, когда закат трубит отбой,
Нас в прошлом ни на грош не обвиняя,
Я засыпаю с чистою душой,
Поскольку вы молились за меня...

ТАМ, ГДЕ ТЫ.

Там, где ты,
Я глаза закрываю и вижу:
Расцветают цветы и бушует
Волнующий май.
Там, где ты,
Всё намного роднее и ближе.
Там, где я,
Проплывает в окошке печаль.
Там, где ты.
Всё сияет, весь мир без обмана!
Всё там дышит весной,
Там все лучшие наши мечты.
Там, где ты,
Там надежды в накидке тумана.
Там, где я,
Там... всегда появляешься ты.

НЕЗНАКОМКА.

Холодные губы вечера,
О чём—то грустят соловьи.
Какая—то нежная женщина
Целует запястья мои.
И руки мои окрыляются,
И я в звёздном небе тону...
Но кто она? Вас не касается.
Что ей до меня? Не пойму.
Какой—то любовью странной
Мы любим друг друга давно.
Как будто на позднем сеансе мы
Вдруг с нею уснули в кино.

И этот сеанс не кончается -
Механик не в силах уснуть!
И плёнка по кругу вращается,
И времени нет отдохнуть...
Но кто ж она? Бросьте допытывать!
Её я не знаю и сам.
И мог ли я раньше рассчитывать
К её прислониться плечам?
И мог ли я раньше надеяться
На свет и тепло её глаз?
И мог ли я раньше осмелиться
Коснуться её? А сейчас...
Холодные губы у вечера,
О чём—то вздыхает луна...
Кто я ей? Расспрашивать нечего!
Тем более—кто мне она...

МИЛЫЕ ГЛАЗА.

В дни грусти, в дни душевного терзанья,
Когда всё небо режет лезвием гроза,
На свете нету ничего желанней,
Чем вдруг увидеть милые глаза.
Они без слов мне обо всём расскажут.
Они меня согреют в холода.
Они простят. Они меня накажут.
В них майских улиц чистая вода.
Твои глаза—мои воспоминанья.
Твои глаза—спасательный мой круг.
Нет в моей жизни ничего желанней,
Чем их увидеть иногда и вдруг.

КУПИТЕ КАПЕЛЬКУ ЛЮБВИ!

Купите на углу у старой булочной
Романтики на смятые рубли.
Купите на углу у старой булочной
Чуть—чуть надежды, капельку любви...
Купите! Не жалейте мятой денежки!
И подарите просто, невзначай
Всё это самой первой встречной девушке,
В песчинки раскрошив свою печаль

ОН, ОНА И ДОЖДЬ.

Два человека под дождём.
Дождь проливной, почти что вечный.
Как там им под дождём вдвоём?
Тепло ли им? Им человечно ль?
Два человека под дождём.
И ветер—карканье вороны
Как им там под дождём вдвоём?
Вдвоём по разные стороны...
Два человека под дождём.
Ревут деревья, в облаках луна.
Как им там под дождём вдвоём,
Когда меж ними есть стена?
А дождь идёт...

МОЕЙ ЛЮБИМОЙ.

Я всё пройду, всё вынеся и вымоля,
За пядью пядь дорогами земли.
Я называть хочу тебя любимой,
Пусть даже не познав твоей любви.

В январском холоде застыну поздним вечером,
В твоё окно я брошу пылкий взор.
Жалеть меня не стоит, да и нечего.
К чему жалеть? Всё это—бред и вздор!

Всё вздор, что не тобою нарисовано
Печатным почерком вдоль старого пруда,
Когда идёшь легко ты и раскованно
По улице неведомо куда.

Как я завидую мощёной этой улице
За то, что каждый день на каждый вдох
Она губами пыльными целуется
С подошвами твоих легчайших ног.

Я всё пройду пешком, ползком, но с искоркой,
Что где—то перед часом умирать,
Смогу негромко, иногда и изредка
Тебя своей любимой называть.

Я РИСУЮ.

Рукой оранжевой рассвет сиреневый
Рисую бежевым карандашом.
Какая разница! Рассвет сиреневый
Рисуем мы с тобой, пока живём.

Рукой оранжевой льняные сумерки
Рисую розовым поверх ветров.
Какая разница! Льняные сумерки
Без многоточия, без лишних слов.

Фиалок листики, чашечки ландыша,
Дни разноцветные по василькам
Рисуем мы с тобой одним оранжевым,
Так просто нравится и нам, и вам.

Рукой оранжевой рисую бежевым
Тебя, красивую, я, словно Бог.
Тебя, представь себе, рисую бежевым.
Хотел оранжевым, да вот не смог.

Рукой оранжевой закатное лото
Рисую розовым на голубом.
Какая разница! Не в этом дело—то.
Рисуем мы с тобой, пока живём...

А ОН ПО—ПРЕЖНЕМУ ПОЁТ...

Арбатский дворик так любезен.
Там, в воздухе стихов и песен
Витает молчаливый дух,
Витает и напоминает,
И наполняет, наполняет
Чудесной музыкою слух.
Из Плотникова переулка,
Слегка нахохлившись, прогулку
Он совершает не спеша.
И все грехи ему прощены,
И все стихи его прочтены,
И праведна его душа.
И всё, что было, пролетело.
И тленно у поэта тело...
Но где—то в воздухе стихи
Витают и напоминают,

Что души—то не умирают!
Они тревожны и тихи.
Глядят вослед ему с надеждой.
Он, почему—то, как и прежде,
В арбатском дворике живёт.
Кого—то уж давно забыли
И новых идолов слепили.
А он по—прежнему поёт.
О чём—то добром и красивом.
И линия его курсивом
От горизонта пролегла,
Стремится прямо в наши души.
И музыка атак всё глуше -
Всё музыка любви взяла!

ХОЧЕТСЯ СНЕГА!

Хочется снега, хочется!
Осень как будто не кончится.
Белою ватой с неба -
Хочется снега, хочется!

Хочется чистой правды,
Белого многоточия,
Смеха и тихой радости
Хочется, ой, как хочется!

Дворнику снега хочется:
Хочется взять лопату
И отработать зарплату.
Хочется снега, хочется!

Тайно вздыхает заочница -
Близится сессия зимняя.
Чёлка её в белом инее.
Хочется снега ей, хочется!

Осень когда—нибудь кончится -
В белом помчат троллейбусы,
С неба посыплются ребусы
Снежные. Снега нам хочется!

СНЕГОПАД.

Вчера, позавчера, сегодня
Нас осчастливив разом всех,
Как сказка в вечер новогодний,
Посыпал невесомый снег.
Всем подарив благословенье,
Простив обиды всем и грех,
Оторопев от изумленья,
Глядел на нас январский снег.
Парнишка в спешке поскользнулся -
Раздался женский крик: «Олег!»
И парень сразу обернулся,
Но за спиною сыпал снег.
И улыбнулось время кисло:
Мол, снегопад—то не на век.
Но падал он, нам путав мысли,
Волшебный новогодний снег.
Вчера, позавчера, сегодня,
Сразив нас чистотою всех,
Кружился белый новогодний
В полёте бесконечном снег...

ДЫМ ОСЕНИ.

Дым осени скупой. Все карты розданы:
Из осени не вылепить весны:
Дым осени, дым холода, дым родины
И запах мёда, и цветные сны...

Всё это у меня лежит за пазухой,
Всё греет душу и волнует кровь.
И всё, к кому с любовью я запаздывал,
Спешат мне подарить свою любовь.

Тепло душе, Но холодно на улице,
Дни растворились грустно во «вчера».
Пойдут дожди и небеса нахмурятся,
Подуют суетливые ветра.

Закружит листопад. Вновь оперение
Из жёлтых листьев тропку заметёт.
Уйдёт весёлое, уйдёт весеннее,
А скучное, осеннее придёт.

И женщины—осенние красавицы,
Таинственные, с огоньком в глазах,
Проходят мимо, нежно улыбаются,
И паутинки в пышных волосах.

Они пройдут по камню по асфальтному,
Распустят волосы, как паруса,
И перекроют путь всему печальному
И в моём сердце, и в моих глазах.

Журналист и публицист Алексей Алексеевич Анищенко

Биография.

Родился 23 февраля 1931 года в деревне Малеевка Хомутовского района. Отец - Анищенко Алексей Петрович 1902 г. рождения. Мать — Анищенко Пелагея Петровна 1906 г. рождения. Простые крестьяне. До войны отец по призыву партии работал в Крупецком районе председателем сельского совета, затем председателем райпотребсоюза. Во время войны, в 1941 году, наша семья возвратилась на родину в Малеевку. Отец погиб во время войны на фронте. Мать работала в колхозе.

В 1947 году Алексей Анищенко окончил 7 классов Малеевской школы. В 1948-1949 годы работал заведующим сельским клубом. В 1950-52 г. уехал в Донецк, работал в шахте. В 1953 г. возвратился в Малеевку, работал зав. магазином от Петровского сельпо. С 1954-1958 г. работал в редакции газеты «Коммуна» зав. отделом писем и в 1958 году поступил учиться на очное отделение в Курскую Советско –партийную школу, которую закончил в 1961 году поступил и в 1966 году закончил полный курс заочной высшей партийной школы при ЦК КПСС. Работал освобождённым секретарём райкома партии в колхозе «Родина Хрущёва» в Калиновке.

С 1968 по 1991 год, до ухода на пенсию по возрасту, работал в редакции в должности зам. редактора газеты «Заря Октября».

С газетой не прекращал дружить до последних дней своей жизни, за что неоднократно награждался призами и почётными грамотами за завоевание первых и вторых мест по области, за лучшие журналистские произведения. Его журналистская деятельность всегда была связана с газетой «Районные новости».

Алексей Алексеевич Анищенков являлся профессиональным журналистом и членом союза журналистов СССР и России. Умер в 2006 году. Одной из основных тем его статей всегда была природа родного края.

Николай Шатохин

Слово о коллеге

«Вот написал, может, сгодится...»

Часто мне кажется: еще секунда и в мой рабочий кабинет войдет бывший заместитель редактора районной газеты, а в последние годы просто очень активный наш автор Алексей Алексеевич Анищенков. С порога, не сказав даже «здравствуй», начнет весело шутить, балагурить. Потом он не спеша достанет из бокового кармана пиджака или куртки очередной свой материал со словами: «Вот написал, может, сгодится...»

Не войдет... Не напишет...

Ровно год назад не стало этого замечательного человека и журналиста.

...Я познакомился с Алексеем Анищенковым более трех десятков лет назад. В ту самую минуту, когда переступил порог хомутовской «районки» в качестве начинающего сотрудника. Из коллег сразу же отметил для себя Алексея Алексеевича. Его и нельзя было не отметить. Могучего телосложения, прямо-таки русский богатырь с картинки, с мощным приятным басом. Как я вскоре узнал, он и прозвище носил соответствующее: «Поль Робсон».

Алексей Алексеевич был своего рода магнитом редакции. Кабинет зама буквально притягивал народ: нештатников, руководителей колхозов, районных служб. Кто-то навещался по делу, а кто-то просто послушать байки Алексеича. Захаживал частенько даже председатель районного народного контроля, а позже второй секретарь райкома КПСС Виктор Тимофеевич Стабровский.

Как и Анищенков, Стабровский увлекался бильярдом – а в красном уголке с недавних пор у нас появился большой роскошный стол с зеленым бархатным полем.

Осаждали кабинет Алексея Алексеевича и мы, редакционная братия. В воздухе надолго повисали столбы табачного дыма и раскаты громоподобного хохота – Алексеич «излагал» очередную «невыдуманную» историю. Рассказчиком Анищенков был классным. Он так и сыпал образами, эпитетами, а героев своих изображал не иначе как в лицах.

Особый интерес вызывали его рассказы о приезде в Калиновку Никиты Сергеевича – Анищенков в свое время возглавлял партийную организацию колхоза «Родина Хрущева». Помню воспоминания коллеги о рушнике, вернее, о том, как искали рушник, чтобы преподнести хлеб-соль для генсека.

«Верите, с десяток полотенец перебрали, прежде чем отыскали подходящее, – делился Алексей Алексеевич. – Отбором занималась сама секретарь обкома по идеологии. И знаете, где утиральник нашли? Ни за что не догадаетесь. В церкви украинского села Сопыч. Конечно же, это обстоятельство от партийного секретаря из области утаили.

Иначе бы нам несдобровать. Что вы! Крамола страшная – борцу с религией такое полотенце в руки подавать».

Еще один эпизод, связанный с визитом Хрущева на родину в изложении Анищенкова.

«Кортеж из правительственных автомашин уже готов был отъехать от сельского Дома культуры, на площади возле которого всегда проходили встречи Никиты Сергеевича с земляками, как вдруг генсек выразил желание попить на дорожку парного молока. Что делать? Действовать! Вскакиваю на мотоцикл и мчусь к дому хорошо знакомой колхозницы. Благо обеденная дойка только закончилась. Хватаю без спросу со скамейки глиняный кувшин и к поджидающей веренице машин. Слава Богу успел...»

Однажды Никита Сергеевич по привычке осматривал посевы калиновских полей. Все радовало его глаз – высокая, под два метра кукуруза, густая, с темно-зелеными головками, конопля. Вдруг Хрущев заметил вдали на пригорке отливающий золотом довольно внушительный участок, заросший сурепкой.

«А это что?»

«Горчица!» - не моргнув глазом, нашелся председатель колхоза Василий Васильевич Грачев.

Уж и поволновались мы тогда, - признался Анищенков. – А ну как захотел бы проверить генсек. Он это любил делать

Делу – время, потехе – час... Мой старший коллега никогда не забывал об этой поговорке, точнее, о том, что газетная работа не терпит слишком большого расслабления. «Районка» в тот период выходила три раза в неделю, и нужно было заполнять чем-то очередной номер. Лично Алексеич выдавал свыше шести тысяч строк в месяц – рекорд, к которому я, скажем, так и не приблизился.

Вот почему, обычно демократичный, добрый в обращении, Анищенков вдруг в мгновение ока резко менялся и бесцеремонно выпроваживал за дверь не в меру

развеселившихся подчиненных – дескать, довольно болтать, пора браться за перо.

Впрочем, «лютовал» зам недолго. Отложит авторучку в сторону - и снова свой в доску.

Подписывали в печать газету в то время очень поздно – крепко подводила напрочь изношенная типографская техника. Ужинать поэтому приходилось на рабочем месте и заместителю редактора, и мне, ответственному секретарю, и корректору. Алексей Алексеевич позвонит, бывало, женошке Екатерине Яковлевне, чтобы отварила картошечки побольше и достала из подвала огурчиков и помидорчиков, да салца кусочек покрасивей выбрала. За тормозком посылал, как самого молодого, меня. Ах, что за прелесть были эти анищенковские соленья! Помидорину и огурец съешь – словно хорошего вина отведаешь! Резкие, вмеру кислые, точнее, кисло-сладкие. В общем, редкого необычного рецепта. Забегая вперед, скажу, что я выпросил-таки как-то у Яковлевны секрет ее консервации, и сейчас жена закрывает на зиму огородину только по этой рецептуре.

Сало – тоже вкусноты отменной. Сплошь с мясными прослойками. Грех под такую закуску не пропустить по рюмашке московской. И пропускали, чего уж там кривить душой...

В обязанности заместителя редактора входило освещение вопросов села. И не случайно. Алексей Алексеевич знал сельское хозяйство, сельскую жизнь в целом не понаслышке, как свои пять пальцев. Уроженец местной деревни Малеевка, агроном по образованию, он, что называется, с завязанными глазами мог показать, где в районе что посеяно, где почва хорошая, где не очень. Назови ему фамилию какого-нибудь колхозника, и он скажет, откуда тот, а уж специалисты все ему были знакомы. Анищенков очень любил своих односельчан и нередко рассказывал о них на страницах газеты. О нелегких трудовых буднях жителей Малеевки написал и свою первую заметку. Правда, в какое именно издание, забыл. Может, в «районку», может, в «Курскую правду». Зато после он уже оставался верен этим двум газетам до конца.

В далекие пятидесятые Алексея, заведующего избой-читальней, пригласили в штат хомутовской «Коммуны». Быстро освоил профессию газетчика – помогли увлеченность, трудолюбие да и, пожалуй, божий дар, талант. Знаток и любитель природы, он даже в обычную корреспонденцию умудрялся вставить картинку, рисующую красоту родного края. А уж если брался за чисто природную тематику... тут ему не было равных. Неудивительно, что Алексей Алексеевич Анищенков неоднократно признавался победителем конкурсов, проводимых областным экологическим комитетом.

В последнее время Алексей Алексеевич, заглядывая в редакцию, нередко говорил:

- Есть у меня одна интересная задумка, но нужен транспорт, чтобы выехать...

Давно «безлошадный», я нехотя беспокоил знакомых, имеющих авто, и мы спешили с Алексеичем с глубинку.

Казалось бы, каждая тропинка, каждый уголок в районе известен, а завезет Анищенков куда-нибудь – только диву даюсь: как же я такое место не разглядел, не заметил!

Не изгладится в памяти наша поездка с ним на Святое озеро. Что за чудо этот водоем! Что за диковинка! Огромное по размеру, глубины немеренной, свинцового цвета, со студеной, даже в зной, водицей, затерявшееся среди полей, оно возникает неожиданно как мираж в пустыне. Но нет, это не мираж, это явь. Обследуя топкие труднопроходимые берега водоема (к зеркалу его близко не подойти), невольно думаешь о космическом происхождении озера. Скорее всего, в доисторические времена здесь упало большое небесное тело... Как-то не по себе чувствуешь, созерцая неприветливое водное пространство. Кстати, здесь не встретишь рыболовов, которые летом, весной и осенью облепливают со всех сторон куда менее крупные речушки и озерца. Возможно, людей отпугивает легенда о церкви, которая, якобы, провалилась на этом месте под землю?

А вот еще одно открытие, коим я тоже обязан Алексею Алексеевичу.

«Волга», любезно предоставленная нам администрацией района, проколесив по полевым дорогам десятка два километров, останавливается на пригорке.

Внизу в луговой ложбине взору открывается вид, чудеснее которого не видел в жизни.

«Вот она, курская Швейцария», - нарушает молчание Алексей Алексеевич. В поселке Пчелка – жителей раз-два и обчелся. Но каких! Чего стоит имя звеньевой – свекловичницы Анны Николаевны Слепыниной. Когда-то оно гремело в области. Депутат областного, Верховного Совета РСФСР, удостоенная многих высоких правительственных наград, в том числе и орденов Ленина, Трудового Красного Знамени. Под стать хозяйке – муж - участник Великой Отечественной войны, получивший медаль Болгарии за бои по освобождению этой страны. Супруги не сидят сложа руки. Несмотря на хвори и возраст, держат солидное подсобное хозяйство. За чашкой чая с медком Алексей Алексеевич успевает заносить интересные

подробности в свой блокнот и обдумывать название материала о красотах и обитателях умирающего поселка – его он предложит любимой «Курянке» и не менее дорогой и любимой «районке».

Жаль, что все это уже в прошлом. Уже никогда не войдет в мой рабочий кабинет хороший человек и журналист Алексей Анищенков, не предложит интересную зарисовку, не пригласит в путешествие по знакомым и таким неизведанным тропкам-дорожкам земли хомутовской. Правда, остаются воспоминания. Их не вычеркнуть из сердца вовек...

Николай ШАТОХИН.

Районные новости 2007 года

Отзыв благодарного читателя

Л.М. Выходцева учитель русского язык и литературы МКОУ Хомутовская СОШ

Алексея Алексеевича Анищенкова я лично не знала. «Познакомилась», прочитав его очерки-зарисовки в районной газете. Обрадовалась, вновь и вновь пробегая глазами строчки... Давно не получала такого удовольствия...

Слова, как кружево, как драгоценные камушки...

За каждым – душа, за каждой строчкой – любовь к жизни, родным местам, людям...

Очерки – зарисовки Алексея Алексеевича – это ещё и философское рассуждение, мудрая подсказка, что жить надо просто, надо уметь видеть красоту этого мира, что рядом с тобой!

И оживают перед глазами картины: вот аист на водонапорной башне, «калина красная» в глубоком рву, на дне которого до лета снег лежит, «Манечкин ключ», говорливый и звонкий, как сама эта весёлая вдовушка.

Люди в рассказах Анищенкова так тесно «связаны с природой, они – часть её»...

О каждом из односельчан Алексей Алексеевич пишет так, что запоминаешь на всю жизнь, потому, что его герои настоящие, они из жизни.

Для того, чтобы так написать, нужно любить их!

В каждой такой статье о природе – история местного края «За лыками» (далёкое – близкое), жизнь русской деревни, сельского человека, который живёт единой жизнью с родными местами, его природой («Святой источник», «Манечкин ключ», «Жуткий ров», «Гнилуша»).

Что чувствовала я, читая откровения А.А. Анищенкова? Благодарность!

Конечно, благодарность за редкое умение видеть и любить и мою малую родину, мой народ, мою страну, которую я тоже люблю бесконечно!

Грусть, от того, что деревня умирает, что «ухаживать за дарами природы некому, а чаще – «некогда» («Святой источник»).

А ещё мне хотелось бежать сей же час, сию же минуту, чтобы сказать спасибо этому человеку. Сказать, пока не поздно!

... Я успела - таки поблагодарить его. Однажды, увидев Алексея Алексеевича на больничном дворе (он лечился в районной больнице) подбежала к нему и попросила писать, потому что его статьи нужны нам...

Никогда не забуду его глаза!

Я успела.

Родная природа глазами журналиста Алексея Анищенкова.
/Природа родного края в газетных и журнальных публикациях/.

Аистёнок.

В году минувшем летний сезон для пары аистов закончился трагически. Птицы для продолжения потомства избрали верх водонапорной башни, что стоит на территории Хомутовского маслозавода. Однажды еще по весне аист - папа на охоте погнался за добычей, но не рассчитал своих сил и глазомера. На большой скорости он врезался в нитку колючей проволоки и погиб. В итоге аистиха осталась вдовой...

Нынче верхотуру той башни облюбовала пара молодых аистов. Они починили гнездо, натаскали в него все необходимое для “перинь”. Сколько яиц отложила в гнездо аистиха, узнать из-за высоты трудно. Но вот в конце мая у новоселов появилась в семье прибавка - один аистенок.

Папа с мамой кормили малыша поочередно. Один летит на болото за “детским питанием”, другой караулит гнездо с аистенком. Затем за кормежкой отравляется другая птица. И так целый день. Проглотив очередную лягушку, аистенок тут же опять широко раскрывал клиновидный клюв, мол, подавайте к столу еще чего-нибудь вкусенького. Удивленно поцокав клювами, родители вынуждены были в который раз лететь на поиски съестного. Меню аистенка папа с мамой по возможности разнообразили. То принесут ему квакушку, то мышку подбросят. Иногда баловали даже мелкой рыбешкой.

Август. Аистенок вымахал в полметра. Стоит в гнезде, осматривает окрестности. Как-то раз над башней появился чужой аист. По тревожному вскрику своей подруги, навстречу незваному гостю, грозно вылетел глава семейства. После короткой схватки, чужак рванул наутек.

Раннее утро, раскаленное докрасна солнце выкатывается на кромку горизонта. Самое время натошак поучить “юношу” летному мастерству. Родители становятся перед аистенком, машут крыльями, издают клекот. В ответ сын повторяет то же самое. Старые аисты оттесняют молодого к самому краю гнезда и легонько его подталкивают, дескать, лети же наконец, дурачок. И вот, испуганно взмахнув крыльями, аистенок оторвался от “квартиры” и перелетел на крышу соседнего с башней цеха. Постоял - посмотрел, наверное, удивился своей храбрости и умению. И вдруг взмахнул крыльями и завис в голубой синеве...

С тех пор семья аистов отправляется на кормежку втроем. Видимо, настал черед поучить аистенка и самостоятельно добывать пропитание, иначе не проживешь на белом свете.

И зимой опушка хороша!

Даже любой сельский школьник знает, что опушка – это край леса, граница между ним и полем. Летом можно часами стоять и любоваться прелестями опушки. Хороша она и в «мёртвый сезон» - зимой. Вот и в январе нас уже во второй раз потянуло как магнитом к урочищу Городовое, которое за большие размеры назвали «тайгой». Опушка урочища тянется на десятки километров и выбегает на встречу то с полем, то с лугом, то с Кожановским прудом, с многочисленными оврагами.

Опушка всегда манит к себе красотой, таинственностью, уютом, тихим шёпотом и ещё чем – то сказочным, неповторимым. Снега нынче мало, подходы к лесу доступны и конному и пешему. И, словно охраняя лес от людей с чёрным сердцем и погаными мыслями, опушка выставила на охрану Городового надёжные дозоры и целые дружины из кряжистых дебёлых дубов, надёжных вязов, разлапистых клёнов... За «спинами» своих братьев – богатырей спокойно растут и прячутся их более хрупкие сёстры и невесты – берёзы, липы, осины... Когда летом на «тайгу» вдруг налетит свирепый ураган, его первыми встречают на опушке они, надёжные стражи леса. Помните слова из лирической песни: «Берёзку белую любя, клён принял вихри на себя...»?

Конечно, на бесконечной опушке этого леса можно встретить и вечно «непричёсанную» дикую грушу, и прильнувшую под крыло дуба рябину в рубиновых бусах, и берёзу с белыми от мороза ресницами. Они в купе с ивушками, вербочками, орешником лишь усиливают прелесть опушки.

Опушка круглый год живёт более интенсивно, нежели её срединные «тылы» в глубине леса. Вот в метрах двадцати вглубь от первой шеренги деревьев кто – то ещё с осени смахнул несколько молодых осин, не дав им дожить до зрелого возраста. Стройные, зрелые, как поздний лук, стволы, браконьеры умыкнули, оставив некудышные макушки. Возле останков деревьев гуляет на свежем зимнем воздухе пара лосей. Папа и будущая мамаша. Кора осины горькая, что полынь, однако зимой животные рады и этому корму: голод не тётка.

Идём дальше. Видим у кромки леса испуганно застывшую семейку косуль. Солнечно, далеко всё видно. Пугливые, с точёными ножками красавицы,

наверное, решили перебежать в соседний с «тайгой» лесок, да боязно им сделать бросок при ярком свете. Но вот к ярилу подкрадывается пышное, похожее на пуховую подушку, облако и устраивает солнцу «тёмную». Этими внезапными короткими дневными сумерками и воспользовались косули, стрелой метнувшись через поле.

Опять засверкали сверху холодные лучи, под ними заискрились и вроде бы затанцевали хороводом снежинки на жнивье и ветвях деревьев. Глядь, а из кущи орешника на опушку уже пожаловала рыжая кумушка. Хитрюга влево повела головой, вправо, присмотрелась этак зорко – никого – и затрусила на соседнюю с опушкой ниву. Там летом хлеба убрали, а вспахать зябь не успели. Самое подходящее место помышковать на «террикончиках» половы. В нарядной шубе кума так увлеклась охотой на мышей, что даже ноль внимания на проезжавшую по недалёкой дороге легковушку.

Днём зайцы забираются на лёжку в самое чрево «тайги» или замирают в полевых бороздах. Но только появится первая звёздочка на небе, они тут как тут – на опушке. Отсюда косые крадутся на озимые полакомиться сладкой зеленью. В случае опасности можно задать стрекоча к спасительной опушке. Об этом ясно рассказывают заячьи следы на снегу.

В зимнем лесу мало птиц, почти не слышно их щебетания, переклички. В холоде не до песен, прокормиться, скоротать бы день в наиболее затишном, безопасном месте – и на том спасибо. Но на застывшей опушке вас обязательно встретит воздушный часовой леса – приятная на глаз сойка. Своим пронзительным криком она предупреждает пернатую братию Городового: внимание, человек! Тут же на помощь сойке заявила пара длиннохвостых сорок и тоже давай «обстреливать» криком незваных гостей.

А теперь пора пойти к стене медноствольных корабельных сосен, которая вышла на самую опушку «тайги». В соснах живут клесты, всегда празднично принаряженные, то и дело поводящие головами с кривыми, как старинные сабли, клювами. Птенцы у клестов появляются в крещенские морозы. Ну разве не чудо творят эти птицы в январском лесу! Мама и папа насиживают яйца по очереди и кормят молодняк, сменяя друг друга. С гнезда одна из птиц – другая ни на шаг, даже в оттепель.

Или такая занятная картинка. Толстая сучкастая осина, видимо, одряхла от преклонных лет, она словно сгорбилась, опустила книзу высохшие ветви – руки. Пёстрый дятел так дубасит клювом по засохшей коре этого дерева, что вниз на снег, как от отбойного молотка, летят и летят непрерывной лентой целые куски почерневшей древесины, шматки коры. Труд «лесного доктора» со знанием дела «эксплуатируют» больше лесные синицы. Они бойко, наперегонки выбирают из остатков осины личинок, их яйца, другую лесную нечисть. При этом синички не жадничают, тихим пискom подзывают они на бесплатный обед своих подружек.

Откуда – то с небес опустились на скирду соломы ворон и его ворониха. Птицы такие аспидно – чумазые, словно век не умывались. Между прочим у этих «нерях» брачный период начнётся в конце февраля. А пока смиренно, но сторожко сидят, по сторонам зыркают в поисках, чем бы поживиться на ужин.

...Темнеет. Над восточной стороной «тайги» выкатывается луна размером чуть ли не с заднее колесо телеги. Но вот к луне потянулось узкое мохнатое облачко, похожее на детскую рукавичку. «Рукавичка» стала протирать нижнюю часть багрового диска, однако сразу стало темнеть вокруг. От этого деревья опушки слились в одну мутную, непроглядную стену. И ещё задумчивее, жутковатее становится опушка нашей «тайги». Но отрываться, уходить от этой красоты всё равно не хочется, хотя здесь зимой можно нос к носу встретиться и с волчьей свадьбой...

“Стюардессы” и “фельдшер”.

До середины 60-х годов прошлого века их в наших краях не было. Где-то прочитал, что горлилки к нам прилетели из далекой Греции, где они во множестве водятся в скалистых горах.

Горлилки чем-то напоминают наших домашних голубей. Они никогда не дерутся между собой и с другими птицами, их воркующий “разговор” схож с голубиным. Но если голуби часто “одеваются” в разнообразную по цвету одежду, то все горлилки носят одинаковые по цвету костюмы. Их строгое сиреневато-эlegantного оттенка оперение, важная и строгая походка, приветливое, без надрыва воркование делают их чем-то похожими на стюардесс аэрофлота.

Многие горлилки парами живут и в нашем поселковом парке. Вот по асфальтированной дорожке не спеша шагает неразлучная пара горлиц. Они неторопливо, с достоинством подбирают остатки семечек, которыми во всю сорим на дорожках парка мы, люди. Птицы изредка воркуют между собой, словно ворчат на небрежных к чистоте и культуре своих старших братьев.

На одной из скамеек парка сидит пожилая женщина и слегка качает коляску, в которой спит внук на самом свежем в поселке воздухе. Ребенок заворочался, захныкал. Горлилки с любопытством зашагали на звук голоса. Увидев птиц, бабушка тихо запела:

- Ой, люли, ой, люли,
- Прилетели две гули,
- Стали думать и гадать,
- Чем Ванюшу наплатить.
- Или кашкой с молочком,
- Иль сметанкой с творожком...

Внучек в коляске притих, зачарованно замерли на дорожке и горлицы, услышав песню, сложенную бабушкой о них.

В нашем парке можно в любое время года встретить и еще одну редкую и полезную птицу - поползня.

Размером он с воробья. “Одет” в неброский темный костюм. Если дятла народ прозвал лесным “доктором”, то поползень по праву носит звание лесного “фельдшера”. Эта маленькая птаха за год съедает столько вредителей леса, что их вес порой в десятки раз превышает собственный вес.

Поползень любит “прописываться” на жительство в дуплах старых деревьев. Он - единственный из птиц, бегающий по стволам деревьев вниз

головой. Поет поползень лишь весной в период спаривания. Его призывной крик - стрекот, напоминающий голос сойки.

Вниз по матушке Свапе. /наедине с природой/.

Однажды летом на берегу Свапы пришлось услышать, как местный рыболов расхваливал приехавшим к нему гостям прелести родной реки. В ответ один из них пренебрежительно хмыкнул:

-Разве это река. Так, ручеёк, воробью по колено.

Подумаешь, знаток нашёлся. Подавай ему, видите ли, Волгу с Донами. Конечно, нашу Свапу – матушку нельзя назвать рекой, но на звание приличной речки она вполне потянет. Обидно лишь, что речка-невеличка скупа к Хомутовцам. Только на востоке – на границе с коньшовскими полями и лугами – она слегка и недолго ласкает своим правым берегом угоды нашего района.

Первым встречает там Свапу наш посёлок Свобода. Отсюда и пойдём за её извилистой лентой вниз по течению. Вот и деревенька Лёкта уже придвигает свои хатёнки к речке, за ней посёлок Красный Курган. Расположен он на высоченном крутом холме, «в живых» в нём остался один – одинёшенький домик. Отсюда взору открывается такая панорама, что не налюбуйся, обзавидуешься. Бескрайний заливной луг, на нём ужом извивается Свапа, возле неё дремлет стадо коров. А вот к берегу выстроилась очередь из ив, верб, кажется, что деревца спешат к воде искупаться.

По всему лугу острова цветов всех оттенков радуги и даже богаче. Над поймой медленно кругами ходят в небе ястребы, наверное, над мышинной норкой вертолётom завис сокол – пустельга. Над осокой шныряют голубоватые с «полиэтиленовыми» крыльями стрекозы, весь день целуются с цветами бабочки всех оттенков.

Далее Свапа приголубила на своём бережку Ширков хутор, не давая умереть и этому бедолаге.

Потом Свапа надолго украсила свой правый крутой бережок смешанным лесом, на левом балует людей заводями, сонными плёсами. Не доходя до села Сныткино, Свапушка оставила на память людям первую запись о своей трудовой деятельности в виде осевшей плотины и зарослей одичавших вишен. Здесь до войны речка – труженица проворно кружила – вертела колесо водяной мельницы, которая сгорела в войну. Кстати говоря, Свапа помогла нашей 13-й армии выйти из окружения гитлеровцев осенью 1941 года. До сих пор «спит» в речке наш танк Т-34, который из-за отсутствия горючего танкисты после боя утопили, чтобы не достался врагу.

Долго трудилась Свапа и после войны. Возле села Мухино она приводила в действие первую в районе электростанцию. Здесь же действовала и водяная мельница: не ленилась Свапа превращать на ней зерно в мягкую, как пух муку. Распрощавшись с Мухино, Голубовкой, Луговым, речка выходит на последнюю прямую – к своему устью. Ну и места здесь! Прямо вдоль берега стоят стражи речки – высоченные дубы. В мае с них прямо в воду шлёпаются жуки – сони,

которых здесь нарекли по-украински – хрущами. Эту «манну небесную» на лету хватают юркие голавли. Кажется, что перед тем как броситься в объятия своего старшего братца Сейма, Свапа приостановилась и задумалась: стоит ли течь на ту долгожданную встречу?

Тут в низовье вода похожа на застывшее серебро. Залётные рыбаки «на моторе» разрезают устье Свапы напополам. Волны от лодки лениво плетутся к тому и «нашему» берегу. Вот первые из них завернули в небольшую лагуну, начинают мелко морщить её гладь, как нос перед чиханием. Так и хочется сказать Свапе: «Будь здорова, дорогая!» Речка в ответ на доброе пожелание приглашает полюбоваться на выращенные ею лилии. Волны раскачали стебли цветов, и они приветливо закивали белыми головками, мол, можете сорвать парочку. Да разве наляжет рука губить такую прелесть! Пусть оранжереей на воде полюбуются и другие люди.

Великий Гоголь утверждал, что редкая птица долетит до середины Днепра. Конечно, влюблённый в могучую реку писатель преувеличивал. Но ему невольно веришь, глядя на весенний разлив в устье Свапы. Вкупе с братцем Сеймом они заполняют водой здешние места до самого горизонта, и кажется, дальше этой отметки, разумеется, крупная дичь перемахнёт это море разливанное, как говорят нынче, без проблем. А вот воробьям уж точно нечего и думать о броске через этот необъятный «океан». Ведь говорят, что воробей способен продержаться в воздухе всего 2-3 минуты...

С верховьев Свапы сюда плывут и плывут тёмные, не умытые ещё дождём льдины. На одной из них поневоле путешествует собака. На другой мечется в поисках деда Мазая ушастый зайчишка. Только вороны, сороки комфортно чувствуют себя на «арендованных ледяных плотах. Вон, даже спокойно закусывают прямо на ходу.

Показалось подмытое Свапой и прихваченное по пути довольно большое и сукастое дерево. И этот речной «теплоход» идёт по воде не в холостую. На его тёплых от солнца суках греет лапы целая колония пернатых бродяг. Местами из воды выглядывают рогатые и пухлые ещё с осени листья клёна, похожие на трезубцы Нептуна. Даже не верится, что они по Сейму, Десне без таможенного досмотра пересекут границу с Украиной и очутятся в лоне того самого Днепра...

Святое озеро.

Мы с ним не виделись, пожалуй, лет пятнадцать. Тогда берега Святого озера были чистыми, а сейчас они густо поросли корявым, неказистым сорняком. Раньше вокруг гнездились семьи чибисов, чайки иногда окунали крылья в воде, этой же весной над озером носятся туда – сюда и стаи диких уток, стремительно, строго по прямой, как реактивные истребители, мелькают чирки.

Святое озеро – единственный в районе водоём нерукотворного происхождения. Как оно образовалось? Откуда получило такое почтительное название? Скорее всего, давным – давно в это низинное место врезался метеорит или другой посланец с небес и пробил землю до родников. На это указывает и

размер озера – в окружности оно не более 450-500 метров. Правда местные жители утверждают, что когда – то здесь, давно, стояла церквушка, которая опустилась в чистые воды озера. Отсюда и название – Святое. Озеро кишмя – кишит карасями, однако из поколения в поколение строго соблюдается традиция: ловить рыбу в Святом озере – грех.

С южной стороны озеро пока не заросло лозняком. Ближе к полудню ветер поднатужился и подул сильнее. И сразу же на воде стали всё выше и выше расти волны, украшенные белёсыми барашками.

Глубина озера – тайна за семью печатями. Местные аборигены не обзавелись почему – то даже утлой лодочкой. Поэтому до середины озера не доберёшься, не измеришь его связанными друг с другом верёвками или вожжами.

«Мы раньше заготавливали на Святом лёд для Старшенского сепараторного пункта. Бывало свяжем 2-3 шестиметровых шеста и пытаемся достать до дна. Да все наши потуги – мартышкин труд», - рассказывает пенсионер Илья Николаевич Терехов.

Не случайно в Святом не купаются и в 30 –градусный зной – вода в нём всегда студёная, как зимой. А напиться из озера – пожалуйста. Водича и чистая, и вкусная. В этой связи вспоминается такое. Метрах в двухстах от озера когда – то располагалась МТФ колхоза «Путь Ленина». Работала на ней дояркой В.Ф. Нечаева, которая получала за год от коровы до 5 тысяч килограммов молока, за что единственная в районе носила на груди два ордена Трудовой славы. На вопрос: как ей удаётся достигать столь высоких надоев, Валентина Фёдоровна с улыбкой отвечала:

- А я своих коров пою из Святого озера.

Шутка шуткой, но соседнее брянское село прозвали почему – то Доброводье. Знать, Святое озеро освятило всё вокруг.

К востоку от озера полого поднимается возвышенность. Её макушка замерла на отметке 244 метра над уровнем моря. Величают сей «бугорок» - «Холмом», вмещает он на своей «спине» аж 460 гектаров пашни. Вернее, вмещал. В настоящее время Холм богат, в основном, пыреем и другими травами. С его вершины в ясный день видны купола церквей города Севска, до коего по прямой 15-16 километров. Хорошо просматривается гряда Брянского леса. И, конечно, как на ладони видно Святое озеро, глубокое око которого вот уже сколько веков кряду устремлено на далёкое от него небо.

В озере отражаются белые лоскуты облаков, и, кажется, что кто – то там, внизу, развесил сушить простыни.

Во времена Курской дуги на Холме держала оборону наша артбатарея. От неё до линии фронта -4-6 километров. Бойцы-артиллеристы проложили тропку к Святому озеру, захлёб пили из котелков живительную воду, смывали с себя пыль и гарь ледяной влагой. Частенько батарея открывала ураганный огонь по врагу, словно защищая Святое озеро от нашествия гитлеровцев. В соседнем селе Демино располагался полевой госпиталь. Сердобольные деменинские женщины и девчата по своей охоте бегали к озеру с вёдрами, поили раненых бойцов. Чтобы быстрее поправлялись...

Но давайте спустимся с Холма, как говорится, на грешную землю. Отчего хиреет, усыхает Святое озеро? Конечно, на глазах меняется климат. Вот и нынешняя зима была скупа на снега, отсюда и мало вешней воды вылилось в этот уникальный водоём. Когда полностью распахивался Холм, паводковые воды, ливни смывали с него почву и несли её в озеро. В результате, наверное, заилились подпитывающие озеро родники.

И ещё. Сейчас местный кооператив взяла под свою «крышу» Хомутовская МСО. Нынешней весной новые хозяева начали со вспашки луговины аккуратно вокруг Святого озера, дернина коей не трогалась плугом и при колхозах. А это ещё одна ложка смертельного яда для уникального водоёма. Между тем вокруг озера много дальних полей, которые ждут не дождутся земледельца с техникой...

Манечкин ключ.

В этом запотаённом месте последний раз пришлось побывать в августе. Раннее утро. С кустов ещё срываются крупные, с горошину, капли росы, налитые светом. Глинистая дорога круто опускается вниз. За ночь от росы не только отяжелела трава, ветки, но и отмякла глина, по которой скользят ноги. Вот рыбкой – плотвичкой блеснула на лугу речонка Нестунька – приток Свапы. В низине сонно выются столбики мошкар, предвещая дождь. Проходим заросли лакированного краснотала, место, где ещё в середине прошлого века крутилось – вертелось колесо водяной мельницы. Но вот и конечный пункт нашего путешествия – Манечкин ключ.

Расположен он у села Мухино, называли его так в честь любвеобильной вдовушки Мани, хата которой была самой близкой к роднику. Говорят, что Манечка часто посылала своих ухажёров к ключу не только освежиться, но и набраться от воды бодрости и новых сил.

Притаившись в кустарнике, словно в подполье, Манечкин ключ «работает» на людей и по сей день. За минуту, другую он выдаёт «нагора» не меньше тонны хрустальной, «живой» воды. Попьёшь её, посидишь чуток – усталость словно рукой снимет, кажется, что ты теперь готов шагать до самого горизонта.

Всего в нескольких десятках метров от Манечкина ключа тоже давно пробилась на свет божий струя ключа под названием Гремучка. Не зря он носит такое угрожающее имя. Ведь что тут примечательно и загадочно: из первого источника вода ни капельки не вредна для здоровья даже распаренного августом человека, а вода из гремучки перекроет кислород и давно «охлажденному» человеку.

Тишина вокруг, как в подземелье, хотя рядом и Гремучка. Правда изредка слышно, как кормится выводок диких уток в почти рядом пробегающей Нестуньке. Стеклянистые струи речки местами бесшумно морщат её зеркало.

Святой источник.

Тяжёлая, словно заасфальтированная, туча навалилась на солнце. И сразу – сумерки. И хотя на часах только полдень, глаза одичавшей кошки в траве

внезапно вспыхнули, подобно дорожным знакам в ночи. Но грозившее ливнем небо не испортило нам вылазку на природу. Дорога из села Стрекалово в деревню Курёнку то и дело манит заглянуть за её очередной поворот, за которым цветы ромашки, лютика, цикория кажутся ещё ярче, а метёлки мятлика, вейника ещё пышнее. Вскоре посёлочная дорога медленно, словно за руку, вводит нас в сторожную тишину предосеннего леса, спускается в лог.

Показалась меловая полулысая гора, потом ещё одна, и тоже без «головного убора». Их склоны, крутые и высокие, местами тоже облысели от зноя. В одном месте из меловой горы бойко, напористо бьёт родник. Вода в нём такая чистая, что, как и воздух, не имеет цвета.

- А вы попробуйте ту водичку на вкус,- предлагает пожилой охотник за отавой, снимая косы с плеча.

Он, как в церкви, опускается на колени, будто собирается молиться, смело и жадно припадает к воде.

- Пейте, не бойтесь, от нашего нарзанчика вжисть не простудитесь, - блаженно предлагает косарь, утирая губы подолом рубахи на выпуск.

Курёнский «нарзан» оказался действительно хорош на вкус, и охлаждён, словно по заказу.

Этот родник местные жители называют Святым источником. Почему? Старики из Курёнки помнят, как в этом месте стоял фундамент бывшего барского дома, доживали свой век старые яблони. Говорят, что заболела барская дочь и врачи не смогли вылечить девушку – невесту. Тогда одна старуха – знахарка посоветовала больной пить воду только из этого родника. Вскоре болезнь с барышни сняло как рукой. С тех пор и прозвали это место Святым источником.

Бьют из земли, подобные этому, берёзовские, кожановские, переступленские родники. Они уже несколько веков к ряду не дают умереть речке Сухой Амоньке. И пей из них воду до отвала, и хоть бы хны – никакой простуды. Правда, вот ухаживать за этими дарами природы теперь некому, а чаще – «некогда»...

Мокренький.

Огромное урочище Городовое в своём массиве имеет дюжину младших братьев и сестёр. Носят они такие названия: Перерванное, Калинничек, Лесопилка, Прокопов лог, Мокренький и другие. Мокренький притулился в восточной части Городового, между посёлками Плоский и бывшим посёлком Гремячий.

Весной, летом, осенью возле Мокренького часто тормозит автобус и высаживает десант грибников, сборщиков лесных ягод и просто любителей природы. И лесок редко когда отпустит «десантников» с пустыми руками. В иной год здесь сморчки – строчки – хоть косой коси, щедро родят белые грибы, лесные орехи, навалом рубиновых гроздей калины

Почему это место нарекли Мокреньким? Наверное потому, что здесь в глубоком логу сочится из земли студёная вода и разводит мокроту по всему

логу. Когда – то здесь был колодец, из которого посетители Мокренького утоляли жажду вкусной и прозрачной, как стекло, водицей.

Главная краса Мокренького – берёзы: среди них можно встретить «старух» с тёмной, растресканной корой, горбатыми стволами, и хоровод «молодиц» со стройным станом. Отдельно табуняются белоствольные «невесты» с курчавыми ветвями – косами.

Дубы, ясени, клёны, как богатыри, выстроились вдоль опушек и охраняют покой и сохранность леса от бурь. Да и как им, например, не заступиться, не успокоить сестру – осину, если она даже при слабом ветерке начинает дрожать всей листвой.

Ещё совсем недавно возле Мокренького можно было встретить стадо диких свиней, семью лосей, забегали сюда стремительные, словно молнии, косули. Охотники во множестве добывали лисиц, зайцев, иные заваливали и волков – разбойников. Сейчас лесок оскудел этой живностью «благодаря» нашествию стрелков – браконьеров, вооружённых многозарядными карабинами...

После войны с Германией в Мокреньком располагалось лесничество. Там стояло несколько добротных домов, были даже большие качели, которые «ходили» по кругу. Жители

окрестных деревень бегали туда на поденную работу – ухаживать за саженцами молодых деревьев. До сих пор на мокреньком сохранилось несколько яблонь – антоновок ещё довоенной посадки, вот то были сорта! Запах от тех яблочек такой ароматный, что его не убивают другие запахи осеннего леса.

Лес Ломлёный – столица калины.

Весной, когда у нас в садочке расцветает куст калины, соседка Вера раз пять, шесть в день подходит к незатейливому деревцу и нюхает, нюхает цветы – зонтики...

- Сколько проработала парикмахером, а такого запаха не встречала, - восторженно заявляет она.

Многие с ней соглашаются, но советуют при случае побывать в леске Ломлёном, который у нас в районе называют столицей калины. А расположен он у самого порога посёлка Борисовский, в глубочайшем овраге. Ломленный не только красив, величав, но и действительно богат калиной.

Да и после войны с Германией многие жители окрестных сёл и деревень по осени спешили в Ломлёный за ягодами калины. Рубиновые плоды зачастую собирали прямо с ветками, ломая их. Отсюда и название леса. Калины в нём было так много, она так щедро родила каждый год, что та ломка вроде бы и не наносила большого вреда урожаю.

Иной скептик или плохой знаток лесных даров скажет: ну какое лакомство – калина? Горькая она, мол, вязкая. И промахнётся. Вяжет она во рту ранней осенью, ещё не тронутая морозцем. А вот когда Дед Мороз подержит ягоды «за пазухой», они становятся и вкусными, и полезными.

Раньше в сёлах готовили теперь уже забытое блюдо – солодуху. Для этого поджаривали на сковороде ржаную муку, затем ссыпали её к горшок или

чугунок, пожиже разбавляли водой, засыпали ягодами калины и часа на 3-4 ставили в печь томить. К обеду получалось блюдо – за уши не оттянешь. Калину добавляли во взвар, варили из неё кисель. На зиму гроздьями калины украшали окна хат, ставя их между двойными рамами.

Одноко пора и заглянуть в Ломлennyй. Пожалуй, начнём с весны. Заходить в лес лучше с вершины оврага, склон которого затем круто ведёт вниз, словно в погреб. Между уже цветущей медуницей там и тут стоят навтыжку, как солдаты перед генералом, сморчки и строчки. Они словно просят побыстрее избавить их от строгого начальства. Уважаю их мольбу, и грибы вскоре скрываются в моей плетушке.

Побывать в Ломлёном следует и в конце мая – начале июня, когда зацветает главная краса этого леса – калина. Цветы её незатейливы, неброски, они похожи на распутившиеся зонтики моркови. Зато нет в лесу соперников, равных калине по запаху. Он тонкий, нежный, ароматный, до него не дойдёт, Вера, твоя «Шанель» впридачу с «Ландышем».

Аромат цветущей калины заставляет опуститься на пенёк, отдохнуть в этом «парфюмерном магазине» под соловьиные трели, под зазывные «ку-ку» кукушки – «гадалки». Далековерху плывут по небу караваны облаков, нагруженных живительной влагой. На высоких острых макушках деревьев горит, как на копьях, моложавый с утра свет солнца.

Подкрепившись «баранчиками», шагаем по «столице» калины ещё ниже – в поисках воды. И вот на самом её дне приветливо журчит и знаменитый местный ключ. Вода в нём, что нарзан, да ещё смачно припудрена пылью цветущего орешника. Живительная влага из ключа собирается в крохотный заливчик. Посмотришь в него, и небо оказывается и над тобой, и внизу – под ногами.

По зелёному тоннелю из перепутанных вервей карабкаемся назад, к опушке. В жутковатой тишине и полумраке новогодними хлопушками резко стреляют под ногами сухие сучки или громко шуршит прошлогодняя листва...

Но чтобы понять, почему Ломлёный прозвали у нас столицей калины, нужно наведаться в лесок осенью. Как магнитом притягивает первозданное таинство этого уголка Берендеева царства. Только что родился скупой октябрьский рассвет, клочки низких туч, как куски уходящей ночи, спешат на восток встречать восходящее Ярило. Вдруг солнце выглянуло из-за невысокого кургана и золотом залило опушку Ломлёного. В ответ лес заалел кумачовыми транспарантами. Но это выступила на опушку поспевшая для сбора чудо – ягода: калина красная, калина вызрела. Так и тянет на песню от увиденного дива.

Дружно приступаем к сбору сочных крупных ягод, которые уже слегка тронуты морозцем. Вскоре корзины наполняются витаминами чудесного цвета. (Сок калины снижает давление у больных гипертонией, а стакан сока с ложкой сахара надолго поддержит здоровье человека).

Давно уже не спит и лесная братия: дружно готовится к подступающей зиме. Парочка белок шныряет под кустами лещины, выбирает самые ядрёные орехи и улепётывает с ними к своим потайным кладовкам. А семья барсуков, наверное, ещё ночью «подмела» жёлуди из – под кряжистого дуба. Последние «отделочные» работы завершает в дупле осины разноцветный,

как семафор, дятел. Смешно семянт вверх – вниз по стволу клёна малюсенькие поползни. Покой нарушают крикухи- сойки, которым, видите ли, не понравился наш набег на Ломлёный.

С лесным даром, похожим на драгоценные камушки, спускаемся к заветному ключу, всласть, захлёб пьем воду –

отраду. На самой «подошве» леса - крохотной лужайке – по – партизански разводим костерок из сухого валежника. Достаём прихваченную из дома снедь. Аппетит после того, как целый день бесплатно дышали целебным воздухом, – волчий.

Тем временем пламя костра сдвинуло в стороны подступившую темноту. Сорванные ветерком листья полетели над нами, как летучие мыши, а жёлтые листья на берёзах, клёнах стали похожи на лимоны...

Скоро грянут филипповские морозы. С далёкого, ещё более холодного севера к нам прилетят снегири, свиристели. Пожалуйте, дорогие гости, к столу: Ломлёный загодя развесил для вас лакомство – калину свет красную...

Жуткий Ров

В этом глухом, запотаённом месте матушка – природа в поте лица трудилась, пожалуй, не один век. Ей в работе пособляли солнце и ветер, снег и вешние воды. В результате между сёлами Злобино и Малеевка появился на свет длинный и глубоченный овраг, который местный народ нарёк Жутким Рвом. В детстве наши мамки частенько стращали своё вечно неугомонное чадо: будете дурить – отнесу в Жуткий Ров. И ребятня испуганно затихала. Кому охота иметь дело с тамошними волками, ведьмами...

Жуткий Ров берёт старт у подошвы суходольного лога, а затем постепенно вгрызается в крутой косогор, как тупым ножом разрезая его на две половинки. Наконец острый «язык» Жуткого доползает до финиша – пологого к нему поля. Природа сотворила этого прожорливого урода, она же и утихомирила его надёжной уздой из берёзок, дубков, которые не дают шишаку оврага всё дальше вонзаться в плодородную почву нивы. Правда, в особо буйное половодье некоторых «героев» той лесополосы напористый поток подмывает с корнями и сбрасывает на жертвенный алтарь Жуткого оврага.

Но осенью ветер заносит в ту лесополосу новых бойцов в виде семян различных деревьев.

Опять весна на белом свете, опять, словно арканом, тянет к Жуткому. Собрав на своей груди побольше талых вод, поле бросает их в атаку на своего извечного разорителя. Ров спокойно подпускает исток к своему узкому, хищному, как у акулы, рту и внезапно бросает его с обрыва на самое дно, в свою ненасытную утробу. Тот водопад гремит, что твой Ниагарский. Подобную сцену Жуткий Ров устраивает и после сильного ливня.

В конце марта – начале апреля здесь первыми оживают всевозможные ивы, которые толпятся и вокруг Жуткого, и на его менее крутых стенах. У иной ивы взатишку на солнечном припёке вылупляются из почек такие большие и пушистые соцветия, что они напоминают рассевшихся на ветках суточных цыплят.

Глядя на ивушек, цепляются за жизнь на стенах Жуткого Рва берёзы с дубками, дикие груши, тёрн. Поначалу они гонят молодые побеги в противоположную от стены сторону, потом плавно растут вверх. В итоге из такого дерева вырастают готовые полозья для саней. И ещё. Бывало во время весновспашки на коровах, волах, лошадях мы прихватывали с собой топоры, долота. С их помощью выдалбливали корытца в изогнутых полозом берёзах, которые мигom наполнялись берёзовым соком. В передышках пахари выбирали в жнивье ржаную соломинку покрупнее и шли в Жуткий Ров пить «коктейль», опустив соломинки в корытца с берёзовым соком.

Жуткий Ров особо не раздался «в плечах», зато ширину свою компенсировал глубиной и почти отвесными стенами на большей части своей длины. Стоя на дне этого оврага, видишь, как там, на верхотуре, покачиваются от ветра макушки берёз. А здесь, на дне, тишина, словно тот ветер – гуляка в капкан попался. Стены оврага – сплошная глина, да такая красная, что, кажется, из них вот – вот посыплются вниз готовые для варева махотки, а то и самые пузатые макитры.

Случись летом посмотреть с высокого обрыва в глубь «каньона», дно Жуткого просматривается лишь местами. Остальная часть подошвы надёжно, по-хозяйски укрыта

ветвями наклонно растущих деревьев. Особенно неприглядны почти шарообразные кроны диких груш, похожих чем – то на валки перекасти – поля. Такие груши давным – давно облюбовали под «квартиры» сороки – воровки. Вот и сейчас одна из них, боязливо зыря на нас, кормит своих широкооротых птушат. А тем временем их папа в содружестве с другими сороками яростным криком обстреливает пришельцев с высоченных берёз: мол, сматывайте удочки отсюда, и поскорее.

Вокруг Жуткого, на его отрогах, часто и обильно родит дикая клубника. Вот и на этот раз набрали мы на целые россыпи красно – тёмных ягод – словно кто горстями разбросал здесь по траве монисто. Скажите, не лукавя, вы пробовали в наших местах что – либо слаще спелой дикой клубники? То – то и оно, что таких по вкусу ягод не отведаешь ни в саду, ни в огороде.

Тем временем от дальнего леса со стороны Свапы к нам отвернула чёрная, похожая на овцу романовской породы, туча. Но нам, как говорится, не страшен серый волк. Проворно ныряем в Жуткий Ров под непромокаемые зонтики – кроны диких груш, которые сверху прикрыты ещё и сучьями дубов, берёз, ив. Накось, ливень, выкуси. Досадливо нахмурившись, что до нитки не промочила людей, туча – овца несолоно хлебавши поползла дальше.

Выкатываемся из спасительного укрытия на свет Божий. В одном из глубоких закоулков Жуткого под густой сенью деревьев ещё белеет крохотный островок ...снега. И сразу вспомнился далёкий послевоенный сенокос. Тогда мы, зелёные косари, дедки, вдовы перед началом работы ставили в «холодильник» Жуткого свои кувшины с водой, квасом, грушевым взваром. Ведь снег во рву иногда «доживал» чуть ли не до Петрова дня. Или вон рдеют ниже на лугу стволы конского и несъедобного щавеля. А он, родимый, полвека назад выручил нас, селян, в засуху – голодуху...

Жуткий Ров – надёжная «хата» и для лисиц, в его кутках тут и там видны их норы, возле которых обязательно краснеют утопанные лапками лисят игровые площадки. Вокруг них пестреют перья диких птиц и даже куриные. Видать, кумушка нередко навещается за прокормом и в соседние деревни. На подошве луга, в самом затишке, порой шевелятся земляные терриконы. То несут под землёй свою вечную вахту кроты – шахтёры. Кто –то потехи ради ковырнул – поддел рогатюлькой один из мини – терриконов, и на солнце заблестела чёрная, похожая на бархат, шерсть «слепца».

Осень всегда подкрадывается по – кошачьи –тихо и незаметно. Первым делом она наносит ржавчину по краям листьев деревьев. Потом как –то сразу желтеет весь лес. Ветер срывает уже немощную листву, сгоняет её на дно ущелья Жуткого Рва. Иногда напуганный собаками заяц с разгона шлёпается вниз рва на листовую перину, и хоть бы хны – подхватывается и улепётывает дальше.

В октябре 1941 года в этих местах выходила из немецкого окружения наша 13-я армия. У Жуткого Рва два наших пулемётчика прикрывали отход своих товарищей. Когда кончился небогатый запас патронов, красноармейцы закатали «максима» в дебри Рва, а сами побежали догонять однополчан. На пулемёт случайно наткнулись два малеевских паренёк – Петька и Витька Полоховы. Не долго думая они расковыряли острыми палками горловину лисьей норы, затащили в неё пулемёт, а вход замаскировали сучками и листьями. Примерно в конце декабря Петька и Витька пошли с санками в Жуткий Ров, привезли пулемёт в село и отдали партизанам отрядаим. Ворошилова, который только что организовался на территории Хомутовского района. Сам комиссар отряда П.Г. Зайцев поблагодарил Полоховых за дорогой подарок.

Зима. А что зима, ну чем любоваться у Жуткого Рва? Крупноееё с неба днями., как манна небесная сыплется, струится из непролазных для солнца туч. Деревья вокруг сидят от снега клочьями, пышные, белые караван растут на сорочьих гнёздах, на старых пнях. Уже к середине зимы Жуткий Ров почти до половины заметёт снегом, он оседает под своей тяжестью, всё плотнее утрамбовывается в оттепели. Оно и понятно. Ведь Жуткий Ров и поныне загодя заготавливает материал, который необходим ему для конструкции летних «холодильников».

А рядом с Жутким есть ещё одно местечко с милым названием – Прорва...

За лыками.
/далёкое – близкое/

Первая послевоенная осень. «По ямам картошка, на лужицах – лёд» - воспевают эту пору замечательная семья Заволокиных из нынешней телепередачи «Играй , гармонь любимая!». Заволокины напоминают о том, что, дескать, пришло время отдохнуть, повеселиться. Но когда было петь – плясать, если во многих сельских дворах на зиму не было заготовлено ни палки дров, ждали обмолота, замочки снопов конопли. А ещё нужно было покумекать над тем, как перейти на зимний сезон лапти плести, прясть, ткать холсты на одежду.

Так вот о лаптях. В один из дней конца октября наш сосед дед Степан едва приплёлся из леса и в сердцах ошарашил домашних словами:

- Всё, больше в наших лесах лык нетути. Из чего вам теперь варганить лапти – ума не приложу, - и бросил к печке пук хилых липовых прутиков.

Большой Степанов «выводок» вечерил молча, со вздохами. Оно и понятно. Ещё и до войны с Германией многие в нашей Малеевке тополи в лапоточках, а за войну молодые побеги липы вырезали подчистую. Словам, сырьё для зимней обуви добывать негде.

Но наш колхозник находил выход из более трудного положения. Предколхоза Полохов послал двух «разведчиков» в леса, что ютились вдоль реки Свапы, до которых было от Малеевки километров 10-12. Там, мол, и урочища погуще, размером побольше, а население не ахти густое. Словом, должны быть лыки.

К вечеру «разведчики» радостно отрапортовали односельчанам:

- Липы зли Сваны – навалом. За одну ходку можно припереть лык на 3-4 пары лаптей.

Охотников идти за лыками набралось полсела. Но председатель Полохов осадил:

- А конапли кто будет домачивать?. Поймите же, что без пеньки не сплетёшь долгоносских лаптей, - урезонил он.

Поняли. Опять бабам да взрослым девкам мазать цепами.

Ведь на войну село проводило, считай, роту солдат, домой же вернулось едва ли одно отделение, и то наполовину покалеченное. Напервах председатель отпустил «в поход» стариков, старух, подростков. Многие из них в качестве дополнительного «вьючного тягла» поманили за собой ребятишек.

Шагаем бодро, шумно. Этим наш отряд напоминает цыганский табор. Дед Максим по прозвищу Атот чуть ли не под ручку ведёт свою половину – бабку Марфуту. В период нэпа Максим работал кучером у богатеев в Киеве. С тех пор у него появились «светские» манеры, культурный разговор. Например, на вопрос Марфуты, что он видел нового недавно на базаре в Хомутовке, Атот ответил:

-Ничего особенного. Просто там баба с женщиной дрались, а тот их разнимал.

А рушник дед Максим называет «салфетом», обыкновенные рукавицы – «перчатками».

Парами шмурыгают по дороге старыми ошмётками, клееными галошами деды Яша, Лисей, Ливонид. Из бывших вояк в нашу артель пристал Гераська Щербак. На нём трофейные немецкие ботинки. На работу Гераська не горазд, зато язык подвешан – о го-го! Гераська с возмущением говорит:

- Вот был я в Германии, дак там у каждого дома нужник, а к нему ещё и выложена кирпичная дорodka. А у нас ?!

- Вот ты взял бы и сгородил себе нужник хотя бы из хворостин, а то всё бегаешь по нужде в колхозные конопли, - подковыривает кто – то Гераську.

-Тогда за что я воевал?- находится он – пусть власть городит.

Правы бабы: при разговоре и споре Гераську и толкачом в ступе не поймаешь.

Ребята, которым уже лет по 15, и их ровесницы девчонки идут отдельным табуном они там друг перед другом «женихаются» и «невестятся», у них свои разговоры.

На соломенном омёте села пара воронов чёрных, как трубочисты. Птицы подозрительно смотрят на шумную нашу ватагу. А тут ещё налетели сороки и обстреливают идущих громким криком, нагоняя страх на дикую свою братию. Напуганная лисица, что охотилась на мышей за омётом, торопливо шмыгнула в лесок, стрелой пролетел косой.

Вот и хутор Богомоллов, до которого от Малеевки вёрст пять. Хутор основан в 1912 году переселенцами из Черниговской области. Первым делом они zaloжили большие сады у каждой хаты. Среди добрых, трудолюбивых хохлов у малеевцев уже много родственников, кумовьёв, знакомых. Богомолловцы угостили нас отменными яблоками. Хрустя ими на ходу, двинулись дальше.

И только ещё километров через 6-7 вступили в приречные леса. А там уже полно охотников за лыками из других сёл. Но молодых лип тут, как говорится, хоть косой коси. Беда только, если застукает лесник, но об этом знали лишь старики и нас не стращали.

Ножи в руки – и за работу. На лыко нужно выбирать липку толщиной с палец руки, высотой не более двух метров. Иначе более длинные деревца будет труднее нести домой. Ноги тонут в пёстром и пышном ковре из опавших листьев, многие деревья ещё полностью не сбросили летнего наряда, берёзы, дубы, клёны, осины продолжают пламенеть багрянцем, золотиться на солнце. Заросли папоротника, хвоща такие густые, что в них жутко входить, вдруг наступишь на гадюку.

Кое - кто, особенно ребятишки, уже звонко щёлкают орехи, беззубые старики подбирают орехи и бросают их в карманы зипунов – на гостинцы внукам «от зайца».

Было притихшие за резкой лык «женихи» и «невесты» опять защebetали в притихшем осеннем лесу. Вот один из парнишек решил «подколоть» девок и запел частушку:

Полюбил её в потёмках,

Разглядел, она в лаптёнках

Девки пошушукались, заулыбались и выдали в ответ:

Мой милёнок стоит триста,

На носу висит манисто.

Когда солнце свернуло далеко за полдень, с севера – запада торопливо побежали на юг пушистые облака, похожие на стадо нестриженных овец. Старики заволновались – не пошёл бы дождь и объявили сбор. К бивуаку начали стекаться люди, таща охапками срезанные липки. А один из мальцов принёс...винтовку

- А тот нашёл оружие,- удивлённо объяснил дед Атот.

Винтовка ржавая, видимо, пролежала в лесу с осени 41-го года, когда в этих местах выходила из окружения наша 13армия. Деды отнесли её вглубь урочища и подальше спрятали от напасти.

Липки аккуратно сложили в вязки, вверху и внизу их туго стянули пенёчными оборками, приделали к ним лямки и пристроили за спинами наподобие нынешних рюкзаков. Только над нашими головами высоко торчали тонкие концы липок. Навьючили будущей обувью и ребятишек, правда, в самой разумной мере. Иначе в дальней дороге и при непосильной ноше мелюзга может и «забастовать» и побросать наземь драгоценный груз.

Облака густели, чернели и продолжали свой путь на юг, словно спешили убежать от холода, а мы упорно шагали им навстречу и вскоре взмокли от пота. Многие ходки за лыками, конечно, пожадничали и переоценили свои «тягловые» возможности. Лямки врезались в плечи, толстые снопы липок норовили спихнуть ходока вправо или влево с дороги. Среди молодых слышались ахи и охи, проклятия в адрес будущей обувки. Только старики упорно и ровно шагали и шагали, да ещё и подбадривали «сопляков». Это сейчас стоит какому мужику вместо десятка гвоздей вбить двадцать или после работы вскопать свои пять соток огорода, и его в печати уже начинают величать «трудоголиком». А наши деды, бабки смахивали за день косой более гектара ржи, сжинали серпом по 30 соток жита каждый, однако их называли просто хлеборобами, земледельцами. К тому же и трудились они от зари до зари «за палочки».

Гуськом, понуро, как беженцы, втягиваемся в Богомолы. Наконец двужильные старики объявили привал. Заморив червяка яблоками, засобирались домой. У хохлов выпросили на время несколько колясок и загрузили их снопами из дерева. Полегчало. Уже в сумерках вошли в Малеевку.

На этом хлопоты не кончились. Чтобы кора с липок полностью и легко снималась, их необходимо запарить в русской печи. Затем целый вечер уходил на обдирку коры, скатывание её в кольца, чтоб не сморщивалась. Много возни и при цинковании лык, то есть при обрезке их лохматых краёв острым ножом и на нужную ширину. Только после этого лыко начинало быть похожим на ремешок и готово к употреблению.

Керосина у селян не было. При свете лучин доставались с подполья деревянные колодки, свайки. И начиналось таинство рождения лаптей. Сплетённые из одних лык лапти носились недолго, и уже через неделю такая обувь «просила каши» и её выбрасывали. Чтобы продлить срок носки, подошву лаптей «подверали» туго сплетённой верёвочкой из пеньки или подшивали пластинами из резины автомашин, этого добра после войны было с избытком. Но вот к каждому лаптю

прикреплены были по две пенёчные оборки – обувь готова. В такой можно смело идти в зимний лес за дровами – снег за голенища не засыплется, не то что в сапогах там или валенках. Не страшен любой мороз ногам при долгом извозе: лапти и шерстяные онучи уберегут от холода.

... Декабрьское утро. В школу бегут ребятишки, у колодца судачат бабы, идут на работу мужики и старики. Все в лаптях, только одни в белых портянках, другие в желтоватых онучках.

Вечером открывается изба – читальня. В неё роем набивается молодёжь. Заливисто заиграла гармонь. На круг вылетает молодая вдова Варюха – горюха:

*Эх, лапти мои,
Четыре оборки
Хочу - дома заночую,
Хочу – у Егорки.*

И высекает она при этом такую чечётку, что аж брызги летят из – под лаптей.

Босое, голодное дело было у лапотной деревни, зато весёлое, с надеждой на лучшее будущее...

Полдень в Сныткино.

Чтобы добраться до этого села, необходимо пересечь почти половину нашего района.

Наконец, с высокого, пологого холма открывается величественная картина красоты неописуемой. Внизу виднеются утопающие в садах домики, краснеет кирпичными стенами порушенная древняя церковь, на сколько хватает глаз тянутся луга по нашей и конышовской стороне. Среди лугов, лозняков петляет серебристой лентой Свапа. Курский фотожурналист сразу выскакивает из «Нивы» и начинает в восторге щёлкать фотоаппаратом.

Полдень. Стоит 30-градусная июльская жара, почти сник ветерок. Однако в Сныткино там и тут работают. Вот несколько женщин граблями ворошат сено, едет подвода, гружёная пахучим сеном – чаем, на огородах люди хлопочут.

У Свапы стадо коров на стойле. Животных одолевают мухи, слепни, поэтому многие из них забрели в воду по самые животы. Под ракетами спасается от жары табунок овец.

В селе когда – то было 70 дворов, сейчас их осталось не больше тридцати. Почти на каждом подворье корова или тёлка. Г. Мосин держит 40 овец.

-Молока летом много, а сдавать его некому. Льём его в свиные корыта, - жалуются сныткинцы.

Нет в селе школы. Ну, мол, и ладно. Школьников всего –то двое. Но беда без магазина. Чтобы купить соли, спичек, надо топать за 7 вёрст в Сквороднево. Правда, рядом со Сныткино за Свапой притулилось село Нижнее Песочное Конышовского района. Там и магазин, и медпункт. Но через речку давно нет моста, приходится пользоваться лодкой, которая порой нарасхват, да и не каждый дедушка с бабушкой уже могут управляться с веслом. А в ледостав переходят Свапу пешком – до трагедии рукой подать.

-Вы хотя бы пешеходную кладку соорудили через речку,- советуем сныткинцам.

- Леску на это дело нашли бы, а кто сваи забьёт?- парирует старый народ.

Кони местных хозяев пасутся на лужку, отбиваются от гнуса, зной загнал стада гусей в речку. Тихо вокруг. Далеко Сныткино от райцентра, но село – то, как говорится, нашенское, хомутовское. Помочь ему надо!

Фомкин крест.

Если ехать от хутора Богомолова по шляху в сторону Рыльска, то окажитесь в том месте, где с большака влево убегает дорога в село Голубовку, а вправо путник может повернуть в село Петровское. Это место называется Фомкин крест.

Откуда пошло такое редкостное название? По одним рассказам сторожилов, случилось это ещё во время НЭПа, по другим – в период коллективизации. Ехал тогда с базара то ли зажиточный крестьянин, то ли он же колхозный кассир из села Петровского Фома Жилкин. Ехал со звонкой монетой в кармане. Вот и подстерегли его в глухом месте лихие людишки. И на том месте, где погиб Жилкин, здешние кузнецы установили кованный железный крест в знак доброй памяти о своём земляке. Проезжая мимо этого места, петровцы осеняли себя крестом, говорили: земля пухом тебе, Фомушка.

Места здесь безлюдные, тихие. От Фомкиного креста до сёл Сквороднево, Мухино, Голубовки, Петровского – не одна верста. До войны на полях этой глуши охотно и безбоязненно селились осторожные дрофы, над их гнёздами и выводками, как вертолёты, зависали хищные пустельги.

А уж перепёлки, куропатки кишмя кишели, потому как не знала тогда эта пернатая братия, что такое химизация полей. К тому же плодиться птице помогала и тогдашняя трёхпольная система севооборота

В 60-70-е годы прошлого века у Фомкиного креста можно было встретить целые ватаги диких свиней, стрелой проносились семейки косуль, видели, как прямо о Фомкин крест чесался лось. Зайцев же, лисиц было вообще не перечесать. Сейчас вся эта живность – редкость. Порешили её наезжие, экипированные, как десантники, городские охотнички. Говорят, что некоторые из них за один набег добывали и грузили в вездеходы до 20 голов вепрей.

Зато леса вокруг Фомкиной могилы всё растут и растут, становятся гуще, непроходимее. Здесь есть такие глубокие урочища, что спуститься в них за грибами можно чуть ли не с помощью верёвки альпиниста. Однако с пустым лукошком оттуда редко кто возвращается. Весной, в пору «охоты» на сморчки-строчки, можно увидеть, как вдоль опушки тянет к брачному месту вальдшнеп, редкостная, скажу, в наших местах птица.

К востоку от Фомкина креста поблёскивает в лозняках и лугах Свапа. Там же начинается самое большое лесное урочище района – Гнилуша. Её величество Гнилуша занимает 1200 гектаров. Этот лес можно по праву назвать «лёгкими» нашего района. В непроходимых болотах Гнилуши чувствуют себя в безопасности наши братья меньшие...

Красный курган.

Запад нашего района – равнинный, лесов здесь, за исключением Добропольского, маловато. Из водоёмов – лишь тоненький жиденький ручеёк истока речушки Амоньки. Для земледелия здесь наиболее благоприятные условия, да и почвы побогаче.

Зато восточную часть района природа щедро одарила красотой и разнообразием. Особенно привлекательны места возле и вокруг посёлка Красный Курган Меншиковского сельсовета. Рядом с ним и притаились в лесистых ущельях Пчёлка, Ширков.

Красный Курган «взлетел» на самый высокий берег. Сейчас его население представляет единственная семья Александра Семерина. Остальные переселились отсюда ближе к «цивилизации». И как только местные люди смогли расстаться с неописуемыми по красоте местами. Значит, были на то причины...

С верхотуры Красного Кургана открывается необъятная даль поймы реки Свапы, немеренные заливные луга. Раньше, когда ещё ходили паровозы, отсюда были видны дымки поездов, идущих в сторону Конышовки.

Внизу у посёлка то ли природа, то ли человек сотворил одно чудо. Прямо на лугу стоит огромный курган высотой метров в сто или больше, солиден он и в окружности. И что удивительно: на этом «шишаке» не растут деревья и кустарники. Или им для роста не хватает влаги, или потому, что курган целиком состоит из красной глины. Отсюда наверное и название – Красный Курган.

Местные жители рассказывают, что древние старики помнят те времена, когда Красный Курган был в два ряда обнесён дебёлым деревянным тыном. После войны с Германией сюда приезжали археологи и вели раскопки. Они нашли в кургане каменный топор, попадались и человеческие останки. Видимо, это место в далёкие времена было форпостом, охраняющем Русь от набегов степных кочевников. Благо Курган прикрывала протекающая рядом Свапа.

Дороги здесь по кручам выются серпантинном. Глубокие ущелья, покрытые нетронутыми лесами, полого спускаются на луговую раковину. Ну чем не «Швейцария»?!

Когда – то на местных лугах в июне закипали многолюдные сенокосы. Медвяные непролазные травы давали скоту пахучее витаминное сено. Нынче луга в рост человека заросли бурьяном, осокой. Правда в одном месте стрекочет косилка, оставляя за собой хилый рядок отавы.

А вот и Свапа – матушка несёт свои воды к старшему братцу – Сейму. Вода в реке чистая, сквозь неё видно, как со дна пучками поднимаются и слегка колышутся от струистого течения темноватые водоросли, сдаётся, что это десятки Нептунов шевелят косматыми бородами.

Впритык к Свапе с конышевской стороны прильнул сосновый бор. Ветерок доносит от него пахучий, настоенный на хвое, воздух. Берега речки в ожерелье песчаных пляжей, туда - сюда снуют чирки, кулики, гогочут домашние гуси.

Встречаем ветерана войны и труда А.А. Слепынина из соседнего посёлка Пчёлки.

-Конечно, места у нас знатные, да только тошно тут стало жить, - вздыхает Алексей Алексеевич.

И дальше поведал, что газеты в Пчёлку, другие поселения доставляют один раз в неделю, да и за хлебом старики вынуждены ехать аж в Меньшиково. Из - за малолюдья в «Швейцарию » редко заворачивают автолавки, купцы и прочий торговый люд...

Старичок – месяц начал клониться к паду. Да, видимо, устал этот вечный путешественник, решил устроить привал. На одном из высоких холмов со впалым «животом» прилёг он отдохнуть на маковину высоченного ясеня, опустив вниз острые рожки. И наступила такая густая тишина, что, кажется, её можно потрогать рукой...

ПОД СЕНЬЮ ВЯЗА – БАТЮШКИ.

/ С любовью к природе /

Лет 20 назад решили спилить старый засохший дуб в Хомутовском парке. Ну и намучились с ним рабочие! Дуб «свёл» зубья двух бензопил, вывел из строя ещё одну «Дружбу», словом, перед смертью дал последний бой. Ребятишки с помощью увеличительного стекла попытались сосчитать годовичные кольца на пне. Насчитали их более двухсот и бросили . выходит, что дуб тот появился на свет ещё во времена Пушкина, Кутузова, русского императора Павла I...Красавец дуб радовал своим видом и тех, кто его посадил, и их внуков, правнуков и праправнуков.

Метрах в стах от пня того дуба стоит не менее могучий и древний вяз. От корня он- в четыре обхвата, в высоту – шапка с головы валится. Вяз прочно ухватился за землю выпуклыми корнями, которые похожи на сведённые к низу щупальцы осьминога. Попробуй стронь такого богатыря с места! Толстенные сучья вяза, как пиками, ошетинились во все стороны – попробуй подступись ко мне! Под огромной кроной этого великана уместился бы шатёр и самого падишаха!

Вяз ещё в молодости позаботился о своём потомстве. Вокруг него стоят моложавые деревья – сыновья, которые тоже обещают вымахать до размеров вяза – отца. Есть у этого добряка и «приёмные» дети. Например, ветер принёс несколько семян ясеня. Под «крылом» вяза о они прижились, стройно пошли в поднебесье и вот-вот дотянутся до макушки «папаши». Их примеру следуют с десяток клёнов. Нашла приют у вяза и единственная «дочь» со стороны – акация.

Древний вяз и его многодетная семья надёжно прикрывают с юга от палящего летом солнца парковый прудок. С весны и до осени в кронах вязов дают концерты синицы, щеглы, зорянки, малиновки. Иногда даже кукушка подаст голос с их верхотуры.

В начале последней декады июня хлынул долгожданный дождик. Поток воды устремился вниз к прудку. Однако его перехватили корни вязов, влага под ними начала полностью впитываться почвой. При этом кажется, что корни деревьев даже причмокивают от удовольствия.

Пейте вволю, деревья, и растите на радость людям!

-Выходите чистить колодцы!- кричал рано утром на Троицу моей родной Малеевке добровольный глашатай Мишка Рыжик.

Известно, что Хомутовский район беден естественными водоёмами. Поэтому в каждом посёлке, деревне, селе жители были вынуждены рыть по несколько колодцев, причём в основном – глубоких, так, как вода залегла от поверхности почвы иногда на 10-12 и более метров. Работа эта тяжелее шахтёрской, кроме рытья земляные стены колодца надо ещё укрепить дубовыми плахами, выложить сруб на поверхности, установить журавля. Словом, мороки, хлопот хватало, ключевая вода давалась селянам, ох, как нелегко.

Зато и питьё из своего рукотворного источника было отменного качества и вкуса. От холодной воды ломило зубы, вкус – пьёшь и не напьёшься. В жнива, в сенокос ту хрустальную воду наливали в 200-литровые бочки и развозили её, родимую, по полям и лугам жницам и косарям. В обед табун колхозных лошадей пылил по улице к колодцу, возле которого стояло огромное дубовое корыто, наполненное студёной влагой.

Вернувшись с работы в полдень, многие мужики и бабы заворачивали прямо к журавлю, и запрокинув голову, из общественного ведра с придыхом цедили сквозь зубы леденец, крякая от удовольствия.

В нашей Малеевке, в окрестных населённых пунктах считалось за правило чистить колодцы каждый год. И почему – то обязательно на Троицу, которая является всенародным праздником. Вскоре после клича Мишки Рыжика малеевцы с вёдрами, лопатами в руках спешили к «своему» источнику, из которого постоянно черпали воду. По цеберу журавля, или на вожжах, после того как из колодца выбирали всю воду, мужики и парни по очереди опускались на дно, лопатами вычищали ил, грязь, в вёдрах поднимали «на гора» и относили куда –нибудь подальше в укромное место – с глаз долой, и чтобы случайный человек не затоп в вязкой массе. Примерно часов до 11-12 дня кипела напряжённая работа. И всё это время беспрерывно, со скрипом кланялись журавли у колодцев. Вот уже поднято последнее ведро с илом, вот и Тимоша –кузнец смазал дёгтем ось журавля, чтобы он легче и без скрипа кивал потом «головой».

А тем временем подростки бежали по хатам собирали «оброк». С каждой трубы за чистку колодца хозяин отдавал чистильщикам по четвертинке «огненной воды» и по пятку куриных яиц. Трудяги садились под самую размашистую ракиту, на сковородах жарили глазунью толщиной с вершок, и начиналась «завивка венков». Заканчивался тот троицын день песнями, плясками. Гуляли всем миром.

Когда в сёлах начали появляться водозаборные колонки, начали исчезать и колодцы, и милые нашему взору журавли возле них. И хотя колонки часто стоят «сухими» из-за поломки глубинных насосов, прорыва в трубах, по другим причинам, чистят старинные, надёжные колодца всё реже и реже. А зря. Ведь вода из колодцев и вкуснее трубопроводной, и держать их надо в порядке, как говорится, на всякий пожарный случай...

Взять, например, Хомутовку, где не так давно поили народ водой не менее 6-7 колодцев. И хотя население в посёлке растёт год от года, ремонтом колодцев никто не желает заниматься. Всю надежду возлагаем на коммунхоз с его вконец сгнившим водопроводом. Уцелел лишь журавль на улице Промышленной, колодец здесь огорожен крашеным штакетником, сверх сруба – крышка.

-Мы и на нынешнюю Троицу будем его обязательно чистить, говорят «хозяева» источника В. Хистев, А. Арбузов, И. Антонов и другие.

Разве это не пример для подражания? Так давайте и мы сегодня хотя бы раз в году позаботимся о своём же благе!

Чёрная соль.

Читаю в газете рекомендацию садоводам: «Чтобы избавиться от парши на грушах, яблонях, нужно растворить в воде 1 кг соли и опрыскать раствором деревья до распускания почек...»

На слове «соль» в памяти словно щёлкнул предохранитель. Невольно отложил газету и задумался, глядя на привычную солонку, которая всегда стоит на столе. Это сейчас даже при минимальной пенсии старики могут купить лишнюю пачку соли про запас и расходовать её, не думая о завтрашнем дне. А тогда, более пятидесяти лет назад, бабка Акулина, умирая, мечтала о том, как она в раю первым делом попросит на обед обязательно чуть пересоленного борщика или супца.

Оно и понятно. Например, в 1945 году пуд ржи стоил на базаре до 1500 рублей, а за стакан соли надо было выложить не менее тысячи. Где взять такие деньги разорённому войной крестьянину? Да ещё, чтобы купить тот стакашок с заветным лакомством, пришлось бы топать пешком в Рыльск, Дмитриев или во Льгов, до которых от нас с полсотни километров. Вот и приходилось многим селянам месяцами, годами выходить из – за столов, как говорится, не солоно хлебавши.

... Примерно месяца за два до Победы пришёл с фронта по ранению Павел Щербаков. После госпиталя у него на правой руке остались лишь большой и указательный пальцы. Последний он называл «выбрасывателем», а нас, подростков, «майорами». Вместе со всеми бывший сержант пахал, косил, тюкал топором. Во время отдыха мы окружали дядю Пашу и просили:

-Расскажи как воевал.

-Всякого повидал, майоры, - начинал он...

Рассказы гвардии сержанта каждый раз сопровождались нашими восторженными возгласами: «Ух ты!», «Вот это да!»

Часто наши «политбеседы» заканчивались воспоминаниями о погибших на войне отцах, братьях, о чистом, довоенном хлебе и, конечно, о...соли. Мол, бывало её сколь хош и на горбушку посыпай, и макай до упора печёную картошку...

Однажды Павел Щербаков сам собрал нас на колхозном дворе:

- В войну, майоры, мне пришлось штурмовать город Славянск. Это между Харьковом и Сталино. Так вот в Славянске около железнодорожных путей самолично видел целые горы спёкшейся от времени соли. Еду туда за солью,

желающих беру с собой. Только малость харчишек и денжат прихватите с собой. За так нас паровоз не повезёт, - закончил Щербаков.

Мне едва удалось уговорить мать отпустить в далёкое и опасное путешествие за солью, потом уломал её продать поношенные отцовы брюки. И вот пятеро «майоров» во главе с сержантом Щербаковым с мешками в руках покинули родное село Малеевку и пешедралом двинулись на станцию Арбузово.

- Там паровозы всегда заправляются водой. Сядем на товарняк и – до Харькова, - просвещал нас всезнающий вожак, сверкая медалями на застиранной гимнастёрке.

Сели мы на платформу и покатали на юг вместе с другими мешочниками, которые везли в Донебасс продавать семечки, орехи, сушку. Все мы, безотцовщина, до этого не видели железной дороги, больших городов. Поэтому в Харькове так растерялись, что едва не потеряли друг друга в вокзальной толчее. Пересели на другой поезд. Вот и Славянск.

«Горы» соли оказались грязно – серыми бугорками вдоль железнодорожного полотна. Там и сям копошились люди, подручными железяками долбили те холмики. Взялись за работу

и мы. Видимо до войны здесь ссыпали и соль, и минеральные удобрения, и уголь. Лизнули мы с Федькой ту смесь, вроде солоноватая. К этому выводу после дегустации кашицы пришли и Витька с Петькой. Колька похрумкал на зубах забытое, поморщился, но промолчал.

- За работу, майоры, а то скоро и это разволокут, - подбодрил нас Павел Осипович.

За день нарубили, наколотили, наскребли ногтями пуда по два, до рвоты накушавшись чёрной «соли».

И опять едем до Харькова в тамбуре товарняка, жуём последние, ещё домашние картофельные пироги с грушевой начинкой. Наши попутчики тоже везут в деревни из городов кто такую как наша, соль, кто топоры, лопаты, гвозди, чугуны... хорошо катим, с ветерком. Правда, к вечеру почти все «майоры» рассопатились на сквозняке, но настроение бодрое. Ещё бы, ведь в мешках у каждого драгоценная добыча! По совету дяди Паши напихали в ноздри от насморка по щепотке «соли», и носы наши стали чёрными, как у настоящих шахтёров.

- Красный Лиман, береги свой карман! - кто – то громко объявил в тамбуре.

Нам за свои карманы беспокоиться нечего. В них пусто, да и дырявые они в изношенных штанах. На одной станции долго стоим ночью. К нам в тамбур зашли два уркагана. Стали в темноте молча шарить по нашим карманам, за пазухами. Хорошо, что денжата отдали на сохранность Павлу Осиповичу. Учув за чем пожаловали непрошенные гости, бывший разведчик зловеще прошептал в тишине:

- Вить, дай финку, я их того...

Урок как ветром сдуло, хотя у всех нас не было и перочинного ножика.

Наконец добрались до Львова. Вот и Марица - самогонщиков столица. Промелькнула Коньшовка. В Арбузово состав стал «на водопой».

- Побегу к машинисту и договорюсь с ним о том, чтобы он тормознул поезд в Дмитриеве. А оттуда будем добираться до дома на попутной машине,- объяснил нам неутомимый сержант.

Паровоз рывкнул, словно застоявшийся жеребец, и резко рванул вагоны. По словам Щербакова, он сунул машинисту двести пятьдесят рублей из наших скудных финансов, зато, дескать, на полминуты притормозит в Дмитриеве. Но состав перед нашей станцией лишь наполовину сбавил скорость и снова начал набирать ход. Дядя Паша погрозил в сторону паровоза беспальным кулаком и гаркнул на весь тамбур, будто поднимая нас в атаку:

- Майоры, бросай мешки на землю и прыгай за мной вперёд по ходу поезда!

Приземление прошло сравнительно благополучно. Правда войско сержанта целый час стирало кровь с ободранных коленок, локтей, щёк, проволокой латало разорванные при падении штаны, пиджаки, насилу нашли одну потерянную «в полёте» литую галошу. Главное – пенёчные мешки в полёте не лопнули, а болячки заживут как на тютюках.

На пристанционном базаре «кассир» купил пару лепёшек из отрубей и по кусочку конопляного жмыха. последнюю сотню рублей наш предводитель вручил солдату – водителю американского «студебеккера». В селе Веть мы быстро выгрузились. Отсюда до родной Малеевки предстояло топать километров 15 с грузом на плечах.

Первые километров пять прошли сносно. Затем чёрная соль становилась всё тяжелее и тяжелее. В неполные 15 лет с ремнём на последней дырке двухпудовый груз, как говорится, не по Сеньке шапка. Начали отдыхать через каждые триста шагов, вскоре через двести, через сто... напрасно командир «майоров» пытался поднять походный дух временного войска. Он говорил, что на фронте, бывало, и пушки вручную приходилось катить, и на горбу машины вытаскивать из грязи. Всё как о стенку горохом.

Доковыляли до поля стерни, по которому паслись дрофы. Эх, было бы ружьё, завалить бы одну из птиц... то – то был бы обед! Но пришлось довольствоваться горстью зёрен ржи, запить их прямо из дорожной колеи дождевой водой. После этого дядя Паша рванул вперёд один, пообещав прислать подмогу из числа наших матерей, братьев, сестёр.

По стерне потащили мешки волоком, но быстро сообразили: тара изорвётся и соль потечёт в траву. Уже не было сил поднять мешок и положить на плечо, чугуном налились ноги. Уже когда

до дома оставалось версты 2-3, пришла мать и сменила меня в упряжке бурлаков. Подоспела смена и другим ребятам.

Затемно добрались домой. Бабушка с сестрёнкой сидели за столом перед нетронутым чугуном с картошкой. Не ели, ждали соли... подсели и мы с мамашей. Посыпали картошку солью, и превратилась она от угольных крупинки в нынешнюю булочку с маком. Однако хруст стоял на всю хату. А когда на завтра мать готовила борщ, то мою соль она вначале насыпала в холщовый мешок и опустила в кипящее варево. Таким вот макарон и избавились от угольного хруста на зубах.

Дня через 3 к нам пришёл бабушкин брат – дед Андрей и принёс сразу две пары лаптей. Вручая их матери, дед сказал:

-А почему соль чёрная?

- Теперь в войну такую выпускают. Она и солит еду не так смачно, как белая,- дипломатично ответила мать.

Шел август 1945 года. До изобилия соли впереди ещё был не один год...

А у нас на Боровой...

От Хомутовки надо ехать всё на восток, на восток, на восток... Вот уже промелькнули за окнами машины живописные места вокруг Стрекаловского и Кожановского прудов, а затем приветливо начала манить к себе в гости холодком нарядная опушка 900-гектарного урочища Городовое. Так и тянет свернуть в другие заветные места, но мы вроде бы равнодушно несёмся дальше и дальше.

Остались позади деревня Тёпловка, хутор Богомолов, и только когда впереди замелькал полуразрушенный купол сныткинской церкви, сворачиваем влево на просёлочную дорогу. И тут словно попадаем в другое царство. С высоченного косогора открывается такая картина, что дух захватывает! Далеко внизу змеёй извивается Свапа, которая лениво продирается через кудрявый лознячок. Наш правый хомутовский берег крут, его сплошняком укрыл дивный лес. Левый коньшовский берег Свапы – ровный, как сковорода, луг, луг, которому не видно конца и края. Это красивейшее место в районе нарекли ёмко и прелестно – Боровая. Свой первозданный вид она сохранила, пожалуй, по нескольким причинам: утаённость от бетонных дорог, редкость населённых пунктов вокруг, забота местных добросовестных лесников. Даже при колхозах на Боровой остерегались ставить летние лагеря для скота.

По косогору, как с Эльбруса спускаемся к реке. До этого приходилось бывать во многих прекрасных уголках природы района, области и за её пределами. Но там просто нравилось отдохнуть весной, летом, осенью или зимой. А у нас на Боровой чувствуешь себя, как в раю, в любое время года.

Взять весну – красавицу. Только на липах в Боровой можно увидеть набухшие почки размером со сливу. А где ещё можно узреть на ивах такие мохнатые, толстенькие цветы, похожие на гусят? Нет на свете и серёжек пышнее и длиннее, чем на местных орешниках, берёзах... Под ногами не просто попадают ранние робкие цветочки, а сплошной ковёр из подснежников, первоцвета, «куриной слепоты». Сморчки со строчками прохода не дают: забери нас с собой. Как откажешь в просьбе таким красавцам - молодцам?

Многие наши охотники только слышали о вальдшнепах. А у нас на Боровой по весне эти длинноносые увальни то и дело скликают своих подруг поближе к опушке играть свадьбы.. не оторвёшь взгляда от их полёта в сумерках. Возле Боровой любят гнездиться куропатки, дикие голуби. Или взять разлив Свапы в верхнее половодье. Кажется, что стоишь на берегу Байкала. Вон вверх по течению реки виднеются на бугре домики Широкова хутора, а напротив него на залитом лугу утёсом высится курган высотой метров 12-15. Отсюда он похож на плывущий

айсберг, правда, бурого цвета. За ним, словно плоты за буксиром, тянутся льдины, по которым деловито расхаживают вороны, сороки. На льдинах можно увидеть и попавших в западню зайцев, лисиц...

Вот и лето красное появилось на Боровую. Огромный её косогор, бескрайний луг вспыхивают мириадами цветов. К Свапе можно подойти по ковру из цветущих шалфея, зверобоя, колокольчиков, ромашек. Прямо под ногами разложен набор для самого ароматного чая, в который входят материнка, чебрец; чуток в сторону – рви липовый цвет.

Вокруг косогора на подступах к Свапе «распахали» овраги, которые сверху и донизу навсегда взял «в плен» непроходимый вековой лес. С высоты косогора видно, как лес по оврагам растёт морскими волнами...

Даже в нынешнее знойное лето в лесу на Боровой можно было набрать добрых грибов. Боровики, например, (не в честь ли их назвали это место?), попадались такие, что об иной можно споткнуться! О лисичках уже не упоминаю. Рыжих сестричек бери, как говорится, хоть сто порций. У развалин старой водяной мельницы можно отведать дикой ягоды – малины.

В далёком теперь октябре 1941 года именно в этих местах наша 13 –я армия с боями вышла из немецкого окружения и за Свапой соединилась со своими войсками. Леса вокруг Боровой не только надёжно укрывали красноармейцев от врага, но щедро подкармливали оголодавших окруженцев орехами, дикими грушами, яблоками, калиной, поздними грибами.

Однако, вернёмся к лету нынешнему. Подходим к Свапе. В этом месте Боровая «наградила» речку нешироким перекатом. Вода на нём тихо и довольно урчит, а затем спокойно катит на встречу с батюшкой Сеймом. Жара стоит сахарская. Через минуту все лежат в воде на перекате, выставив из ванны одни носы. Тянет побродить и по лугу, что за перекатом, пощекотать ноги в его цветах и травах. Воздух в низине такой густой и пахучий, что его хочется набрать в бутылочку из – под «Липецкой», закупорить и забрать с собой домой...

Вместе с людьми купаются в почти стоячих заливчиках Свапы редкие и тощие от зноя облака, нежатся в воде солнечные блики. А ночью на гладь воды заявляется молоденький месяц, приводит с собой целый хоровод звёзд.

Ближе к вечеру солнце досрочно прячется за косогор, и на Боровой сразу становится прохладнее. К тому времени любители наудили разномастной рыбёшки, вскоре и костерок закурился. Не знаю, где ещё, а у нас на Боровой уху варят с диким чесноком, которого в других местах днём с огнём не найдёшь. Вкуснотища!

В застойные времена недалеко от этих мест – возле деревни Викторовки – располагался крохотный аэродромчик. С него взлетали и плюхались опять на поле «кукурузники» - труженики. Лётчики с воздуха вели борьбу с вредителями посевов, с сорняками, подкармливали хлеба туками. Во время летних отпусков пилоты не ехали отдыхать «на юга», а целыми семьями отдыхали у нас, на Боровой. После их отъезда на природе не оставалось ни соринки. Своё 50-летие отмечал на Боровой председатель бывшего местного колхоза имени Кирова М.М. Кузьмин. Он строго сказал гостям:

- Не сорите в чистой горнице. И даже покурить заходите в отведённое ещё лётчиками место. Теперь, увы, Боровую заметно засорили, особенно пластиковыми бутылками. Костры сейчас разводят не в определённом кутке, а прямо на травянистой лужайке перед Свапой... Эх, напустить бы на таких «химиков» тех самых пилотов, кузьминых!

Вот и осень заявилась наведать Боровую По берегу речки ещё бегают редкие трясогузки, которых у нас кличут ласково плисички. В верхотуре стремительно пронеслась семья чирков, их полёт похож на полёт наших прославленных лётчиков «Витязей». В лозняке осторожно крякнула утка. В заливчиках отцвели речные лилии.. потемневшая ряска облепила круглые камешки на перекате, и стали они похожи на конопатые индюшиные яйца.

В первый месяц своей жизни осень ещё не захватила с собой полный набор красок. Кое - где уже, правда, она навела багрянец на клёны, позолотила – посеребрила листья берёз, осин...

Стоило в первой половине сентября пройти даже хилым дождикам, как у нас, на Боровой выкарабкались на свет Божий опять, которые начали забирать «в плен» старые пни, разбросали свои колонии под тенью орешника. В одном месте набрёл на группу больных дубков со вздутой корой. Опята облепили стволы высотой в человеческий рост. Стоило лишь ножиком вжикнуть по коре, и опять «самовывозом» начали шлёпаться в подставленную плетуху.

Промелькнула белка с орехом в зубах, прилетели сюда за добычей сойки. Наши «младшие братья» тоже активно ведут заготовку съестного на долгую зимушку. А она по приметам, наверное, будет дюже морозной – на дубах много желудей, которые уже «капают» с деревьев. Скоро будет поедуха вепрям, барсукам.

Зимой, если намело много снега, до Боровой из-за бездорожья «только самолётом можно долететь». Однако не раз приходилось месить снег на местных опушках, «читать» следы зайцев, лис, воочию восхищаться грацией косуль

Только когда деревья полностью сбросят свои зелёные наряды, можно разглядеть их мощные торсы. Клёны, ясенки, осины, берест за лето ещё «поднакачали» свои богатырские суки – мускулы и теперь, как солдаты, выстроились на утреннюю зарядку. Только одни кряжистые дубы нарушили общий «устав», явившись на физзарядку – проверку в жёлтых зимних накидках.

До новых встреч, Боровая, до скорого свидания, отрада наша!

Её величество Гнилуша.

Село это взлетело своими домиками на два высоких крутояра, как голуби на колокольню. И нарекли его красиво и нараспев — Голубовка. А в низине, насколько «достреливает» взгляд, тянется и тянется зеленое море лиственного леса. Это отсюда берет начало и разбег самое большое урочище нашего района — Гнилуша. Занимает лес довольно приличную для «полулысого» Черноземья площадь — 1200 гектаров! Эх, сюда бы Левитана с его неповторимой кистью. А

возможно, живописец и побывал здесь. Иначе где еще мог он написать свою знаменитую картину «Лесные дали»?..

Ладно, довольно мечтать и вздыхать. Лучше поспешим на свидание с ее Величеством Гнилушей. По «горному» серпантину дороги скатываемся в «ущелье», которое разделяет Голубовку на две половины. Склон хоть и крутой, но в него, как когтями, вцепилась корнями различная сорная братия. На высоких малиновых головках чертополоха дрожат крыльями-веерами красивые белые бабочки. Пруд внизу в надежном затишье застыл под солнцем, словно расплавленный металл. Вдруг резко где-то вскрикнула сойка, но пруд своей грудью отразил этот звук. Вдоль берега зачмокали сапогами в сторону настороженной опушки.

В лес вступаем тихо, трепетно, как в храм. И нас сразу со всех сторон окружает та самая таинственная сень, которая осенью обнажается с печальным шумом. Дубы, березы, клены, ясени — все на подбор, именно они и составляют лесную гвардию.

Разбитая колесами телег дорога выводит на обширную поляну. Здесь лет 30 назад стоял кордон лесника Александра Кузьмича Руденко. Тогда белели домик, вместительный сарай, возле которых хороводились разноцветные пчелиные домики. Кроме лошади, коровы, семья лесника держала и домашнюю птицу, хотя охотников вокруг, кроме лисиц, хватало и еще. Здесь, в глухом уголке Гнилуши, Кузьмич «вывел новую породу уток». Весной во двор лесника к домашним уткам навевывались в гости дикие селезни. После их визита на свет появлялись поместные утята, которые и человека не боялись, и проживали, считай, на одном подножном корму. Правда, тушка «утки погнилушевски» осенью тянула чуть за килограмм, но любители экзотики нарасхват покупали тех уток на племя. Потом Кузьмич постарел, начал все чаще побаливать и со словами: «Пусть теперь какой другой дурак покормит гнилушинских комарей», — уехал «к людям».

Сейчас на месте кордона остались лишь тихая, как мышь, Свапа, заросли одичавшего вишняка и злой крапивы. Вот и все, что уцелело от жилья так преданного Гнилуше человека.

Далеко от бывшего кордона не расшагаешься. Весной почти всю Гнилушу заливают воды вышедшей из берегов Свапы. Поэтому жмемся к берегу речки, под ногами то и дело шмыгают ужи. Болотца, ручейки, заросли хвоща, медуницы, желтое море лютиков... В руках у каждого из нас по шести и по листовяной ветке, с помощью которой отбиваемся от туч комаров-вампинов.

Где вода — там и бобры. У крожок и озерец видна работа этих зверьков: сваленные деревья, пни в виде заточенных карандашей. А вон на очередной бобровой плотинке греется зверек, оскалив зубы-долота от удовольствия. Бобер быстро-быстро умывается передними лапами. Значит, знал и радуется, что к нему в гости доберутся люди. Не случайно в Гнилуше расположен бобровый заказник, где им в глухомани безопасно и раздольно.

Не редкость здесь и отпечатки следов кабана, попадают целые поляны, вдоль и поперек взрытые дикими свиньями. Раз привидениями метнулись от Свапы в глубь леса грациозные красавицы-косули. Видать, стадо приходило на

водопой, к тому же у речки, на ветерке, животных не так донимает комарье. Говорят, что в дебрях Гнилуши еще можно встретить и самого сохатого...

Н.В. Гоголь уверял, что редко какая птица долетит до середины Днепра. Конечно, великий писатель и патриот своей Родины преувеличил. А вот пойдешь поищи человека,

который бы прошел «нашу Гнилушу с востока на запад» или с севера на юг. Поэтому, не зная тропинок, благоразумно поворачиваем назад. Пока шлепаем по мокроте к бывшему кордону, вспоминается такая вот быль.

...Во время войны житель Голубовки Федор Кузин дезертировал из рядов Красной Армии. Где укрыться от людского глаза? Разумеется, в Гнилуше. Федор разведаль потайное место на островке и вырыл надежный «схрон». Чтобы дым не поднимался столбом над землянкой, дезертир отвел дымоход в овраг под кусты, где дым расплзался по-над землей. В той берлоге Кузин и залег по-звериному.

Но даже неприступная королева хомутовских лесов - Гнилуша - не сумела укрыть тайну за семью печатями. Жители села начали жаловаться в милицию на пропажу молока, солений из подвалов, на исчезновение с дворов кур, племенных гусей. Некоторые голубовцы замечали и заросшего бородой человека, который воровато шаркался от них в лес. Кузин добровольно просидел в гнилушинском «остроге» ...22 года. Даже не знал, что дезертиры, не занимающиеся убийствами, разбоем, давно амнистированы. Взяли его аж осенью 1966 года в момент, когда Федор ночью запасался на зиму картошкой из колхозного бурта. При аресте хотел оказать милиции вооруженное сопротивление, и за это его судили. Когда он досрочно вернулся из заключения, участковый милиционер Г. Чернов пришел в дом Кузина, чтобы поставить его на учет. Между ними произошел такой разговор:

— Не таи, Федор, на меня зла за то, что принимал участие в твоём аресте. Такая наша работа.

— Наоборот, говорю тебе за это спасибо, товарищ капитан. Ведь благодаря милиции я попал из гнилушинского ада прямо в рай. В тюрьме меня регулярно кормили три раза в день, водили в баню, меняли белье, давали читать газеты. А в землянке меня давно уже, наверное, комары бы съели, — Кузин зло махнул рукой в сторону опостылевшего ему леса.

А местный лесник Сергей Можайский, жители окрестных сел, деревень любили, любят и будут вечно любить Гнилушу. За какие деяния заслужила она такой почет и уважение? За многое. Например, за свою жизнь лес дал людям тысячи кубометров строенки, дров. Ну, возможно, иной и проворчит, что, мол, низинная Гнилуша — это почти сплошная ольха, осина, берест. Зато именно из ольхи получается красивая и прочная мебель, другие мягкие породы леса тоже не так высасывают «еду» из почвы. Скажем, та же ольха на влажной подстилке вымахивает в высоту до тридцати метров, а в обхвате — до полуметра. Наблюдательный человек заметит и такую особенность ольхи: когда ее спиливают, то опилки, комель бывают белее снега. А стоит побывать им затем на солнышке, как вскоре покрываются южным «загаром» — краснеют. Правда, весной, летом, осенью Гнилуша не подпускает лесозаготовителей к

своим делянкам и на пушечный выстрел. Ставит на их пути топи-ловушки. А зимой по крепкому «черепку» — пожалуйста, пили и вывози.

Пожалуй, Гнилуша в любой весенне-летний день пустым не выпустит. Грибов сморчков-строчков навалит хоть две плетушки. Щедро поделится с человеком боровиками, груздями, не говоря уже о волнушках, подосиновиках. Бери — сколько донесешь. Надоело, неохота собирать грибы, бери в руки бидончик и залезай в малинник или кланяйся до земли пахучей ягоде-землянике.

А осенью Гнилуша вообще устраивает открытые ярмарки-выставки. Например, опят на иной делянке — хоть косой коси. С отяжелевших кустов лещины, как шарики-подшипники, шлепаются о землю самые ядреные и крупные орехи. Тут тебе и боярышник, и калина.

С запада Гнилушу охраняют и ласкают берега устья Свапы. В этом месте лес опускает ветви деревьев почти к самой воде, словно пытается еще притормозить и без того тихое, черепашее течение речки. Наверное, боится, что Свапа при впадении в Сейм от радости разобьется о широкую грудь своего старшего брата.

В устье каждую весну гнездится и ставит затем на крыло молодняк всевозможная пернатая братия: утки, кулики, чирки, чибисы, трясогузки...

За зиму Гнилуша заготавливает впрок невесть какое количество снега, а весной еще долго потом подпитывает им воды Свапы. который бы прошел «нашу Гнилушу с востока на запад»

Осенью же в знак признательности Свапа помогает Гнилуше «разрешиться» от листовяного бремени, принимая в свое лоно опадающий наряд соседки. Особенно занимательно смотреть на проплывающие по реке резные листья клена. Кажется, что целая рать малюсеньких «нептунчиков» выставила из воды свои трезубцы. Наверное, из этих «нептунчиков» и вырастает затем большой черноморский Нептун...

В этих местах есть чем и просто порадовать глаз. Особенно красивы длинные июньские зори, когда над лесом, словно расцветающий огромный тюльпан, зависает малиновый восход. Уже пора и по домам, но останавливает полюбоваться на него рогатый месяц, будто стреноженный конь, запутавшийся в кронах ближайших деревьев. Даже эхо неохотно умирает вдали.

И еще. Каждый год Хомутовский лесхоз занимает новыми лесопосадками в среднем по 20 гектаров. Выходит, для того, чтобы занять вторую Гнилушу, вторые «легкие» для района, потребуется 60 лет. Так давайте пока бережно относиться к тому, что уже имеем от предков, и к нынешним деревьям-малюткам.

III В каждом из нас живёт поэт.

/самобытные поэты/

ИРИНА ПОПОВКИНА

Поповкина Ирина Владимировна родилась 8 апреля 1956 года в городе Щигры Курской области, потом переехала с родителями в город Горловку Донецкой области в Украину. Там закончила школу и до 1997 года работала на трикотажной фабрике «Альтаир». В 33 года Ирина испытала материнское счастье, в 1989 году у неё родилась дочь Анастасия.

Ирину Поповкину знали в Горловке. Она была членом литературного объединения имени «Павла Беспощадного». Печаталась в газетах «За ртуть», «Вечерняя Горловка».

В Хомутовский район она переехала вместе с семьёй из Украины в 1997 году. Сначала поселилась в деревне Переступино, затем в райцентре. Жизнь постепенно налаживалась, но неожиданно на Ирину обрушился серьёзный недуг. Она тяжело заболела и 7 августа 2002 года умерла.

Память об этой замечательной женщине сохраняется благодаря её стихам, таланту и невероятной способности любить свой край, Родину и людей. Она в душе у Хомутовцев благодаря публикации стихов в газете «Районные новости», а также поэтическому конкурсу, который проводила редакция газеты уже после смерти Ирины Поповкиной в 2004 году. Он так и назывался «Поэтический конкурс памяти Ирины Поповкиной».

Прошли годы, а творчество самобытного автора востребовано до сих пор. Её стихи о родном крае, курской земле звучат со сцены и на школьных вечерах. Нас зачаровывает в них искренность, теплота, любовь и безграничная доброта.

Жаль, что автора нет с нами, но память об Ирине живёт и продолжается в творчестве в простых стихотворных строках, написанных с огромной любовью к жизни.

МОЙ КУРСКИЙ КРАЙ.

Живем пусть далеко мы от Москвы,
И нет у нас «театра на Таганке».
Но в Хомутовке есть свои пруды,
И отдыхать мы можем в старом парке.
Районный центр. В нем есть куда пойти,
И не беда, что мы живем в глубинке.
Ах, как поют весною соловьи!
Зимой кружатся белые снежинки...
Мне все родное – звезды и рассвет,
И люди, и чудесная природа.
Мой Курский край! Милее сердцу нет.
Как ты хорош в любое время года!
Я здесь живу. Мне о тебе писать,
Тобою буду я всю жизнь гордиться.
Клянусь тебе нигде не забывать,
Что я – России малая частица!
А в Курске не такие вечера...
Вы приезжайте в нашу Хомутовку:
Здесь столько света, музыки, тепла –
Забудете про Крым и про Майорку.
Послушайте, как шепчут тополя,
Как пляшет дождь по крышам очень смело,
И как парует по утрам земля –
Прекрасно здесь, вас убедить сумела?
Вы догадались? Я люблю, люблю,
Любовь к поселку придает мне силы.
И я судьбу свою благодарю,
За тихий уголок моей России!

О России.

Надо мною небо синее,
Солнца щедрые лучи...
О тебе, моя Россия,
Я пишу свои стихи.
Чтоб богатой и могучей,
Ты была, земля моя...
Чтоб весна была кипучей,
Приложу все силы я .

Хомутовке.

Живу с надеждою и верой:
Всё будет в жизни хорошо...
Идут дожди над Хомутовкой,
А на душе моей светло.
Мечтаю, словно как ребёнок,
Подарков ждущий в декабре...
Посёлок, милый мой посёлок,
Ты главным стал в моей судьбе!

Родина.

Меня не манят юг и север,
А среднерусское село,
Где на полях краснеет клевер,
Где детство милое прошло.

Где на Колпну состав промчится,
И вновь сомкнётся тишина.
Мне по ночам Косоржа снится,
И я порой лишаюсь сна.

Там поэтические строки
Впервые родились во мне.
Моей поэзии истоки –
В родимой курской стороне.

Учителям моим посвящается.

Другие ждут уроки вас и книжки,
Вас ждут большие добрые дела,
Но дорогие девочки, мальчишки,
Не забывайте школу никогда.
Кто научил вас и письму и счёту,
Кто Пушкина и Блока вам открыл,
Кто выполнял не просто лишь работу,
А душу в вас, фантазию вложил.
В последний раз у школьного порога
Сбежите в окружении друзей.
И в радости, и в грусти, и в дороге
Вы помните своих учителей!

* * *

Я ностальгии не подвергнусь,
Давно избрала, где мне жить.
Храню России своей верность,
И клятве той не изменить.
Мне не нужны Мадрид, Майорка,
Бик - Бен мне видеть ни к чему.
В душе моей лишь Хомутовка
И тёплый дом, где я живу.
Да будет вам небезызвестно,
Что гнева предков не боюсь.
Не разменяю я наследство –
Страну прекраснейшую – Русь.!

* * *

Если б вы меня спросили:
«Нужно что твоей душе?»
Я б ответила – Россия
И покой, и лад в семье.

Пониманье, нежность мамы
И весёлый детский смех,
Земляничные поляны,
Над посёлком белый снег.

А ещё бы мне желалось
Счастья, капельку любви,
Чтобы мной всегда писались
Очень тёплые стихи.

* * *

Под платок упрячу свою стрижку,
Сапоги в кладовке подберу.
Догоняю быстренько сестричку
- На «охоту» тихую иду.

На дворе прекрасная погода,
Разве можно дома усидеть?
Как красива курская природа.
Согласитесь, как тут не запеть.

Вы не прячьтесь под листву, лисички,-
Всё равно в ведёрко положу.
И цветы, улыбку землянички,
Не заметить, знаешь, не могу.

И пускай головушка седая,
Радуюсь, волнуюсь, как дитя.
Курщина, сторонушка родная,
Искренне, душой люблю тебя!

Стихи Пушкина.

Дочь предпочитает сказки Пушкина,
Мне же его нравятся стихи.
Сколько в них и светлого, и грустного,
Сколько нежных строчек о любви.
Если заболею, занедужится,
Вспомню я прекрасные стихи.
Александр Сергеич!
Боль притушится –
Это вы мне, право, помогли.
А ещё любимым, - без сомнения,
Вашим книгам жить во все века.
В третье шагнув тысячелетие, -
Я с собою томик Ваш взяла.

Посвящается библиотеке.

Сюда спешат девчонки и мальчишки,
Сюда спешат в метели и дожди.
На выбор здесь предложат всем им книжки.
Здесь слово доброе для каждого найдётся,
Здесь места нет унынью и тоске.
И солнца лучик заглянув в оконце,
Попросит у них повесть о весне.
Бывают здесь старушки – ветераны,
Для них другие книги подберут.
И строгие отцы и чьи – то мамы,
В читальный зал, я знаю, что придут.
Читаю все: и взрослые, и дети,
И любят все уютный книжный дом.
Мы благодарны, книги есть на свете,
Читаем их с любовью и теплом.

Посвящение Хомутовке.

Я встану рано – рано утром,
Когда ещё никто не встал,
И открываю мир как будто,

А петушок, увы, проспал.
Какое небо над посёлком,
Вдали – алеет горизонт...
Не знала я, что Хомутовка
Мне душу так перевернёт.
Такое в городе мне снилось,
Теперь всё вижу наяву.
Не объяснить, как я влюбилась
Вот в это чудо – красоту.
Блеснёт на солнышке росинка,
И чувств, как видишь, - через край.
Живи, живи моя глубинка,
О, Хомутовка! Ты - мой рай!

* * *

Пусть не будет бед и войн,
Мирно спят детишки.
Пусть вернутся все домой,
Милые мальчишки.
Здесь мой дом, семья моя,
Травы луговые...
Знаю, защитит меня
Матушка Россия!
Край мой, сердцу дорогой!
Реки и равнины...
Я горжусь своей страной,
Родиной любимой!

* * *

Ты для меня – Болдино,
Вешенская и Петербург.
Ты светом меня наполнила,
Ты больше, поверь, чем друг.
И знай, не жалею нисколько,
Ч то город оставила свой.
Спасибо тебе, Хомутовка,
Что мы теперь вместе с тобой.

Жизнь меня здесь окрыляет,-
И главная, главная весть:
Что люди меня понимают,
А это ведь счастье и есть...

* * *

Читаю «Аргументы», «Комсомолку»,
Конечно, «Труд», «Известия», «Семью».
А вот люблю, люблю свою «районку»,

И ей, поверьте мне, - не изменю.

Идут дожди, иль злятся, злятся ветры,
Нещадно палит солнце иль буран.
Но вовремя друзья – корреспонденты,
В редакцию приносят матерьял.

Им важно всё: и люди, и проценты,
Севооборот, надои молока.
А сколько прошагали километров,
Ведь не считали это никогда.

О, други, беспокойные такие,
Хочу сказать приятное для Вас,
Что ваши строчки, ёмкие, живые,
Нужны мне просто именно сейчас.

И вновь дороги, вновь командировки,
Отчётов этих ваших буду очень ждать.
Спасибо вам, создатели «районки».
Семь футов вам под килем! – так держать!

* * *

Давно хотелось повиниться,
Что не сама пишу стихи.
Мне их диктуют ветры, птицы.
Немного вьюги и дожди.

Мне помогают в этом Боги,
Под их диктовку я пишу.
Но всё равно в душе тревоги,
А вдруг, ошибку совершу.

Пусть, говорят, выпадаю в детство,
Возможно, в старческий маразм.
А для меня святое действо -
Писать стихи – стихи для вас.

* * *

О, Боже! Дай мне силы, вдохновение,
О сколько планов – громадьё...
Благодарю за пробуждение,
Благодарю тебя за всё.
Живу с надеждою и верой:
Всё будет в жизни хорошо.

Идут дожди над ДЭСЭэром,
А на душе моей светло.
Мечтаю, словно как ребёнок,
Подарков ждущий в декабре.
Посёлок, славный мой посёлок,
Ты главным стал в моей судьбе

* * *

Пахнет воздух такою свежестью,
Просто кругом идёт голова.
Наполняется сердце нежностью,
И рождаются в нём слова.

Я хочу быть в стихах открытою,
В них я душу хочу вложить.
Как мне хочется быть счастливою,
Быть любимой и любить.

* * *

Много милых женщин в Хомутовке,
От которых свет идёт, тепло.
Постарался бы художник для потомков
Написать бы ваше милое лицо...

А ещё меня в вас покорила
Внутренняя ваша теплота.
Оптимизм, надёжность, ваша сила,
Искренность, душевность, красота.

Мама – вечность!
/М.Г. Кирьяновой/

Словно в сказке , в жизни этой
Затерялась я:
Где просчёты и победы?
Где враги, друзья?
И когда совсем устала,
Чтоб себя спасти,
Милой маме я сказала
Тихо : «Защити!»
В мире нет тебя прекрасней!
Отложив дела.
От невзгод и всех напастей
Оградить смогла.
Протянула крылья – руки –

Отвела печали, муки,
Силы мне дала!
Счастье зыбко, понимаю,
Сменится тоской.
Но ты, мамочка, я знаю,
За моей спиной!
Ты добра и человечна,
Ты – надежды и мечты!
Знаешь, что такое вечность?
Вечность, мама, тоже ты!

* * *

Журналистка с внешностью девчонки
С нежною, талантливой душой.
Вы спешите на крыльцо «районки»,
Будет номер с вашей статьёй.

Я скажу, и это будет правда –
Для района – Вы находка, клад,
Где же ходит, мастер Леонардо,-
Что портрет ваш мог бы написать.

Сын вернулся!

Сын вернулся!
Вернулся.... Оттуда!
Бог молитвы её услышал.
Это - счастье, а может быть, - чудо.
Дома сын! Жив, здоров, возмужал...
Дома сын! Но кричит он ночами:
« Я прикрою! Приказ – отходи!»
Успокойся, ведь, ты не в Афгане.
Лишь хорошее ждёт впереди...
Сын уснет. У его изголовья
Мать опять просидит до утра,
Повторяя молитвы с любовью:
«Дай Бог счастья ему и добра!»

О Чечне.

Вам выпала в Чечню командировка,
Приказ не обсуждают. Выполнять!
И позади осталась Хомутовка,
Все возвращенье ваше будут ждать.

А вам зачистки, горные дороги
И перестрелка. Может не одна.
А женщинам – волненья и тревоги,
Да ранние морщины, седина.

Дарите женщинам цветы.

Вы дарите женщинам цветы,-
Матерям своим и жёнам милым.
И не ждите праздника весны –
Делайте обычный день счастливым!
Говорите тёплые слова...
Пусть на сердце тают, тают льдины.
И от слов кружится голова,
Говорите, сильные мужчины!
И не нужно звёзды нам дарить,
И в моря за жемчугом спускаться.
Нужно просто искренне любить,
Нужно просто чаще улыбаться.
Не стесняйтесь чувств и доброты,
Нежность вас не сделает слабее.
Вы дарите женщинам цветы,
И они вдруг станут к вам добрее...

* * *

Я посвящу немало строчек маю,
Рукам людским, колхозному труду,
Дорогам, звёздам, снегу, урожаю,
Всем тем, кого я знаю и люблю.

Я напишу немало тёплых строчек,
О первых листьях, радуге, весне.
Про матерей любимых и про дочек,
Но лишь не будет строчек о тебе...

Маковцову А.М.

Мы жили по соседству и не знали,
Что ты прошёл войну и лагеря.
Других мы ветеранов поздравляли,
Михалыч, забывая про тебя.

А ты был просто скромным человеком,
Не баловал рассказом о войне...

Теперь сидим перед твоим портретом,
Сочувствуем и детям, и жене.

Мы слишком долго правды всей не знали,
Нам День победы без тебя встречать.
Тебя осколки, видимо догнали.
«Прости, солдат»! – мы можем лишь сказать.

Как жаль, что не пришлось нам объясниться,
И в сердце боль – потеря велика.
Пусть будет пухом русская земляца,
Для Человека и Фронтовика.

Ветерану.

Над посёлком стелется туман,
Разгорелись в печурке поленья.
Что ты вспомнил сейчас, ветеран?
Своё первое в жизни сражение?

Отдых после боя в блиндаже,
Страшный крик под танком друга Сашки?
Да, солдат, досталось и тебе.
Ты пришёл домой на деревяшке.

Похоронки вспомнил серый цвет,
Первенцев пытливые глазёнки,
А возможно, - мирный свой рассвет,
Тот, что встретил на госпитальной койке?...

«Ты прости назойливость мою,-
Мы не зря с тобою говорили.
Я за всё тебя благодарю,
Главное, - за жизнь моей России!

* * *

«Не вернулась из боя», -
Сообщили родне.
Лётчик – девушка Тоня,
Сколько было тебе?
Над землёю Орловской
Неба синь – синева.
О девчонке – герое
Будет память жива.
Ждут, надеясь, другие,

Вдруг отыщут следы...
Те останки святы
Не пришедших с войны.

* * *

О подвигах ваших узнали мы в школе,
Узнали по фильмам, по книгам, стихам.
Мы помним о вас, дорогие герои,
И жизнью обязаны именно вам.

За солнце, весну и рассветы «спасибо»,
За радугу, росы и даже грозу.
«Никто не забыт и ничто не забыто», –
Я Вам с благодарностью это скажу.

Спасибо, солдаты, спасибо вам, деды,
За то, что земле подарили вы мир.
Всех с праздником Вас, Днём Великой победы!
И долгих Вам лет, и здоровья, и сил.

Грусть.

Там, в Надтеречном районе,
Парень грустил о доме.
Загрустил о крае отчем,
Что так часто снится ночью.
И по зимам, и по вёснам,
По лесным душистым соснам,
По рябинам и берёзам.
По товарищам и росам...
Друг пришёл: «Пляши, давай!
Свои письма получай!»
Зря грустил товарищ мой,
Его любят, ждут домой!

Письмо к сыну.

Сколько дней и тёмных зимних ночек,
Буду волноваться за тебя.
Дорогой, единственный сыночек,
Мама шлёт привет тебе, любя!

Как друзья твои и командиры?
Поскорее мне пришли ответ.
Дай вам Бог здоровья всем и силы.

На ученьях – только лишь побед.

Будь вынослив. Ты теперь мужчина.
Отслужив, вернёшься ты назад.
Будь, родной, России верным сыном,
Дорогой, единственный солдат!

Разлука.

Хочется познать мне и такое,
И самой почувствовать в душе,
Что же за явление – ночное,
О котором сказывал ты мне.

Вот я и прошу совсем немножко,
Ты мне эту тайну приоткрой...
Угости печёною картошкой,
Под гитару песню мне пропой.

Запахи и звуки опьяняют,
И дыханье серых лошадей...
Это лишь в России так бывает,
На любимой Курщине моей!

* * *

Спасибо тебе, Курская губерния!
Словами это трудно передать.
Я благодарна людям за доверие,
Его я постараюсь оправдать.

Как молоток отбойный не пишу я,
И не даю поэм поток сплошной.
Мои стихи о том, что так люблю я, -
О добрых людях, что всегда со мной.

Как благодарна я, земля родная,
За радость жизни и за свет в окне,
За музу, что меня не покидает,
За то, что дарит вдохновение мне!

Разговор с сыном.

В этой службе будни есть и праздники,
Есть и кровь, засады и стрельба...
Не ищи, пожалуй, в ней романтики,

Ведь она – опасна и трудна
Милицейский хлеб бывает горьким,
Со скупой слезою пополам.
Этот труд под силу только стойким,
Сильным и решительным парням.
Здесь нельзя быть лёгким и беспечным.
А друзья, поверь, не подведут.
Нужно быть лишь искренним и честным.
Просто так ведь звёзды не дают.
В милицейской службе ценят дружбу,
Слабакам не место в том строю.
Ну, а коль ты выбрал эту службу,
Я тебя, сынок, благословлю!

* * *

У крыльца застыла «Скорая»,
Дождь танцует за окном.
У врача улыбка добрая
Убеждает – поживём.
Пусть сегодня непогодится,
Завтра солнышко взойдёт.
И желание исполнится,
Если верить, – всё придёт.

Праздничное.

На стене пробили ходики,
Вот и утро, всем пора вставать.
И выходят на работу дворники,
Улицы, подъезды убирать.

«С добрым ранним утром, хомутовцы!»-
Я с улыбкой, нежностью скажу.
Женщинам с красивыми глазами
Я стихи сегодня посвящу.

Тяжело вам осенью, в метели,
Как солдаты, на посту всегда!
И пусть лица ваши огрубели,
А вот души, верю, - никогда!

Милые и нежные подруги,
Вам в подарок - по букету роз.
Объясню, что всё это значит:
«С праздником, с весною, коммунхоз!»

Жду встречи.

Зимой, весною, осенью и летом,
Какою бы погода ни была,
Я снова жду районную газету.
Читаю, отложив свои дела.
Весной и летом, осенью, зимой,
Жду, как с подругой лучшей, с нею встречи.
Я знаю точно, коль она со мной,
То интересным будет вечер.
В ней новости на разный вкус,
И благодарна почтальону
За то, что снова окунусь
Я с головою в жизнь района.

О врачах.

Милый доктор, как здоровье ваше?
Как дежурство ночью провели?
Вас волнует состояние наше.
Всё нормально, вас не подвели.

Есть у вас проблемы и задачи,
Жизнь подчас, ключом совсем не бьёт...
Но с улыбкой светлой, не иначе,
Вы ведёте утренний обход.

В праздники вы рядышком и в будни,
К вам с надеждой в кабинет идём.
Милый доктор, вы счастливым будьте!
Мы вас любим, верим вам и ждём.

Быть врачом – иметь к тому призванье,
Сердце беспокойное, талант
И любовь, конечно, пониманье,
Благородство, выдержку и такт.

.
Знаю, труд нелёгкий - врачеванье,
Но для вас он, видимо, - судьба!
Счастья вам и наше пожеланье,
Пусть успех сопутствует всегда!

Дом у вас пусть будет полной чашей,
И любви в нём огонёк горит...

Преклоняюсь пред работой вашей,
Пусть Господь вас бережно хранит!

Тем, кто в пути.

Всегда в тревоге ваши жёны,
Не спят порою по ночам...
Шофёры, милые шофёры,
Я адресую строки вам!

Стихи пишу я и для мужа,-
С любовью, нежностью, теплом.
Для всех мужчин, что в дождь и стужу
Сидят в кабине за рулём.
Романтики, конечно мало,
А на ремонте – грязь, мазут...
Солёный пот смахнул устало.
Но это выбор ваш и труд.
От всей души вас поздравляю:
Храни вас всех Господь в пути.
Здоровья, счастья вам желаю,
А также мира и любви.

Чудакова Валентина Васильевна

Родилась ранней весной, 7 марта 1966 года, в селе Искра Хомутовского района Курской области. Родное приграничное село находилось в некогда живописной местности у реки Клевень, которая и являлась той границей, которая разделяла Украину с Россией. В 1973 году семья переехала в Хомутовку и поступила в первый класс Хомутовской средней общеобразовательной школы. Спустя десять лет, в 1983 году, закончила школу и поступила в Обоянский библиотечный техникум. В 1984 году вышла замуж и поступила на работу в центральную районную библиотеку, где проработала пять лет. Заочно закончила техникум в 1986 году. Имею двух детей - дочь 1985 г. р., сын - 1992 г.р.

С 1989 года работаю в Хомутовской средней школе. В течение девяти лет замещала должность пионервожатой, а с 1997 года - заведующей школьной библиотекой. Работая в библиотеке, занимаюсь поисковой и исследовательской работой по теме «Литературное краеведение».

Пишу стихи по зову сердца и потребности. Увлечение поэзией считаю своим хобби, которое позволяет раскрыть творческий потенциал, выразить чувства, поделиться интересующей темой, красотой слова. Когда все совпадает и получается, испытываю радость творчества.

Вступительное слово автора.

Сегодняшняя встреча с читателем – маленький шаг к пониманию прекрасного: приближение к великому, доброму, вечному, чьё гордое имя искусство. Шаг навстречу понимания литературного слова и поэтической мысли.

В современном мире поэзия - это еще и досуг.

Я, наверное, не ошибусь, сказав, что многие люди посвящают свое свободное время написанию стихов. И какие прекрасные строки рождаются от подобного времяпрепровождения!

Поэзия - великий труд, не легкий, но и не напрасный. У нас нет возможности создавать местные литературные объединения, печататься в

издательствах, но мы с огромной любовью и радостью работаем над темой «Литературное краеведение» и создаём самоиздатовские сборники.

Этот небольшой сборник я с радостью дарю своим новым читателям. Спасибо всем за поддержку, понимание одобрение и оценку моего скромного творчества.

Всё, что когда – то написано мной – прочувствовано и пережито. И пусть это в прошлом, но это было... И в этом прошлом я была счастлива по – настоящему. Именно от этих настоящих чувств рождались поэтические строки, которые хотелось продолжать и продолжать... Хотелось писать и писать... И рождалась поэзия. Она всегда будет и останется такой, какой изначально звучала на струнах моей души.

Кто – то из великих сказал « Никогда не жалейте о прошлом, если вы там были по – настоящему счастливы»

Желаю всем как можно чаще испытывать это прекрасное ощущение счастья, гармонии. Не важно, будет ли это удовлетворение от любви, творчества, или работы. Важно, чтобы это было ваше и важно, чтобы оно ещё долго не покидало вас.

Счастья всем, доброты, любви и понимания. Пусть вдохновение и творчество не покидают нас, и может быть, оно принесёт радость и свет многим!

«Ты мой край родной».

Ты, мой край родной, широка земля!
Лесостепь кругом, рощи да поля,
Соловьиный свист, птичьих песен звон...
Рада слушать я у зелёных крон.

К берегам речным позовёт тропа,
Тут могучий Сейм и река Свапа.
Тростники, камыш, берега озёр,
Тускарь- реченька, торопливый Псёл.

А в земле твоей – недра рудные,
И живут в краю люди мудрые.
Область Курская – плодородная
И талантами наделённая.

Афанасий Фет и Свиридов жил,
РыльскийШелехов морской путь открыл.
Каждый мудрый муж Родине служил
И родной землёй с детства дорожил.

Купола церквей, колокольный звон
Льётся музыкой с четырёх сторон.
Подниму глаза – небо синее,

Птиц летит косяк над Россией.

Соловьиный край, заповедный мой,
Родилась я здесь и навек с тобой.
Ты, мой край родной, область Курская,
Я горжусь тобой, земля русская!

« Спешу в свою библиотеку...»

Спешу в свою библиотеку...
Я за порог - работа ждёт.
Учебники и картотека,
И то, что в планы не идёт.
Иду в потоке серых буден,
И в праздники иду сюда.
И чувствую так нужной людям
Частицей общего труда.
Спешу туда, где «храм науки»
Стоит на страже много лет.
Где скажут просто: «С добрым утром!»
А я им :«Здравствуйте», «Привет!»...
Причастной к школьной жизни стала
Я долгих двадцать восемь лет.
Здесь своё сердце оставляла,
Не ждала щедрости в ответ.
Иду туда, где царство детства,
Где в жизни есть на всё ответ,
Где классы младших по соседству -
В библиотечный кабинет.
Спешу к себе, в родные стены,
Где книги, полки, стеллажи,
Где в планах школы – перемены,
Где надо просто этим жить!

Я читатель очень важный!
Уверяю вас, друзья,
В школе нашей, знает каждый:
Без друзей прожить нельзя!
Ну а если дружишь с книгой,
Ждёт тебя двойной успех.
Я читаю быстро, с толком,
В нашем классе лучше всех!
И для вас секрет открою...
Есть «Аптека для души»,

И спешат туда толпою
Взрослые и малыши.
Мы сегодня не скучали,
Суeta и там и тут:
Пaспорт нам для книг вручали -
Формуляр его зовут.
Я сегодня очень важный
Открываю вам секрет,
Что читать совсем не сложно,
Даже если вам семь лет.
Книгу с детства полюбите,
И она не подведёт,
Книгой очень дорожите-
Знаний книга вам даёт.
Я уже читатель года,
Спорить с этим тут нельзя!
Ты спроси кого угодно:
-Книги, лучшие друзья?
И вот ответили друзья:
-Без книги нам прожить нельзя!

* * *

Школа – корабль путеводный.
Школа - большая семья.
Школьная встреча сегодня –
В юность дорога моя!
Сколько детей ты взрастила,
Знаний освоив гранит?
Всех, ты как мать полюбила,
За каждого сердце болит...
Сколько же выпусков разных
Ты в юбилей собрала?
Вспомним директора, классных,
Тех, кого жизнь забрала...
Фото на память у школы,
Здесь, у открытых дверей,
Старых и добрых знакомых,
Верных, хороших друзей!
Нас, будто в юность былую,
Школа с любовью зовёт.
И ежегодно большую
Радость от встречи даёт.
В школе - движение и сила,
Юности пылкой зенит.
Сколько дорог ты открыла?
Сколько ещё предстоит ?...

Школа наш дом.
(К 75-летию Хомутовской СОШ)

Школа родная! Важней тебя нет!
Мы учимся здесь все одиннадцать лет,
Находим друзей, изучаем науки,
И праздники в школе проводим без скуки.
Готовимся к жизни от А и до Я,
Живём как одна и большая семья.
Здесь в стенах её много прожито дней,
Наш дом отмечает большой юбилей:
Без четверти века, так можно сказать,
По виду семнадцать, а больше не дать.
Ей семьдесят пять, уж пора быть седой,
Но школе дано быть всегда молодой.
Тут трудятся вместе на благо семьи
Под общею крышей с восьми до восьми:
Директор и завуч, вожатый, вахтёр,
Учитель, буфетчица, сторож, шофёр,
Уборщица, повар, главбух, ученик,
Дух школьный тут каждому в сердце проник...
Здесь дети твои, и под добрым крылом
Мы просто семья, ну а школа – наш дом!
Мы встретились в школе за круглым столом,
Пусть песни звучат, а уроки – потом...
В кругу дорогих и почтенных друзей
В любви признаёмся сегодня мы ей!

* * *

/80- летию Хомутовской СОШ посвящается/

Календарь послушно лист перевернул,
Школьный дом радушно - двери распахнул.
Осень за порогом проложила след,
Хомутовской средней - восемьдесят лет!
Праздничный встречаем школьный юбилей,
В школу приглашаем дорогих гостей.
Наша дорогая, сердцем мы с тобой!
С юбилеем, школа! Будь же молодой!
Сколько в ней ступенек, сколько этажей,
Сколько тут изучено книг и падежей?
Сколько кабинетов, окон и дверей,
Сколько тут сложилось судеб у людей?
Это наша школа, юности порог,
Что для всех открыла множество дорог.

Это наша школа - знания и труд,
Это дом, где всех нас, как и прежде, ждут.

* * *

Что значит Пушкин для России?
Он – наше всё: звезда, мессия,
Поэт, пророк, талант и гений-
Любимец многих поколений.

Клад мудрости и книг наследство,
Пять сказок, что знакомы с детства,
Роман в стихах, рассказы, лиру
Оставил в дар потомкам, миру.

Дух божества и озарения,
Волшебной лиры вдохновение...
Его перо, талант недюжий
Уж третий век России служит.

Прошли года, ты жив, наш классик
Язык и голос твой прекрасен!
Звучит большой, могучей силой
Во славу матушки России!

Я люблю.

Я люблю солнце, люблю ветер,
Звёзды люблю и тихий вечер...
Птиц небесных люблю пернатых,
Люблю небо, зарю, закаты,
Радугу в небе, птичьи трели,
Ну а зимой люблю метели.
Осень люблю, золотые дали
И чтобы листья у ног шуршали.
Люблю весну, цветы, поляны,
Когда душа от воли пьяна.
Луну за дымкой поднебесья,
Люблю звучанье добрых песен.
Души тепло, земные краски,
От рук тепло, добро и ласку.
Люблю в погоду и ненастье
Мечтать о женской доле - счастье...
-Люблю, - мне эхо вторит где – то,-
Я просто жить на свете этом!

С Рождеством!

Год в начале - мы шлём поздравленья!
Старше праздник двух тысячи лет.
Отмечаем Христово рожденье -
В сердце трепет и радостный свет!

Белый снег утром ранним кружится,
Заплетают мороз кружева.
Верю в чудо, оно ведь свершится
В ночь святую - канун Рождества!

Запах ели, горящие свечи,
Вифлеемская чудо - звезда,
И дары, и приятные встречи...
В мир приходит любовь, чистота.

Этот праздник любили в России.
В Божьем храме стекался народ.
И рождественским светом красивым
Звездопад озарял небосвод.

Сам Спаситель - посланник небесный
В мир пришёл и за нас пострадал.
И своим появлением чудесным
Веру в Бога у нас утверждал.

Так Земля принимала спасенье...
Мы с Христом! Наша вера живёт!
И от этого чуда рожденья
Эра наша ведёт свой отчёт.

С Рождеством! Вам мои поздравленья!
Радость в сердце так трудно сдержать.
Пусть любовь на Земле и терпенье
Будут править и зло побеждать!

«С Рождеством святым, светлым Христовым!» -
Люди с миром в душе говорят.
С нами радость от доброго слова,
А на небе – огней звездопад!

Межсезонье.

Тени света игрой обманчивой
Солнце спрятали далеко.
Межсезонье, да небо мрачное,
Погружённое в сон село...

В серой осени тучи с проседью,
Редкой каплею скрасят день.
Хмурым вечером поздней осенью,
Межсезонья кружила тень.

По пустынной бродила улице,
Всё искала себе приют.
Там не скроешься: небо хмурится,
Птицы осенью не поют.

Птичьи стаи в края далёкие
Улетели в нескучный сад.
Будто странники одинокие,
В тихой дреме деревья спят.

Оголилась их крона мощная,
Мокрый лист полетел в траву,
Подарила чуть раньше осени,
Золотую свою листву.

Серость дымкой по небу стелется:
Не теряет туман свой шанс.
Тихо ветер с листвою шепчется,
Межсезонью поёт романс.

* * *

Мне подарили счастье
Видеть большое в малом.
- «Сила в стихийной власти»,-
С неба любовь шептала.

Я погружусь в природу,
Чувства опять нахлынут...
Дождик и непогоду,
Как вдохновение примут.

Видишь, берёза пахнет,
Тихим дождём умыта.

Грома раскаты ахнут,
Дверь в небеса открыта.

Капает дождь - проказник,
В землю, добавив красок.
Завтра наступит праздник,
Добрых, волшебных сказок.

Слушать я буду, слушать
Байки про то и это.
Смех тишину разрушит,
Эхом, ступая в лето.

Наш разговор сердечный
Спрячем в лучах заката,
В небе дороги млечной,
В звёздах по два карата.

* * *

Облетела листва с берёз,
Заметая следы из грёз,
Позолоты оставив след
На дорогах тревог и бед.
В лужах осени свой узор
Отпечатает неба взор:
На прозрачной воде вся даль,
А на дне - лишь моя печаль.
Осень дождиком моросит
И на танец не пригласит,
Не согреет своим огнем,
Не порадует светлым днём.
В дымке серой из облаков
Так дано с глубины веков,
Осень кинет с надеждой взгляд
На слетающий с плеч наряд,
Позолоты оставит след
На дорогах тревог и бед.
Осень листья бросает прочь,
Я одна, только рядом ночь
В притягательном свете лун,
В бесконечном потоке дум,
Да с тревогами стылых дней,
От которых мне всё больней...

П.И. Карпову.

Поэты разных поколений,
Признав, что он по духу брат,
Готовы преклонить колени
И славить истинный талант!...
Который год, в зеницу лета,
Дух чтений карповских познав,
Мы память чтим того поэта,
Кто жил здесь, время обогнав...
Старообрядческий крестьянин,
На душу щедрую не скуп,
Не раз он жизнью был изранен,
Творец, искатель, правдолюб.
Своим не изменивший взглядам,
Писал, но чаще, правда, в стол:
Мечтал о новом Светлограде,
Путём тернистым к звёздам шёл...
Своей душой, звенящим плачем,
Он прославлял родимый край...
Как видно, он не мог иначе,
А песни слов – летели в Рай!...
Наш драгоценный самородок,
С душою светлой, как маяк,
Певец, писатель из народа
Вы - наша гордость, наш земляк!

* * *

Желаю счастья в Новый год
И пусть Вам просто повезёт:
Во всех делах и начинаньях,
Во встречах новых и свиданьях!
Погоды классной в Новый год
И в ярких звёздах небосвод,
Пушистых ёлок за окном,
Деревьев в искрах с серебром.
Добра земного, неба чистого,
А солнца – тёплого, лучистого.
Здоровье крепкое хранить,
Чтоб не прервалась жизни нить.
Желаю также Вам любить,
И долго с этим чувством жить...
Общенья, радости, участия,
А попросту - земного счастья!
И пусть грядущий Новый год
Вам только радость принесёт!!!

Нет уголка прекрасней края,
 Где мы живём, в потоке дней.
 Не я одна об этом знаю,
 Что нет нам Родины милей.
 Здесь всё, от края и до края,
 Переплелось в моей судьбе.
 Здесь уголок святого рая,
 Зовущий, манящий к себе.

-Свидание с Гнилушей-

У деда спросил любопытный подросток:
 -Могу я задать тебе пару вопросов?
 Ты мне расскажи, да подробно, о том,
 Как долгие годы ты был лесником.
 Мне так любопытно услышать рассказ
 Про лес и животных, живущих у нас.
 -Конечно, - ответил с желанием дед,
 Я знаю на многое в жизни ответ...
 Лес - наше богатство,- так начал старик...
 Тут спорить не станешь, ведь он же лесник...
 -Лесничество, братец, обширная зона.
 Оно охраняется буквой закона.
 Гнилушей зовётся урочище наше,
 И в лето, и в зиму нет местности краше.
 За тысячу, больше гектаров – вот диво!
 Зелёное море лесного массива.
 Не тут ли картину «Зелёные дали»
 Художники русские в красках писали?
 Уж очень похожий сюжет вырастает,
 Кто может сравнить, непременно узнает...
 Тут экосистемы природная зона,
 Деревья с могучей зелёною кроной.
 Тут ясень, ольха, березняк и осины
 Дубы вековые тут, клёны, лещина.
 Орехи, грибы, что коси хоть косой.
 Из леса ты вряд ли вернёшься пустой.
 Тут грузди, волнушки, сморчки и строчки,
 Мясистые белые боровички.
 По тропам лесным я не раз тут шагал.
 На вырубке новый лесочек сажал.
 Дубы молодые построились в ряд,
 Деревья могучие гордо стоят.
 Лес нашей Земле отдаёт кислород,

За это ему благодарен народ!
В чащобах, болотах, в уголье лесном
Здесь много животных находят свой дом.
Секач тут не редкость, а лоси, косули,
Смотри, вон к воде дружно все повернули.
Тут зайцы и лисы, и страшные волки,
И птицы щебечут в лесу без умолку.
Здесь жителей много, - продолжил старик,
Который в округе был главный лесник.
-Тут бег торопливый Свапа развивает,
А в заводях бобр от трудов отдыхает.
Разлёгся зверёк на пенёчке у плотины.
Собратья ныряют, лишь видны их спины.
Прозрачной водой протекает река.
В местах, где промоины, так глубока,
Что дна не видать, только тени у донца.
В игривых волнах отражается солнце...
А в устье, где Сейм повстречает Свапу,
Пернатой мы братии встретим гурьбу.
Весною на заводи тихой реки
Здесь селятся утки, кулики, чирки.
Свободно летают, тут корма полно:
Им ставить потомство своё на крыло.
А лес и вода, словно брат и сестра,
В содружестве дивном с утра до утра...
Да, пользы от леса не перечесть,
И я в ожидании будущих встреч...
С тобой поделюсь я мечтой лесника:
Хочу, чтобы лес пережил все века!
Чтоб курский соловушка пел по утрам,
И чтоб человек в лес входил, словно в храм!
Внук деда рассказы о лесе послушал,
И с ним поспешил на свиданье с Гнилушей...

*** Жизнь ***

Вновь разграничила -
Чёрное с белым.
Между страничками
Счастья не смелого.
Чувств осознание,
Радость открытия,
Боли познание
В скорбных событиях...
Круг бесконечности,
Жизнь в продолжении,

Мысль безграничная,
В вечном движении.

Межсезонье
Тени света игрой обманчивой
Солнце спрятали далеко.
Межсезонье, да небо мрачное,
Погружённое ив сон село.

В серой осени тучи с проседью,
Редкой каплею скрасят день.
Хмурым вечером, поздней осенью,
Межсезонья кружила тень.

По пустынной бродила улице,
Всё искала себе приют.
Там не скроешься: небо хмурится,
Птицы осенью не поют.

Птичьи стаи в края далёкие
Улетели в нескучный сад.
Будто странники одинокие,
В тихой дреме деревья спят.

Оголилась их крона мощная
Мокрый лист полетел в траву,
Подарила чуть раньше - осени,
Золотую свою листву.

Серость дымкой по небу стелется:
Не теряет туман свой шанс.
Тихо ветер с листвою шепчется,
Межсезонью поёт романс.

*** Прости, Господь ***

Прости, Господь, кого любили.
Прости и тех, кого забыли.
За тех молюсь, кто дорог нам,
Кому мы свечи ставим в храм.

Прости, кого не помянули,
И в Божий храм не заглянули.
Чьё имя в праздной суете,
Не станет эхом в пустоте.

Ведь мы за них не помолились,
А лишь в делах своих забылись.
Прости наш грех, и боль утрат.
За скорбь прости и за разврат.

За мысли грешные, земные
И за грехи совсем иные...
За то, что мы идём к тебе —
С избытком горести в судьбе.

Дай нам господь успокоенья,
А скорбь уйми и дай терпенья:
Свой крест земной по силам несть.
Прости что было, будет, есть.

Без тебя

Мне и день без тебя, ни день.
Без тебя мир знакомый пуст.
В краски брызнули свет и тень
Ожидания бурных чувств.

Мне и ночь без тебя — без сна.
Длинным кажется суток круг.
И луна, как и я — одна
В одиночестве скрытых мук.

Без тебя, вновь на сердце грусть,
Свет не ярок далёких звёзд.
Затуманенный млечный путь,
Лишь намёк на бескрайность грёз...

* * *

Мужчинам Львам, отважным, смелым,
Лишь в гороскоп я погляжу,
Подумав, (впрочем, между делом),
Я вот что, милые, скажу...

Льва разгадать в себе не трудно,
По предсказаниям в бурный век.
За маской, так не безыскусно, -
Скрывался слабый человек.

За властной, царственной натурой,
Мог прятать тайны в уголок,

Был Лев наш не простой фигурой,
То был он близок, то далёк...

Он лишь тогда готов раскрыться,
И силой возрасти сто крат,
Когда с ним рядом будет Львица,-
Ума и такта скрытый клад.

А впрочем, нет иной причины,
Но так уж Лев наш захотел:
Узнать, каков он есть мужчина,
В расположение звёздных тел.

Пусть Лев – животное, не птица,
Он символ Солнца, летний знак.
Всё ж знать, быть может, пригодится,
Что Лев – не прост, как Зодиак.

Настроение

Хорошо нам, празднично
Весело, загадочно...
Так задорно, сказочно.
Ярко, шумно, красочно.
Бесшабашно, радостно,
Беспредельно, сладостно...
Хорошо в общении
До умопомрачения.
Не без основания
В тоне понимания –
Максимум внимания.
Нам дано, доверено,
Вдох на выдох меряно,
Чувство на слияние
Взаимопонимания.
Наше настроение
Без предупреждения –
Капелька везения.
Смеха пробуждения,
Жизни продолжение,
И приобретение
Счастья на мгновение.
Время не потеряно,
Чувствуем уверенно:
Радостью отмечено
Этим славным вечером!

* * *

Хочется неба чистого,
Радужного, голубого...
Вот бы денёчка светлого,
Вымолить мне у Бога.
Краскам добавит цвета,
Осени – поцелуев...
Солнца прошу и света,
Вот ведь чего хочу я!

*** Катаклизмы природы>***

Вторые сутки метель бушует,
Дороги пушистым снежком замело.
Зима не сдаётся, злится, лютует,
Опять подтверждая своё мастерство.

А небо, небо не без капризов:
То тучи серые, то синева.
У нашей природы полно сюрпризов:
Календарный март, но ещё зима...

Синоптики правы, на редкость точно
Свои прогнозы с экрана трубят.
А СМИ сообщили: «Сегодня... Срочно...
Уже скворцы к нам с юга летят».

Апрель пришёл, весна наступает,
Ручьи бегут торопливо за мной.
Вчерашний снег неизбежно тает
И воздух пропах голубой весной!

* * *

По белому снегу, дорогою лунной,
В мыслях, перемещаясь за километр,
Стремлюсь я на небо с мечтою безумной,
Надеясь дожидаться попутного ветра...
А поздняя осень уносит последний
Листок запоздалый, кружа в вышине.
Летит в вихре снежном, осенний посредник,
Прильнувший в объятия к ночной тишине.
По первому снегу земли запорошенной,
Тот лист одинокий в потоке несло,

И он долетел ко мне гостем непрошенным,
Добрался до дома и бился в стекло:
- Я рядом с тобой и совсем не случайно,
Смотри же, я здесь, тут моё естество,
Взгляни же в окно, увидишь нечаянно
Здесь белые ночи – зимы торжество!

Непогода.

Дождик, морось за окном
Мысли в сердце об одном:
Нет тепла, весенний холод
Непогода? - Непогода...
Снег с дождём идёт с утра,
Планы нам менять пора.
В небо смотрим и читаем...
Отдыхаем?
-Отдыхаем.
Вот бы взять безделье скуку,
Пересилив эту муку,
Пережить дождю назло
Повезло бы?
- Повезло...
Мне бы к солнцу устремиться
Превратиться в белу птицу
Крылья ввысь, забот не зная
Полетаем?
- Полетаем.
С лунным светом вместе слиться,
К звёздам в небо устремиться,
Прикоснуться лишь слегка
Облаками к облакам.
В небе синем развернуться.
В лес, поляной обернуться
Шёлком трав шагнуть к тебе
За судьбой и по судьбе.
Ах, душа моя, шальная,
Ты летаешь, знать живая.
Постучать, раскрыть окно
Суждено, не суждено...
Будет счастье или нет?
Ты раскрой мне свой секрет.
Жизнь капризна, как природа
Непогода, непогода.

На озере рыбу «глушили» -
Стала белою водная гладь.
Люди злые природу сгубили
Безжалостно, надо сказать...
Ваши души черствы и ленивы, -
Не сделали шаг вы назад.
Для лёгкой и быстрой наживы
Бездушно пустили разряд.
От злобы людской всю запруду
Смертельно накрыло волной.
Убить беззащитного людям
Хватило секунды одной.

Хрупок мир этой водной стихии.
Человек ей не должен мешать,
И оставить деяния плохие,
И природу не сметь разрушать!

Нам законом дано созидание
На суше, в лесу и в воде:
Сберечь для природы дыхание
В живой, многоликой среде!

Душа

Пишу
Тогда, когда болит:
Перо слезой на белом пишет,
А сердце с болью говорит,
Пишу, когда душа чуть дышит...
Душа...
Жива ты или нет?
В какие дали заплутала?
И сколько жить на свете лет
Судьба по звёздам завещала ?
Молчишь...
Не слышу твой ответ,
Секрет свой тщательно скрываешь.
Душа!
Жива ты или нет?
«Пуста, - в ответ,
- зачем пытаешь?»

* * *

Будто в открытую дверцу
Слово, которым ранят,
Колючкой подкралось к сердцу,
Надеясь, что путь не занят...
Скользнул холодок наружу –
К чему эта шутка простая?
Обида шмыгнула в душу,
Холодный там лёд не растает...
Бросив колючую фразу,
Оставишь на сердце шрамы,
А боль затихает не сразу,
Рубцуя свежие раны.
Словом ведь можно обидеть.
Согласно раскладу такому,
Старайся всегда предвидеть,
Не будет ли больно другому?

* **

Любовь окрыляет – в ней каждый и сам
Птицею белой взлетит к небесам.
Небо на крыльях своих принесёт,
Вдаль улета с собой позовёт.
Но, если в любви вам не очень везло,
Останьтесь у берега, бросьте весло.
Быть может, найдётся попутчик иной,
И вырастут крылья у вас за спиной.
Любовь - это счастье, любовь – это боль!
«Любовь – это важно», скажет любой.
То она здесь, то её уже нет...
Не может она дать желанный ответ.
Любовь ведь капризна, и, как не суди,
Её не отсудишь в суде у судьи.
Носить бриллианты - не всем ведь дано,
И истину эту – все знают давно.

«Жизнь – река».

Пусть измеряется река
Длиною в расстояние,
И разделяет нас пока
Разлука расставанья.
А встречи, словно ручейки,
Потоком быстротечным,-
Меняют курс на маяки,
Где растворимся в вечном...

Не зная брода той реки,
За пристанью Свободы
Всё ж, остаются, нам близки
Её шальные воды.
Попутный ветер принесёт
Одно большое в малом.
Ему бесспорно повезёт:
Он будет править балом.
Любить по праву и без прав,
Спешим на зов природы,
Листая книгу новых глав,
Минуя непогоду.
И в том беда моя и боль,
И Ваша, верю тоже,
Что мы одно – вода и соль,
Мы две души похожих.

* * *

Быль и небыль в воздухе
кружится,
Сон, рукой волшебной
поманит.
Мне бы взять и удержать
синицу,
А журавль – пусть в небо
улетит...

Тамара Сухарева

Путь в поэзию у каждого свой, и каждый достигает в ней своей вершины. Наверное, причины, побудившие к написанию стихов у каждого человека тоже свои. Тамара Тимофеевна начала писать в 1985 году. Она родилась в деревне Кочетно, Льговского района, училась в Хомутовке, но долгое время жила в Чечне в городе Грозном. Работала на центральном телеграфе, окончила Ставропольский электротехникум связи.

О дорогах своей жизни Т.Т. Сухарева говорит сдержанно, но с большой любовью. За плечами прожитые годы, за плечами – радость и неудачи, за плечами большой отрезок жизни, который ценен своим опытом.

Читая её стихи, понимаешь, как трудно жить человеку в наше беспокойное время, какой силой надо обладать, чтобы в обыденной жизни увидеть большое и значимое. Увидеть то, что волнует многих, хотя не всем это дано передать в творчестве.

Т. Т. Сухаревой это удаётся. Она пишет замечательные стихи. Некоторые из них печатались в международном альманахе «Славянские колокола», в литературном альманахе «Созвездие» вышел маленький сборник «От всего сердца». В них опубликованы стихи, наполненные звуками струн души. Они идут от души и для души. Они способны передать те чувства, которые затронули сердце автора.

Ведь «лирос» в переводе с греческого – «душа». Какова душа, таковы и стихи...

Автор любит жизнь, свою малую Родину, свою Россию. Об этом ярко свидетельствует стихотворение «Родные места».

... Весёлую песню о лете,
О доме родном, о земле
Пропел соловей на рассвете
И песня напомнила мне ...

...Куда бы, судьба не кидала,
Каких не встречала б людей,
Милее угла не видала,
Где Курский поёт соловей!

Искренней любовью к своему родному посёлку проникнуто стихотворение «Хомутовка». Оно было положено на музыку, и теперь является своеобразным гимном нашего посёлка.

Замечательная песня, настоящий гимн родному посёлку. Прекрасные строки, проникнутые любовью к родному краю.

Спасибо Вам за чувства, проникновенные строки, любовь, которая подвигла к созданию замечательных стихов.

Хомутовка. /Гимн Хомутовского района/.

Там, где ива склоняется в ноги,
Где черемуха смотрит в окно.
Вдалеке от железной дороги
Появилось имя одно.
Здесь деревня росла Соколовка,
Здесь, в березовом Курском краю
Ей название теперь Хомутовка,
Для нее свои песни пою

Припев: « Хомутовка, Хомутовка
Так поселок сегодня зовут.
В Хомутовке, в Хомутовке
Люди добрые живут!»

Мой поселок, ты лучший на свете,
Старый парк, вековые дубы.
Здесь поют соловьи на рассвете,
Здесь с зеркальной гладью пруды
И, куда бы судьба ни кидала,
Вспоминала всегда с теплотой,
Что я сердце свое оставляла
Мой любимый поселок, с тобой.

Припев: «Хомутовка, Хомутовка
Так посёлок сегодня зовут.

В Хомутовке, в Хомутовке
Люди добрые живут».
Есть селений красивых немало,
Может танцы у них горячи,
Но в поселке, где ждет тебя мама
И вкусней и пышней калачи.
Пусть Господь от беды охраняет,
Черноземный и хлебный наш край.
Пусть березка сережки роняет
Хомутовка, живи, расцветай!

Припев: « Хомутовка, Хомутовка
Так поселок сегодня зовут.
В Хомутовке, в Хомутовке
Люди добрые живут!»

Хомутовка, Хомутовка
Черноземный и хлебный наш край
Хомутовка, Хомутовка
Хомутовка, живи, расцветай!

Село вспоминаю родное
И скирды соломы в полях,
Как – будто смотрела в окно я
И видела сельский тот шлях.

Ходили мы в лес за грибами,
Нас дождь проливной полоскал,
Ловили мы капли губами,
А ветер нас нежно ласкал.

Еловою свежестью дышим,
Березовой дышим листвою
И голос я Родины слышу
И все это вечно со мной!

Полевые люблю я цветы
Никогда не дарил мне их ты.
Подари васильковый рассвет
И ромашек веселый букет.

И в высокую бездну, где синь
Лепестки тех ромашек закинь,

И увижу я – вон с далека
Твой привет мне несут облака.

Разлука.

Ты уедешь сегодня с рассветом,
Тебя поезд умчит от меня.
Но в глухом полустаночке, где-то
Вздрогнет сердце, тоску затая.

Без тебя будет грустно немного,
Но твоих не забуду я рук,
И железная, снова, дорога
Не дает нам прожить без разлук.

Вспомни-вспомни в дороге с тоскою
Это поле, что все в васильках
Мы купались, когда-то с тобою
В васильковых его лепестках.

Пусть душа не узнает покоя
И волнуется жаркая кровь,
Ты вернешься под небо родное,
А вернет тебя наша любовь!

Пришла весна, запели птицы
Опять исчезла тишина,
А мне далекий берег снится,
Где песня тихая слышна.

И я к тебе на то же место
К любимой речке прибегу,
И будет солнце с нами вместе
Ромашки рвать на берегу.

Судьба.

Счастье моё не сложилось сначала,
Дорогою, видно, не той я пошла.
Может, Его я не там повстречала
На станции, может, не той я сошла.

Или звезду я не ту отыскала
И «Здравствуй», сказала не той я судьбе.

Счастье свое все из рук выпускала,
А горе само прицеплялось ко мне...

Годы прошли, я назад оглянулась
И если бы жизни, вдруг, стало бы две
Я б снова на станцию эту вернулась
И «Здравствуй» сказала бы той же судьбе!

Про любовь.

Любовь очень тонко воспета
В стихах Афанасия Фета.
И Есенин любил и Толстой
И Блок тоже терял свой покой.

Любили безумно и очень
За синие, карие очи.
Любили и тихо и смело
И песня до нас долетела.

И нежным напевом согрета
Я хочу прикоснуться к векам,
Стихи молодого поэта
Так сердца будоражили нам.

Туман опустился над речкой,
И кукушка считает года
Любовь будет жить бесконечно
И сегодня, навеки, всегда!

Не хочу я верить сказкам,
Я хочу поверить Вам.
Вашим ласкам, Вашим глазкам,
Вашим искренним словам.

И мне хочется при этом
С высоты Кавказских гор
Крикнуть милому поэту:
« Где скрывался до сих пор?

Где тебя судьба носила
И какой тропой вела,
Как таинственная сила,
Вдруг, меня с тобой свела?

Обращалась часто к Лире
Знала я, что ты придешь.
И в огромном этом мире,
Всё равно меня найдешь»!

Я сегодня с любимой встречался,
Целовал ее жарко в уста.
Я сегодня с любимой прощался ,
Меня звал офицерский устав.

Снова радостно сердце забьется,
Как вечернюю встречу зарю.
И лишь, Звездочка в небе зажжется
Я любимой ее подарю.

Мне приносит любовь вдохновенье
В службе нелегкой моей,
Я опять прибегу на мгновенье
К ненаглядной подруге своей.

И все пропало разом
И к черту все пошло.
На сердце, как-то сразу
Затмение нашло.

Мне стало так обидно
Одиноко и смешно,
Но я скажу «Спасибо»,
Что по судьбе прошел...

Память.

Помню, мой, милый, как в далеком году
Гуляли с тобой мы в зеленом саду.
Большой усилитель к столбу был прибит
Веселая песня оттуда звенит.

И яркое солнце светило тогда,
Казалось, что будет такое всегда.
Вдруг, звонкую песню, на длинной волне
Та весть оборвала о страшной войне.

И солнце померкло и скрылось в горах
И слезы сверкнули в любимых глазах.
А нервы натянуты, словно струна-
« Ты будешь свободной, родная страна».

Я помню, когда расставались с тобой
Марш «Прощанье Славянки» играл за спиной.
Давно паровозный рассеялся дым,
А я все кричала: «Останься живым».

Военные марши играет оркестр
Твое имя теперь на гранитной доске.
Но ты - моя радость и вечная боль
Ты самая первая в жизни любовь...
Я помню, мой милый, как в далеком году
Гуляли с тобой мы в зеленом саду.

Простите, юность и цветы.

Аромат тех цветов, помню я до сих пор.
В глазах того парня я помню укор...
А цветы были всюду – на кухне, в углу
Гладиолусы в банках, лежат на полу.

Эти белые розы красивы, нежны
На пороге лежали, а мне не нужны.
Я розы бросала, не брала букет
А было всего - то семнадцать мне лет.

Мне сестра говорила - цветы хороши
И дарит их парень тебе от души.
Запомни, родная, пройдет много лет,
Когда – нибудь вспомнишь чудесный букет...

Вот ушло это время, уже далеко,
Но столько цветов не дарил мне никто.
Ты прости меня, Юность, простите Цветы,
За то, что не приняла той красоты!

Все равно.

Неужели тебе все равно
Все равно, все равно, все равно?
Но известно мне только одно,
Что тебя я люблю всё равно!

А, я с Вами просто так встречаюсь
Просто, запросто я с Вами говорю.
Когда Вы не приходите – печалюсь,
Но Вам об этом я не говорю.

У личного состава
Горит огонь души.
Пожарная команда,
Попробуй затуши!

На тебя смотрю я снова,
Вижу милые черты
Ну, скажи хотя бы слово,
Очень дорог мне, ведь, ты.

Я хочу услышать слово,
Что старинным ты назвал,
Ну и пусть оно не ново,
Ново то, как ты сказал.

Но молчанием жестоким,
Ты пронзаешь, как стрелой
Значит ты не одинокий,
Что не слышишь голос мой

Сон.

Мне сон накануне приснился,
Как – будто бы шла я весной.
Месяц на небе светился,
Смешной, однорогий такой.
Увидела, шел мне навстречу
Старик. Поравнялся со мной.
Спросила его я: «Далече?»
А он отвечает: «Домой!»
Котомка была за плечами,
В ней ворох бумаг и вода.
Сказал мне: « Не спал я ночами,
А ты, что тут ходишь одна ?»
Мы с ним посидели немного
И мне он открыл свой секрет,

Что шел, мол, к родному порогу
Милее, которого нет.
Из этой деревни был родом,
Где травы густые растут.
Дружил он здесь с русским народом
В глубинке, что «Турка» зовут.
Спросила его: «Как же имя?,
Возьмите на память букет».
«Да Карпов я, Карпов я, Пимен
Писатель я был и поэт».
Я «Пламень» его не читала,
Не знала его я стихов,
Но поняла, что повстречала
Поэта глубинных веков.
Он долго со мною прощался
(Старик уходил, ведь, навек),
Вот так, мне во сне повстречался
Писатель, поэт, человек!

На 10 – летие Карповских чтений.

Мы на Карповских чтениях были
Десять лет – это, ведь, юбилей,
Пимен Карпов, тебя не забыли
С каждым годом твой голос сильней!

Мало в Турке домишек осталось
И травой сады заросли,
Видно, трудная доля досталась
Первожителям этой земли.

Вот по этим заросшим дорожкам
Наш писатель, когда – то ходил.
Постоим, помолчим тут немножко
И услышим, как Он говорил.

«Говорь зорь» мы услышим с тобою
На крутые холмы поглядим.
Видим дерево там вековое,
Видим тополь, что он посадил.

Мы к могиле поэта сходили,
И на сердце, вдруг, стало легко
Здесь колени свои преклонили
Перед памятью светлой его.

Воспоминание.

Зачем покинула – не знаю
Я детства звонкую страну.
Но край магнитной аномалии
Забыть я, все же, не могу.

А дни идут и год за годом
Все дальше юности заря.
И вот стоит уж за порогом
Осенний день календаря.

Помню я дорожку давнюю,
Среди густой, бескрайней ржи,
Мы тогда в деревню дальнюю
Под пенье жаворонков шли.

И, будто, лето не кончалось
И низко плыли облака.
И бесконечною казалась
Мне детства дивная пора.
И нам цветочки улыбались
(Я это помню сквозь года)
Ромашки весело плескались
В лучах у солнышка тогда!

Пусть трудно начать все сначала,
Может счастье ещё впереди?
Душа разрывалась, кричала,
Ну, а сердце шептало: «Терпи».

Великая сила - терпенье,
Но предел есть всегда и всему.
Спаси меня стихотворенье,
Отчего я сама не пойму.

Меня уже не душит ревность,
Уже спокойно я дышу.
А испытание на верность –
Я в этом смысл не нахожу.

Угли погашены тобою
И не пытайся их раздуть,

В душе заслонку не открою
А как любила я – забудь.

Я слышала, как Муза уходила,
На улице валил пушистый снег.
И места я себе не находила
Куда ж пропал ее веселый смех?

Пришла весна, и прилетели птицы
И Лира зазвучала надо мной.
А я листала чистые страницы –
Стихи, поговорите вы со мной.

И по душе пройдите, как по нотам
Найдите мою тонкую струну,
А сердце растревожится – да, что там
Пусть это не волнует всю страну...

И все пропало разом
И к черту все пошло.
На сердце, как-то сразу
Затмение нашло.
Мне стало так обидно,
Одиноко и смешно,
Но я скажу: «Спасибо»,
Что по судьбе прошел.

Возвращение.

Уже шаги твои я слышу
Тихонько к двери подхожу,
Сейчас слова твои услышу
Тебе я тоже, всё скажу.

Открылась дверь, и ты заходишь
Заросший, грязный и слепой.
И нету слов, их не находишь,
Стоим в молчании с тобой.

К чему слова, какие речи,
Устал, наверное, в пути,

Твои подрагивают плечи,
Когда ты шепчешь мне: «Прости»...

Тебя простили дети, внуки –
Твоя забытая семья
Навстречу ей ты тянешь руки,
И слёз сдержать не в силах я.

Так вот ведь жизнь как повернула –
Искал свой берег долго ты.
Сама судьба тебя вернула,
Взглянув на годы с высоты.

Солнечный зайчик.

Вот солнечный зайчик в окно поглядел
В окно поглядел, поиграть захотел –
С Алёнкой, с Антошей с Наташей.
И с маленькой девочкой Машей.

Вот Маша закрыла глазёнки
А зайчик умчался к Алёнке.
И хлопают дети в ладошки,
И зайчик в руках у Антошки.

И снова он прыгнул к Наташе
И к маленькой девочке Маше...
Прыгает зайчик, смеются ребята
Только мелькают их милые пятки.

Вырастут девочки, вырастет мальчик
Жить будет в памяти солнечный зайчик.

Знак с небес.

Здравствуй, здравствуй, Пимен Карпов
Снова я в твоём краю
Нету здесь садов и парков
Песню я тебе спою.

Тут холмы, ещё крутые
Зори, сказочно тихи.
Помнишь, в годы молодые
Ты писал про них стихи?

И жива твоя деревня
Там три хаты за бугром.
И шумят, шумят деревья
О прожитом, о былом...

Ты глядишь с небес на это
Если слышишь, дай мне знак.
Песнь любви еще не спета
Почему же грустно так?

Солнце в тучку закатилось
Теплый дождичек прошел,
По щеке слеза катилась,
Знак с небес ко мне пришел.

Тамара Сухарева

К 50-летию окончания школы.(1967-2017)

Давно друзья веселые простились мы со школою...

А со школою мы простились ровно 50 лет назад.

В 1967 году в Хомутовской средней школе прозвенел для нас последний школьный звонок. Перед нами открывалась новая жизнь с новыми вопросами, с новыми экзаменами. Время пролетело быстро, мы смогли встретиться с друзьями одноклассниками снова только через 20 лет. Встреча была незабываемая. Мы еще были полны сил и энергии и захлеб делились своими успехами и даже неудачами, рассказывали о семье, о проблемах, о болезнях. Встречались с учителями, которые на тот момент были еще все живые. Но вот прошло еще 30 лет. Мы стали дедушками и бабушками, но встретиться на юбилей, по поводу 50-летия окончания школы, нам очень хотелось. Людмила Петровна Рагулина (Панибратова) и Анатолий Куц(живет в Коренево) проявили инициативу и обзвонили наших одноклассников, номера телефонов, которых знали, некоторых приглашали по интернету. Но кто-то отказался сразу, кто-то не захотел, а кто-то промолчал. Было жаль, что так мало нас было. Всего пришли 10 человек из двух классов. Мы встретились на пороге родной школы, сфотографировались на память, зашли в школьный музей, походили по коридорам, потом зашли в класс. Вспомнили своих учителей, одноклассников, которых уже нет на этой земле. Потом мы продолжили празднование в кафе "Лукоморье" которое находится на выезде п. Хомутовка. Это очень живописный уголок, там было очень уютно и комфортно. Погода была чудесная, солнечная. Мы смеялись, слушали рассказы друзей о первой школьной любви. Наш одноклассник рассказал, как он провожал свою школьную любовь до ее дома пешком, это больше пяти километров туда и столько же обратно. По дороге они читали на ходу роман Л. Толстого "Война и мир" и выучили его почти наизусть. Вот такая была полезная любовь.

У меня школьной любви не было. Было много других интересных моментов, которые я не забыла и часто вспоминаю. У нас был учитель по алгебре Рогожин Николай Егорович очень строгий, его побаивались, но уважали. Вспоминаю такой случай. Прохаживались мы с подругой по дорожке недалеко от школы и вот бегут к нам навстречу два наших одноклассника: "Девки, уходите скорее обратно или перейдите на другую сторону дороги, а то идет сюда Рогожин и у всех спрашивает чему равен квадрат гипотенузы." Оказывается он им сказал: "Гуляете, а чему равен квадрат гипотенузы не знаете, идите учите, завтра спрошу". Они решили нас предупредить. Но мы им сказали: "Фу, да мы знаем чему равен квадрат гипотенузы, можем даже вам подсказать" - повернулись и пошли быстрым шагом обратно, на всякий случай...

Вспоминай было очень много, говорили обо всем но не было разговоров про болезни, про разные проблемы, потому что мы пришли на свидание с детством, молодостью и соответственно чувствовали себя молодыми, красивыми, здоровыми. Спасибо вам, мои дорогие одноклассники, что пришли, приехали, спасибо за прекрасно проведенный вечер встречи Спасибо вам за вашу память и любовь!

Ничего, что мы стали седые
Ничего, что морщинки у нас
Просто души у нас молодые
И с любовью заходим в свой класс.
Мы садимся за парты чужие,
Не такие, что были у нас.
Вспоминали мы годы былые,
И слезинки катились из глаз...

Заначка.

Василий Арбузов возвращался с работы домой.

Было около шести часов вечера, темнело. Осень выдалась нынче теплая, уже конец октября, а на деревьях еще разноцветная листва бушует.

Василий шел довольный – задание мастера он выполнил быстро и аккуратно. Работал Василий сварщиком в жилищно – коммунальной конторе и работу свою очень любил. Она приносила

Ему еще и дополнительный заработок, так называемую «шабашку».

Вот и сегодня за шабашку ему дали пол-литра самогона и сто рублей в придачу.

Василий - мужик молодой, как он сам всегда говорит про свои года, что ему без двух сорок. Женат, жена Таня работает медсестрой в больнице, дочь Настя учится в школе.

Живут они в общежитии, общежитие старое, потихонечку разваливается. Вон, недавно, балкон отвалился, так с жильцов подписку взяли, чтобы на балкон не выходили. Так и живут.

Василий не пьяница, но выпить любит, хотя уже много раз уже «завязывал», но ничего из этого не вышло.

Ну, вот он, наконец, подошел к своему дому, зашел сразу на кухню.

Кухня в общежитии была общая, на четыре семьи. У каждой семьи был свой уголок, свое мусорное ведро.

Василий в своем мусорном ведре прятал записку и никто никогда не догадывался, что там у него на дне ведра.

Вот и сейчас, пока никого не было в кухне, он быстренько сунул поллитровую бутылку с самогонкой на дно ведра, завернул в бумажку сто рублей и тоже сунул в ведро.

Сверху закидал старыми тряпками, газетами и пошел в свою комнату. В комнате была одна Таня, она собиралась на работу.

Василий поцеловал жену, взял газету и лег на диван.

Он дождался, когда ушла жена, и пошел на кухню. Посмотрел туда, где должно стоять ведро, ведро было без мусора.

У него жутко екнуло сердце. В это время на кухню зашла бабка – соседка:

- Вась, а чегой – то ты тут ищешь?

- Да, ведро мусорное, хотел мусор вынести

- О, дак я его уже вынесла, я у себя подмела, а мусор некуда было деть, а тут гляжу ведро стоять, ну я свой мусор туды высыпала да на тележку, что мусор забираить и выкинула.

- Что?.....

- Василий собрал все ругательства, что знал и выплеснул на бабку.

- Это, между прочим, мое ведро, личное чего трогаешь?

- Вась, а чего это ты на меня орешь, еще б спасибо сказал, что я мусор вынесла

- Спасибо, за то, что мою записку выбросила, знаешь, что там было?

- А чево там было, я заплачу?

- Заплачу, заплачу – плати.

Василий хотел сказать, что там было две бутылки самогона и денег побольше, но бабка стояла и так чуть живая.

-Ладно, за моральный и материальный ущерб плати то, что там было - бутылку самогона и сто рублей.

На том и договорились.

Скоро в общежитии все знали, где Василий прятал записку и каким образом, она пропала. Мужики посочувствовали, покурили, разошлись. Женщины долго смаковали подробности, смеялись.

Пить Василий не перестал.

В каком месте «записка» никто не знает, хотя мужики, почесывая затылки поговаривают, что у бабки в комнате.

Но это только предположения.

А, может, и нет.

Дедовы кальсоны.

*(Это случилось в деревне Юдовка, Хомутовского района,
Курской области во время ВОВ).*

До войны мои родители жили в Ленинграде. Папа работал на заводе, мама была дома с детьми, занималась домашними делами.

Летом 1941 года из деревни Юдовка, Хомутовского района, Курской области, к ним приехал погостить мамин брат Тихон. Но гостил он недолго, так как началась война. Тихону нужно срочно ехать домой. Мама решила с детьми поехать с ним, она собрала кое какие вещи, папин портрет, гитару и поехали. Папа остался в Ленинграде, потом он воевал на Ленинградском фронте артиллеристом, имел награды, победу встретил в Вильнюсе. В блокаду Ленинграда у него погибли две 16-летние сестры Женя и Люба. Они похоронены на Пискаревском кладбище в Ленинграде.

Тихон с мамой и детьми долго добирались до места. Поезд подолгу стоял на перегонах, мимо проносились эшелоны с солдатами и боевой техникой. Но всё-таки они прибыли в Курскую область благополучно. Мама с детьми жила в хате у своих родителей. Спали на печке. Ели из одного чугуна. Мама повесила папин портрет на стену и сказала детям: «Молитесь, чтобы папочка остался живой». И Раечка помнит как она вместе с двухлетней сестричкой Зоей, лежа на печке шептались каждый раз и каждый день: «Господи, хоть бы папочка остался живой, хоть бы папочка вернулся домой».

Однажды к ним прибежала жена Тихона Вареха (Варя), она трясущимися губами выдавила: «Немцы!»....

Немцы ввалились в хату, орали: «Млеко, яйки»... Увидели папин портрет на стене и, тыча в него пистолетом, заорали: «юдэ, юдэ».

Моя мама тогда молодая красивая плакала, на ней были чёрные хромовые сапожки, которые ей сшил брат Тихон (он был сапожником). Немец увидел её закричал: «Снимай сапоги, русский свинья не должен носить красивые сапоги, ей надо плохие». И приставив пистолет к её виску требовал сказать где этот «юдэ». Вареха знала немецкий язык, она сказала ему: «Пан это не юдэ, его тут нет», немец стал искать какие-то вещи, требовал бельё. Моя старшая сестрёнка Рая, ей тогда было пять лет, схватила с печки дедовы кальсоны и дала их немцу: «Есть бельё, возьми его, маму отпусти». А фашист всё ещё тыкал пистолет в мамино лицо. Все оцепенели, что же будет? Но когда Раечка кинула ему кальсоны, он что - то пробурчал, опустил пистолет, немного постоял и потом вышел. Больше он к ним не приходил...

И вот уже, когда наши войска начали интенсивное наступление, освобождая деревни, сёла, города, в хату к деду забежал запыхавшийся немец. Он что то лепетал по-немецки, моя сестра Рая решив, что это опять пришёл тот же немец, нашла дедовы кальсоны и протянула их немцу. Он ничего больше не сказал и выбежал из хаты...

Вернулся живым и невредимым папочка. Вернулись в родную хату живыми все бабушкины сыны. Началась мирная жизнь.

Давно закончилась война. Давно нет в живых деда, бабы, Варехи с Тихоном, мамы и папы...

Стала прабабушкой моя старшая сестра Рая. Но она до сих пор помнит тот день, когда к ним в хату, ворвались немцы, и как она маленькая девочка, спасая свою маму отдала немцам дедовы кальсоны...

ВЛАДИМИР КОРОВКИН

Когда – то французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери мудро заметил: «Самая большая роскошь – это роскошь человеческого общения».

И, вправду, мудрые слова! Нам остаётся находить лишь подтверждение им в жизни!

Общение с человеком талантливым – двойная роскошь.

Главное – увидеть, заметить его и, вовремя сказать ему спасибо за щедрость души, за умение дарить свой талант бескорыстно, за то, что он живёт на свете и делает добро.

Как правило, удивительное всегда рядом...

А помните, у русского поэта В.Маяковского такие строки: землю попашет, попишет стихи... Тоже самое, можно сказать о Владимире Владимировиче Коровкине, фермере из села Калиновка. Он пишет стихи, и даже в свободное время исполняет их под баян как песни.

Стихи В.В. Коровкина печатались в газете «Районные новости», некоторые опубликованы в международном альманахе «Славянские колокола». Сегодня мы напечатали их в нашем самоиздательском сборнике, которому дали красивое название «Родное», и думаю, что это станет приятным сюрпризом для самого автора.

Стихи В. Коровкина производят на слушателей и читателей незабываемые впечатления. Его душевные, лирические строки всегда перекликаются с событиями пережитого и увиденного. Нас привлекает в них искренность, теплота, душевность, глубокий философский смысл.

Нас привлекает в них искренность, теплота, душевность, глубокий философский смысл.

Всё для меня имеет прелесть
Быть может оттого, что не вернуть
Ушедшее? Но сердце держит свежесть
Моих воспоминаний суть!

Прочитывая стихи, всегда задумываешься: можно ли понять причины, вызвавшие у автора чувства, вылившиеся в последствии в лирику.

Что может разбудить спящее внутри каждого человека вдохновение.

Радостные чувствам единения с природой?

- Конечно же.

Глубокое внутреннее переживание и человеческая трагедия?

- Да!

Любовь и понимание?

- Безусловно.

Всё это в стихах В.В. Коровкина. Его сердце не закрыто для любви к людям, к родному краю, к любимой женщине...

Горит пожаром на стекле

Последний луч заката.

Иди любимая ко мне,

Я говорил когда – то.

А нынче вот, не говорю.

Горю в костре вечернем.

Хотя, по – прежнему люблю,

Своей любовью прежней.

Оно откликается на голос поэзии и звучит в лирических строках. А из уст самого автора стихи просто оживают...

Брови нахмурил летний вечер:

Быть дождю

Лозы над тихою речкой в песнях:

Неймётся соловью.

Вышел из дома, присел на крылечке:

Слушаю.

Вечная тема – любовь бесконечна:

Думаю.

От всей души хочется пожелать талантливому и интересному человеку вдохновения, нового творческого взлёта. Удачи Вам во всём и доброго пути к открытым читательским сердцам!

* * *

Не тяготит дорога; зимний вечер.
Блестит набитая санями колея.
Скрепят полозья, стынет вечность,
И пар валит от сытого коня.

Алеет зарево морозного заката,
И тонут сумерки в подсиненных снегах.
Глаз вырывает снегирей из полумрака
И веселей становится мой шаг.

Вот сена клок, упавший с воза,
Разносит запах аромата неземной.
Среди зимы, у краешка сугроба, -
Кусочек лета с луговой травой!

Уносит вдаль полозьев след блестящий.
Уносит мысли в тишину полей.
И воз, по вечности скользящий,
След оставляет от саней .

* * *

За стеною ветер воет.
За стеною гул зимы.
В загородке, конь гривастый.
В яслях, сено из травы.
Пахнет солнцем, ветром знойным.
Пахнет утренней росой.
Лето, сбитое под корень,
В яслях с сеном жуёт конь.

* * *

Ещё хочется снега,
Ещё хочется зимы.
Ещё хочется бега –
Санок лёгких и,
Чтобы хлопья летели
Снега, прямо в лицо.
Чтобы выли метели,
Заметая крыльцо!
Чтобы ветер кудрявил

Гриву – роскошь коня,
На просторе буянил,
Ездока вдаль маня!
Чтобы щёки горели,
Кровь гуляла вином!
Чтобы с песней в метели
И, вся ночь - ходуном!
И, уснувши в постели,
Продолжался бы бег:
То мелькающих елей,
То с ресниц синий снег.
А по утру проснувшись,
Взглядом зорким в окно:
Конь стоит отдохнувший;
И в сугробах село.
И опять по хрустящему снегу,
Ветер – конь режет скатерть полей.
И опять с ним предамся я бегу,
Ездоком расписных козырей!

* * *

Вон за тою липою,
С желтизной закат.
Мягкою периною
Облака лежат.

Ночь крадётся хмурая.
Редки блески звёзд;
Фыркает каурая,-
Поздний тянет воз.

Крякает с тревогою
Селезень кряжной.
За прудом пёс охает,
Словно, заводной.

Покорённый дремою,
Спит, угомоняясь,
Лес и листвой зелёною,
В полусне шепчась.

Ночь укрыла теменью
Липу и закат.
Каждый раз по времени,
Петухи кричат.

Так накукарекают
Завтрашний мне день.
Будет всё в нём светлое,
И исчезнет тень.

* * *

Разрывают ночь навзрыд
Соловьи шальные.
На пруду лягушек крик –
Песни их такие.

Полукругом млечный путь
Плывёт в бесконечность.
Его звёзды – души судьб
По дороге в вечность.

И стою я на земле
В соловьях и песнях.
Звёзды, ночь и тихий смех
Продолжают вечность.

Ну, зачем мне эта страсть:
Звёзды с соловьями?
Не дают они мне спать
Майскими ночами!

* * *

Светлая – светлая комната.
Белая – белая ночь.
Сыч заливается хохотом.
Сон улетает прочь.

Дивное, дивное рядышком,
Стоит ладонь протянуть.
И прикоснувшись, уляжется
Нежно на белую грудь.

Будет, стихая аукаться,
Эхо, от смеха сыча.
Будет в ладони баюкаться
Нежность, губами шепча.

С ним улетаем в незримое,
Вместе с собою неся.

Нежное, дивное, милое,
Ночи огонь не гася!

Хандра.

Что - то мне не пишется,
Что – то не читается.
И не так, как видится,
Нынче не мечтается?

Может ветер с моросью
Мне тоску навеяли?
Они поздней осенью
В дверь стучатся с теменью.

По душе прокатятся,
Выветрив последнее.
Мне совсем не нравятся
Сквозняки осенние.

И, застыв, тревожное
Ляжет на дно памяти.
Станет грызть ничтожное,
До морозов, взаперти.

Родное.

Всё для меня имеет прелесть
Быть может оттого, что не вернуть
Ушедшее? Но сердце держит свежесть
Моих воспоминаний суть!

Наш сад, где яблони и сливы
И вербы старые вокруг
И пруд весь в водорослях тины,
И разноцветный рядом луг!

Мои мне милы старики, старушки
Заботою своею, добротой.
И ты для них не просто гость, а лучший,
Из всех гостей: и «до», и «после», и «потом»

Радущие и теплота – чистосердечны,
Написаны на лицах стариков...
И до слезы, ласкают ухо речи
С таким знакомым нашим говорком!

Мне мило всё, с чем я в разлуке
И не от розовых душа трепещет снов.
А от того, с чем я живу, по сути:
Корней родных побег Я, с памятью узлов!

* * *

Брови нахмурил летний вечер:
Быть дождю
Лозы над тихою речкой в песнях:
Неймётся соловью.
Вышел из дома, присел на крылечке:
Слушаю.
Вечная тема – любовь бесконечна:
Думаю.
Первые капли упали на крышу:
Что ж?
Брови нахмурил вечер, слышу –
Вот и дождь.
Рядом присела, прижавшись поближе –
Лёгкая дрожь.
Её обнимаю за плечи и вижу:
Падает дождь
В лозах за речкой промокший наверное
Соловей
Песни поёт своей благоверной
Верь мне верь!
Я на крылечке, рядом с любимой
Верю ему.
Дай же покрепче, шепчу ей нежно,
Тебя обниму!

СОН.

При здоровой памяти,
При своём уме.
Я стою у паперти,
Пятаки в руке.
Глаза вниз опущены.
Их боюсь поднять.
Я у ног могущества:
Купалов в нём пять!
Мимо люд разряженный,
По ступенькам вверх,
Идёт ноше связанный,

Ох, тяжёл их грех!
Я же неприкаянный
Среди этих всех,
Кто идёт по паперти
Замолить свой грех.
Не безгрешен, каюсь я!
Видит, видит Бог.
Я стою растерянный
У могучих ног
Медяки потевшие;
Смятие в душе –
Подали их грешные –
Милостыня мне.
Люди милосердные
Подали, крестясь,
Кто проникся верою,
Богу помолясь.
Поделились с бедностью
Каплею души
Люди, к храму шедшие
С верою внутри.
Я стоял покаянный,
Звон плыл к облакам
Благовест звал, праведных
Помолиться в храм!

* * *

Сегодня птица тосковала
В ночной, прохладной тишине.
Нет, никого она не звала,
А просто пела о тебе.

И вяжет осень с тайной грустью
Узоры чудные во мне
То, вдруг, на жалости отпустит
То узел, вдруг, на доброте.

И грусти нити – паутины
Плывут в узорах кружевных:
Для глаз чужих они не видны,
Для глаз чужих, не для твоих.

А осень вяжет, грусть вплетает
В узор волшебный, не простой
И, увлекаясь, замирает,

На нитях чувств порвав покой.

И о чём птица тосковала,
В ночной, прохладной тишине,
Мне осень нитями вплетала –
Узлы на память о тебе.

* * *

Птица смотрит вниз с небес.
Что за след там тянется?
Это чей земной пробег,
К горизонту валится!?

Пыль скрипит как пудра, снег
Зной плывёт, качается.
На спине лежит боец.
Земли ось – вращается.

Не успел закрыть глаза.
Они глядели в небо.
И даль безбрежностью маня,
Бездонностью синела.

Эх, чужая сторона!
Чьё – то сердце мается.
Мать узнает, где сынок, -
Веткой закачается!

* * *

Горит пожаром на стекле
Последний луч заката.
Иди любимая ко мне,
Я говорил когда – то.

А нынче вот, не говорю.
Горю в костре вечернем.
Хотя, по – прежнему люблю,
Любовью той, любовью прежней.

Давай, любимая, с тобой
Забудем наши ссоры.
Ничто не вечно под луной...
Пусть унесёт закат раздоры!

И пусть всё в пламени сгорит,
Вечернего пожара –

Обиды, горечи и быт,
И слово жёсткое - расплата!

* * *

Прощай, я улетаю
Под шепот предрассветного дождя.
Ты не грусти, я знаю,
Как тяжело стать без меня!

Прощай! Пусть жизнь катится
По колее накатанной и мною и тобой.
А по ночам тебе я буду сниться –
Всегда любимый и родной.

Прощай! Я улетаю к облакам,
Где серебрятся, неземные дали.
Я знаю, встретимся мы там,
Прощай, я улетаю!

Прощай! Услышав шум дождя,
Ты отодвинь рукою занавеску.
И за окном увидишь – это я
Дождём к тебе пришёл с страны небесной.

Прощай, я улетаю
Под шепот губ твоих и шум дождя
Ты не грусти, я знаю,
Что снова встречу где – нибудь тебя!

* * *

Плачет август серым дождём,
Лето кончается.
Плачет август на «потом»
Словно прощается.
Вышел в дождь, - под окном,
Кто – то печалится:
Мокнут астры под дождём, маются.
Я под дождь возьму и спою.
Пусть душа заволнуется
В конце лета осенняя грусть,
Как распутица.
В этой песне листопад –
Воспоминания.
Желтый лист среди зелени невпопад –
Напоминание.

Плачет август серым дождём,
Осень, наверное?
Этим летним промозглым днём –
Весточка первая.
Сколько было этих дождей –
Размывается,
Но сегодняшний летний день
Осенью отзывается.
Я возьму и спою в унисон
Каплям дождя,
Ветру душевному.
Осень в августе – это не сон –
Весточка первая.

* * *

Почему так грустью тянет,
Душу рвёт всё та же грусть?!
Под ногами осень вянет,
В небе крик – ещё вернусь!

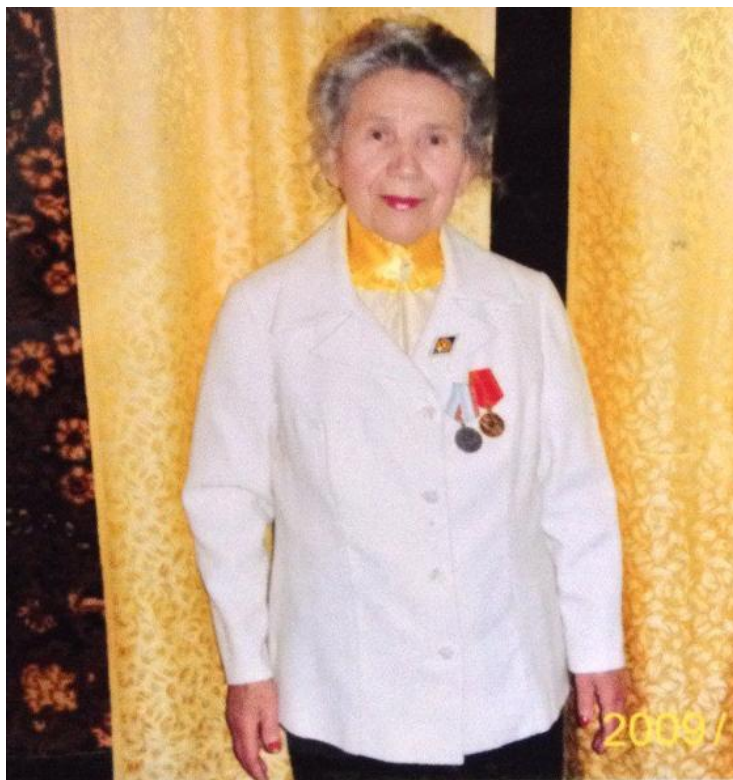
Мой октябрь дымит листвою.
И горят, горят костры,
Над моею головою
Отголоски от весны.

Что тревожит, объясни мне
Залежавшаяся Русь?!
По вискам, плеснув сединой,
След оставившая грусть.

Бьёт под сердце болью, болью,
Не на выдох, а на вдох,
Ковылиное раздолье,
Да тяжёлый чей - то вздох.

Бьёт в душе в разноголосья,
Бьёт в душе моей набат.
Осень – осень, осень – осень,
Моей песни листопад.

Елена Васильевна Полескова

Родилась Елена Васильевна в трудном 1930 году в деревне Дяхтырка Хомутовского района. Старшая дочь своих родителей. Росла худенькой, болезненной, слабенькой и некрасивой. С семи лет мама доверяла ей смотреть за братом Владимиром, которому было шесть месяцев. Восьми лет поступила учиться в начальную школу. Училась прилежно и старательно. Особенно по математике и чтению. Семья была большая, состояла из восьми человек. Родители работали в колхозе. Лене приходилось после школы смотреть за младшими, работать по дому: наломать ботвы, накопать картошки, сходить в лес за дровами и принести их. Свободного времени почти не было. Летом в деревне вставали рано: доили корову, отправляли её в стадо, топили печь, готовили сразу завтрак, обед и ужин. «Мама будила меня рано, потому что малые дети просыпались, и мне нужно было их качать в люльке, пока мама управлялась с хозяйством», - рассказывает Елена Васильевна. Единственным желанием в детстве было желание выспаться. Казалось, что самым большим счастьем являлся сон.

Окончила два класса, и тут война... Елена Васильевна рассказала мне один эпизод, который запомнился ей больше всего:

«Русские истребители бомбили отступающую армию фашистов. Когда самолеты обстреливали колонну, загорелся подвал. Горел и весь посёлок. Мама собрала всех пятерых и выскочила. Мы все побежали в свой земляной погреб. Снаряды свистели, пролетая выше нас. Мама командовала нам ложиться на землю, и все мы падали рядом с нею. Земля горела. Я первая добежала до погреба и опустилась в него. Мама подавала мне детей в погреб. Затем последней опустилась сама. Мы прижались к маме и просили Бога, чтобы в нас не попал снаряд, потому что могли все погибнуть. Просто чудом наш погреб не обвалился, ведь земля сыпалась со стен».

Лена дружила с Диной, соседской девочкой. Страшная картина гибели женщины-матери поразила всех односельчан. В соседний погреб, попросту в яму, опускала своих детей мама Дины. В это время вражеский снаряд сразил женщину. Дети кричали долго, звали свою мать... Расстелянная женщина лежала на земле, закрыв телом своих детей. Немцы, отступая, подожгли колхозную конюшню, в которой находились мины. Они рвались, казалось, что небо и земля горели. Так всю ночь они провели в погребе. Даже всю неделю боялись выйти. Через несколько десятков лет (08.05.2002 года) Елена Васильевна расскажет об этой страшной трагедии в стихотворении «А дочь всё ждёт...».

Не дай вам Бог такое пережить:
Девчонка в жёлтой глине придорожной
Целует мать, а мать лежит, лежит
И стать с межи обугленной не может.
А дочь всё ждёт, и до волос седых...
Сомкнёт глаза – и вот опять, и снова:
Боль глинистой горящей борозды,
Разрывы бомб, парящие кресты.
Глаза родные мертвенно пусты
Средь хлебного разлива золотого...
И мечется во сне седая дочь,
Глотает слёзы и зовёт упрямо.
И крик надрывный улетает в ночь:
«Ты оживи, ты встань, родная мама!»

В пятый класс Лена пошла учиться уже в Сальновскую школу. Уроки учила под керосиновой лампой. Помнит, как вступала в пионеры. Вспоминает, что до глубокой осени все ученики ходили в школу босиком, зимой - в лаптях. Весной лапти пропускали воду. Затем она простудилась и сильно заболела. Родители в школу больше не пустили, хотя с детства Лена мечтала о профессии учителя.

После войны жили очень бедно. Сапог не за что было купить. Стала Лена трудиться дома. Мама рано научила всему. Могла прясть, мять лён, ткать, вязать, вышивать, жать рожь и пшеницу, вязать снопы, брать замашки и коноплю, запрягать лошадь. Сколько кровавых мозолей было на руках, одному Богу известно! «Девушка на деревне должна всё уметь делать», - часто говорила мама. Брала она с собой на работу полоть свёклу, картофель. Так осталась Лена работать в колхозе. Несмотря на недостатки в фигуре от тяжёлой работы в шестнадцать лет стали ухаживать мальчишки. По-настоящему был влюблён Веселов Алексей, который учился в 10 классе и собирался поступать в институт. Любовь полилась бурлящим потоком. 23 ноября 1948 года состоялась свадьба. Говорили, что на свадьбе Лена была красивой: губы и щёки подрумянили свекольным соком. Только погода была плохая, как будто предвещающая сложную жизнь. Но ни в какие приметы молодые не верили, так как любили друг друга. Семья Алексея состояла из девяти человек. Самому маленькому было семь месяцев. Алексей уезжает учиться в Хинельскую среднюю школу, а Лена

остаётся жить в семье его родителей, в течение пяти лет трудится за двоих. Учёба Алексея в техникуме, переезд в Пермскую область на шахту, жизнь в бараке. Первый отпуск, встреча с родными. Казалось, что вот оно счастье! Через месяц Алексей попадает под обвал. Сколько боли и горя! Затем опять борьба за жизнь, огромный труд, преодоление, учёба, предательство, разлука, возвращение к жизни.

Пройдя через все испытания судьбы, Елена Васильевна стала замечательным педагогом, мудрым наставником. Она не утратила веру в Бога, в людей. Она считает, что основа основ – это личность и коллектив, человек и общество. Трудолюбие – драгоценное качество человека, которое во многом определяет культуру его поведения.

Мечта её сбылась. Школьную жизнь она считала своей личной жизнью, потому что всегда около неё были ученики. Она знала и любила свой предмет, с интересом занималась с детьми в кружках. Ученики любили и любят свою учительницу, хотя им далеко уже за пятьдесят. Елена Васильевна ушла на пенсию и начала писать стихи, в которых нашли отражение все чувства, переживания, жизненные события.

Умерла Елена Васильевна 27 мая, в селе Калиновка, в тот же день, что и родилась, прожив 86 лет.

За всё судьбу благодарю
Благодарю судьбу я сотни раз
За чистый взгляд невинных детских глаз.
За фиолетовый закат,
За радость жить у школы.
Благодарю за ветвь в окне,
За смех ребят весёлый.
За песнь в душе, за мир в семье и ласку,
За доброту, внимание друзей.
За эту, так похожую на сказку,
Земную жизнь со множеством путей.
За молодость, за зрелость и за старость
И за усталости негаданный приход,
За то, что жизнь такая мне досталась,
Что мне везло всегда - из года в год.
Благодарю за все мои заботы,
Что не спалось в полночной тишине.
За школу, за любимую работу,
Что ясным маяком светила мне.

ГОД ПОБЕДНЫЙ.

Год победный ни с чем не сравнится-
Сколько дал вдохновения и сил!
Он украсил улыбками лица,

Жажду жизни в сердцах пробудил.
Этот год положил конец боли,
Похоронкам и плачам навзрыд,
Подарил он всем радости море.
Год победный не будет забыт!
Лихолетье встаёт пред глазами,
Нас к победе герои вели.
И глаза наполнялись слезами,
И сердца были полны любви.
Отгремели бои, отгудели
Снятся людям счастливые сны
Это счастье, что мы уцелели
И дождались победной весны!

Последний звонок.

Вот и всё. Вновь прощальный звонок
Возвестит об уходе печальном.
Понесёт его трель ветерок.
Обернётся он звоном хрустальным.
Он коснётся притихших ребят
Струны сердца перебирая,
Вроде каждый этому рад
Только рад ли? Теперь уж не знаю
Сколько ждали все этого дня,
Чтоб забыть и уроки, и парты
Годы школьные в сердце храня,
Выходить им на новые старты.
Пожеланья, улыбки, цветы...
Двери в завтра для вас открыли!
Школа, школа! Последний звонок!
Праздник ваш и линейка проходят.
Класс, учитель, прощальный урок
Так из детства ребята уходят.

Пока я помню...

Напасти нет ужаснее на свете,
Чем испытать суровый рок войны.
С лихвой тогда хлебнули горя дети,
Отвыкнувши совсем от тишины.
Земля, как лист безжизненный, дрожала
И слёзы все катились по лицам.
А наша мама нас всё убеждала,
Что будем жить назло проклятым фрицам.

Горел подвал, скрывавший от снарядов,
Мы бросились скорей наружу прочь.
Нас пятеро и мама с нами рядом.
Кругом огонь и смрад – сплошная ночь
Скорей бежать, чтобы в живых остаться,
Теперь лишь погреб старый нас спасет,
Нам с жизнью не хотелось расставаться.
Когда смертям уже потерян счёт.
Свистели пули, мимо пролетая,
Мы падали на землю много раз.
В тот миг ходила рядом смерть седая,
Собою мама прикрывала нас.
До погреба я первой добежала –
Спасенье наше было только там!
Детей мне мама в руки подавала,
Они от страха жались по углам.
Откуда только все мы брали силы?
Земля всё сыпалась со стен на нас.
Прижавшись к маме. Бога мы просили,
Чтоб нас сберёг и сохранил сейчас.
Теперь я вспоминаю мамы руки –
Все в метких ссадинах, похожие на плети,
Какие испытать пришлось ей муки,
Как за добро ей благодарны дети!
И вот опять мне слёзы душат горло:
О, сколько ей, родной, пришлось терпеть!
Кругом беда, несчастье, столько горя,
А мы хотели очень уцелеть.
Тогда мы цену жизни все узнали,
Мечтами жили мы о тишине.
Мы столько пережили, испытали.
Присниться это – жутко станет мне...

Росой умываются ягоды
На тайной полянке лесной,
О чём –то задумчиво яблони
Всё шепчутся тихо со мной .
И полон луг летний стрекозами,
Цветы всё к ногам моим льнут,
И добрыми ветрами, грозами
Родимые тропки живут.
У озера камни, как идолы,
Былинно на воду глядят,
И в зарослях песенки иволги

Весь день не смолкая звучат.
И снова душа заволнуется:
здесь отчий мой дом и друзья!
Мой взор красотой любитесь-
Родная сторонка моя!
Ракиты склонились у берега.
Я счастлива в милом краю!
Гляжу из душистого клевера
Мне пчёлы нектар достают.
В кувшинках волшебное озеро,
Стеною стоит тёмный лес.
О Русь, моя! Край мой берёзовый!
Край сказок и дивных чудес!
Здесь столько дорог мною пройдено,
Сколько пришлось пережить...
Без милой чарующей Родины
Дня не смогу я прожить!

Гвоздика.

Коль уедешь ты далёко,
Вспоминай меня вдали,
На прощанье черноокий,
Мне гвоздику подари!
Пусть она всю жизнь алеет,
Пусть горит в моём окне.
Душу пусть мою согреет,
Когда будет трудно мне!
Мимо горести промчались,
Полон мир опять весной.
Не грусти, что мы расстались.
В сердце ты всегда со мной!
Зимняя рябина
Держу рябиновую гроздь-
Держу рябиновую радость.
Мне в декабре она досталась,
Когда в лесу быть довелось.
Подобно огненной заре
Рябины грозди там горели
и падал снег от них на ели
В морозном белом декабре.
Гирлянды ягод поредели
Но в них осталось волшебство,
Чарующее колдовство!
Рябины в декабре горели...

Заветный звонок.

Вечно живы юности мечты:
-Позвоню – пообещал мне ты.
Обещая, не назвал мне срок.
Сколькождать обещанный звонок?
Я ждала неделю, месяц, год
Терпеливо, как солдатка ждёт.
Только ты забыл, не позвонил,
А, быть может, больше не любил.
Вот уж в сентябре мои виски
Но с волнением слышу я звонки.
А звонит, как вышло – не пойму,
Твоя дочь мальчишке моему.
Знаю, не вернётся прежний снег.
Знаю, ты - солидный человек.
Трубку не возьмёт твоя рука.
Но я жду заветного звонка.

Потеря жизни.

Как часто время ты теряешь
В пирушке шумной и хмельной.
Себя ты пьянством развращаешь,
А что же за твоей спиной?
О дне подумай уходящем
И выбери ты верный путь.
Забудь о мрачном дне вчерашнем,
Душе своей дай отдохнуть!
За день прожитый, за мгновенье,
За каждый пролетевший час,
За мысли и слова , движенья
Отчёт потребуют и с вас.
Задумайся, друг, поскорее,
Покуда есть немного сил.
Стань чище, лучше и добрее,
Чтоб ярко людям ты светил.
Что сделал ты для самых близких?
О них подумал ты хоть раз?
Помятый ты и грязный, низкий.
Опомниться пора сейчас!!
На всех ты и на всё в обиде –
На женщин и на белый свет.
Ты должен наконец увидеть.
Что сам виновник тысяч бед.

Практикантка.

Маленькая, туфли с ремешками.
Не на шпильках. Просто каблуки.
В класс вошла несмелыми шажками
И остановилась у доски.
Кажется, в руках дрожали книжки.
В голове гудел конспектов рой.
Замерли критически мальчишки
Над серьёзной девичьей бедой.
А она, забыв про план урока,
Осторожно стала у стола
И заговорила так о Блоке,
Будто с ним ровесницей была.
В голосе, то грустном, то чуть звонком,
От дрожащих на ресницах слёз,
Смешивался шепот незнакомки
С шёпотом есенинских берёз.
И девчонка, пальцы сжав от боли,
Синим взглядом обводила класс,
И цвели рязанские раздолья
В глубине её горячих глаз.
Ни опроса и ни закрепленья
Может быть, они и не нужны.
Сорок глаз застыли в изумлении
Музыкой стиха поражены.

Бабье лето.

Море ласкового света
Паутинки в серебре:
Наступило бабье лето,
Бабье счастье в сентябре.
Счастье радостно лучится
В сердце женщины любой
В бабье лето всё случится:
Будет осень золотой.
И не надо быть поэтом,
Тут всё ясно и без слов:
Бабье лето, бабье лето-
Запоздалая любовь.
К юности возврата нету,
Детство очень далеко:
Вновь закружит бабье лето
И с ума сведёт легко.

Осень – чудо, осень – сказка,
Всё вокруг огнём горит.
Женщин вновь согреет лаской
И надеждой окрылит...

Слова.

Словно травы шелестят слова,
Как слова и травы в жизни схожи,
Говорят, целебная трава,
Есть слова целительные тоже.

Я смотрю на луг в цветы одетый,
Как прекрасен сочных трав покров,
Научи нас Бог дарить букеты,
Состоящие из мудрых, добрых слов.

Есть слова, исполненные яда,
Есть простые, словно васильки,
Но порой с собою нету слада,
Если входят в речи сорняки.

Есть слова прекрасные, как розы,
Есть сухие, как степной ковыль,
Есть слова рождающие слёзы,
Горькие слова, слова – полынь.

Словом можно душу искалечить,
Словом можно раны исцелить,
Тяжкий груз недобрых слов на плечи
Берегитесь ближнему взвалить!

Любимой.

Пусть не станешь ты, любимая, моложе
И печалиться об этом ни к чему.
Нет тебя на всей земле дороже
И милее сердцу моему.
Пусть былому нет уже возврата,
Жизнь прошла рубеж очередной,
Для меня все чувства к тебе святы,
Верен я одной тебе, родной.
Я не стану клясться проведеньем,
Потому, что ты сама, любя,
Не по клятвам по сердцебиенью

Чувствуешь, как я люблю тебя.
Ты со мною в жизни всё делила
И дорогой честной шла по ней,
Каждый день сияньем озарила...
Сколько ярких прожили мы дней!

Всё пройдёт.

Когда душа моя от радости поёт,
Безоблачны все дни и безмятежны ночи,
И бьётся жизнь в груди, и счастлива я очень,
Но в тишине я слышу: «Всё пройдёт...»
Когда мне тяжело, печаль к земле гнетёт,
И слёзы удержать нет сил и нет желанья,
И кажется, конца не будет испытаньям,
Я говорю себе спокойно: «Всё пройдёт...»
Да, в этом жизнь! Мы знаем наперёд,
Что есть всему конец, предел всему положен,
И как бы ни был путь наш лёгок, сложен,
Одно мы знаем : «Всё пройдёт...»

Берегите матерей.

Как бы не манил вас бег событий,
Как ни влёт бы в свой водоворот,
Пусть глаза маму берегите
От обид, от тягот и забот.
Боль за сыновей – сильнее мела,
Выбелила косы добела,
Если даже сердце очерствело,
Дайте маме капельку тепла!
Если стали сердцем вы суровы,
Будьте, дети, ласковее с ней.
Берегите мать от злого слова,
Знайτε, дети ранят всех больней!
Если ваши матери устали,
Добрый отдых вы им дать должны...
Берегите их от чёрных шалей!
Берегите женщин от войны!
Мать уйдёт в душе оставив рану,
Мать умрёт, и боли не унять...
Заклинаю: берегите маму!
Дети мира – берегите мать!

Умейте радоваться жизни.

Изведав горечь в этой жизни,
Обид, ошибок, мелких драм,
Умейте радоваться жизни,
Её обыденным дарам!

Рассвету, взлёту журавлёнка,
Речушке, моющей пески,
Улыбке милого ребёнка,
Пожатью дружеской руки.

Работе, сделанной, как надо,
Дороге, чтобы вдаль влекла,
Летучей ласке снегопада,
Добру домашнего тепла.

Светло на сердце и в дому.

Изба приветами тепла.
Не толщиной брёвен.
Хозяйка ласкою светла-
И малый дом просторен.

А на столе пусть хлеб да соль,
Дороже винограда,-
И от разлук утихнет боль,
Любовь друзей – награда!

Светло и радостно в дому
При маленьких оконцах,
Темно бывает одному,
Хоть в окнах много солнца.

Приди...

Приди, приди, приди,
Хотя бы для прощанья,
Хотя бы без желанья,
Приди, приди, приди,
Хоть с холодом в груди,
Рассеянный, далёкий,
Насмешливый, жестокий,
Приди, приди, приди!
Пусть горе впереди,

Что плакать об утрате!
Хоть из чужих объятий,
Приди, приди, приди!

Нет безымянных солдат.

Гремели над миром раскаты,
И шёл за раскатом раскат.
Лежат под землёю солдаты,
И нет безымянных солдат.
Солдаты в окопах шалели,
И падали в смертном бою,
Но жизни своей не жалели
За горькую землю свою.
У каждого личное имя,
Какое с рожденья дают.
Равняясь незримо с живыми,
Погибшие рядом встают.
В родимую землю зарыты,
Там самые храбрые спят.
Глаза их «ПОБЕДОЙ» закрыты,
Их подвиг прекрасен и свят!!!

От нас уходят старшие.

От нас уходят старшие, безвременно почившие –
Частицей нашей ставшие, работать нас учившие.
Их сердце остановится, а нам трудней становится,
Без очень нежной хмурости, без очень нужной мудрости.
И всё – таки прислушайся: земля как прежде вертится,
В их светлое присутствие мне почему – то верится.
Не верю слуху вздорному, что вот пришёл конец.
Нет, просто сердце взорвано на тысячи сердец.
Что создано - не рушится, и крепнет в нас самих,
Вечное содружество мёртвых и живых!

И всё – таки мы в смерть родных не верим.

И всё – таки мы в смерть родных не верим,
Она для нас пугающе чужда.
И равнодушны к тягостным потерям,
Дарованные вечностью года.
Всё тот же день, всё тот же лист осенний,
Слетев с берёзы кружится легко.
А мы живём в счастливом заблуждении,

Что где – то очень, очень далеко.
Ещё во ржи звенит кузнечик тонко,
Ещё траву босые ноги мнут...
А вдалеке так радостно и звонко
Нас молодые матери зовут!!!

Женщине.

Так благородна, так она чиста,
Когда при встрече дарит знак привета,
Что взору не подняться для ответа,
И сковывает губы немота.
Восторги, возбуждая неспроста,
Счастливой безмятежностью одета,
Идёт она – и кажется, что это
Чудесный сон, небесная мечта.
Увидишь – и как будто через дверцу
Приходит сладость через очи к сердцу,
Испытанными чувствами верна.
И дух любви – иль это только мнится? -
Из уст её томительно струится
И говорит своей душе она:
Вдохни, душа моя – любовь верна.

Судьба.

Судьба мне всё дала, что я хотела,
И лишь любви счастливой не дала,
Чтоб я не остывала, всё горела,
Чтоб вечно беспокойною была.

Чтобы меня закаты и рассветы
Тревогами несбывшимися жгли,
Чтоб голоса надежд моих неспетых
Звенели колокольчиком вдали

Чтоб понимала я, что кличет ветер,
Что говорят деревья и гроза,
Чтоб мучилась и плакала, как Вертер,
И грустных песен знала голоса.

Чтоб всё у мира брать и не бояться,
Сокровище души ему нести,
Чтоб щедрость и была моим богатством,
Чтоб всё отдать – а, значит, обрести.

Чтоб не была глухой к чужой беде я
И узнавать могла, пока жива,
Не пролитые слёзы и смятение,
И слышать затаённые слова.

Добро.

Пусть добро будет добрым назначено.
Злые платят за доброе злом.
Сколько ж было мне этак заплачено,
Но не жалуясь я – поделом.
Ошибаюсь и всё – таки верую
В человеческую красоту.
Душу хочется самую серую
Обелить и взметнуть в высоту.
Может быть, на меня же обрушится,
Чёрным камнем падёт с высоты,
но хочу, чтобы грязная лужица
Набралась ключевой чистоты
Человека не лучше досказывать,
Чем на голову мусор мести,
В моём сердце ходы не заказаны
Поскользнувшемуся на пути!

Старые слова.

Не обещай мне новых слов –
Не хочет сердце их.
Ещё хранит моя любовь
Свет старых слов твоих.
Они рождались под грозой
Тяжёлых наших дней.
И горькой выжжены слезой
Они в душе моей.
Оставь их мне – и тихий свет
Отжившим не зови.
Ведь ничего прекрасней нет
Тех старых слов любви!

Умей прощать.

Умей прощать, когда душа обижена,
А сердце – словно чаша горьких слёз,
И кажется, что доброта вся выжжена.

Ты вспомни, как прощал людей Христос.
Умей прощать. Прощанье – это сила,
А месть – бессилья признак роковой.
Ты камни не прощения в могилу
Возьми без рассуждения с собой.
Учись прощать, естественно, как дышишь,
Как воду пьёшь и ешь насущный хлеб,
Ведь Бог тогда твои молитвы слышит,
Когда в тебе горит прощенья свет.
Умей прощать, прощать не только словом,
Но всей душой, всей сущностью своей
Прощение рождается с любовью
В безмолвии молитвенных ночей
Учись прощать. В прощеньи радость скрыта.
Великодушье лечит, как бальзам.
Кровь на кресте за всех была пролита.
Умей прощать, чтоб ты прощён был сам.

Память.

На перепутье холмик со звездой:
Ни имени, ни звенья и ни даты.
Лишь лаконичность подписи святой:
«Могила неизвестного солдата».
Но среди тех, кто нёс Отчизне свет,
отстаивал в бою её победу,
Пока живу я, неизвестных нет –
Героев нет без имени – без роду.
И этот мне неведомый солдат,
Упавший от свинцового бурана.
Он мой отец и сын, мой муж и брат,
Моя незаживающая рана.
А на земле, где мира торжество
Хранит его последнюю обитель,
Бессмертие – вот звание его,
И имя мне известно – победитель!

Моя дорога.

Усталость не к лицу бывала мне,
И отдыхать старалась я немного.
Идти навстречу радости, весне –
Такую в жизни выбрала дорогу.
И только в этом истина моя:
Свет добрых дел всегда вдали маячит.

Творить добро – основа бытия,
Которая, поверьте много значит.
Творить добро! Что может быть верней!
И эта цель мне светит, как зарница...
Жить только так,, чтоб радостью своей
С людьми другими щедро поделиться.
Мечты людские, радость или грусть
Должны свой отзвук находить в совете.
Дороги этой я всегда держусь,
Тружусь во имя этого на свете...

Память о школьной поре.

Память, ты, пожалуйста, храни
Лица одноклассников, друзей,
Радостью наполненные дни,
Образы родных учителей.
Тех, кто нас всегда учил добру,
Кто нам душу отдал до конца,
Каждый день, встречая поутру,
В школе был за маму и отца.
Никогда мы вас не подведём,
Что вложили в нас- должны сберечь.
Низкий вам, наставники, поклон.
Пусть побольше будет тёплых встреч!

Родина моя.

Милый край! Родной неповторимый,
Сердце восхищается тобой.
О России я пою любимой,
Я пою о Родине святой.
Сколько бы дорог не прошагала,
Родины моей милее нет.
И надёжней в жизни нет причала,
Русь моя, лазоревый рассвет.
Синь небес, которой нет предела,
Журавлиный клин над головой...
От любви к тебе душа запела.
Родина моя! Горжусь тобой!
Жизнь земная очень скоротечна –
Чередой пролетят года.
Только ты, Россия, здравствуй вечно.
Связаны с тобой мы навсегда!

Любимой маме.

Тебя я помню, мама, молодой:
Кокою ты была тогда красивой!
Спокойно мне жилось всегда с тобой,
А ты такой была счастливой.
Сегодня, так же ласково опять,
Мне кудри теребишь, совсем как в детстве,
И как приятно нам вдвоём молчать.
Ты бережёшь меня от всяких бедствий.
И снова в сумерках ты за своих детей
Роняешь тайно на подушку слёзы,
А волосы становятся белей,
Как белый иней в зимние морозы.
Теперь мы знаем, это не спроста.
Ты нам души частицу отдавала
И твоя, мама, ласка, доброта
От всех невзгод, несчастий нас спасала.
Так оставайся вечно молодой
И радуй нас своей улыбкой нежной,
И согревай душевной теплотой,
Дари тепло нам, веру и надежду.

А нужно мне совсем немного...

А нужно мне совсем немного!
Любимой тихое «прости»,
Ещё - не близкую дорогу,
И слово доброе в пути.

А нужно мне совсем немного...
Родимый край и отчий дом
И, чтобы мама у порога
Коснулась ласковым плечом.

А нужно мне совсем немного...
Поймать летящую звезду,
Чтоб люди не судили строго,
Судьба пусть отведёт беду.

И лишь не нужно мне покоя
Покой и жизнь не совместить.
О, жизнь! Так что это такое?
Кто может это объяснить?

Осенний мотив.

Ранним утром, осенью румяной,
Надышаться вволю не могу:
Льётся в грудь струёю воздух пряный
На недавно скошенном лугу.

Смотрит солнце из-за туч в окошко,
Манит в лес заядлых грибников –
Хорошо в лесу теперь с лукошком
Поискать тугих боровиков!

Куст росой окатит, как из шайки.
Филин крикнет: «Дядя, будь здоров!»
Щёлкнут лихо белки – попрошайки,
Чтоб оставил им боровиков.

И под клёкот всполошной, совиный,
Под настойчивый вороний спор
Опущусь я у куста калины,
Сухих веток подложив в костёр...

Ты один у меня навсегда.

Ты один у меня навсегда,
Без тебя опускаются руки.
Даже день без тебя мне беда.
Этот день, словно годы разлуки.
Улыбнёшься – мне станет легко,
Загрустишь – и я тоже скучаю.
Если ты от меня далеко –
Дни рожденья твои отмечаю.
Ты один у меня навсегда!
Без тебя вижу мир по – другому.
Пусть нам вместе не быть никогда,
Но жила бы с тобой по – иному.
И пускай не пришло наше утро,
Не связалась в одну жизней нить,
Стала я и серьёзной, и мудрой,
И любовь ту смогла оценить.

Счастья миг.

Бабьим летом я очарована,
Сказкой осени.

Листопадами околдована,
Неба просинью
Вновь пришло оно, запылало
Лишь для нас.
Подарило любовь запоздалую
Нам сейчас.
Будут яркие солнца струи –
Праздник мой.
Драгоценные поцелуи –
Мне одной.
И головушка закружится
Без вина
И любовь вновь вернётся птицей
В тайне сна.
Серебристое бабье лето –
Счастья миг.
Тонет в ярких красках рассвета
Птичий крик...

Юбилей.

Сегодня у подруги юбилей.
Поехать не могу: рубли поют романсы.
Ты без меня гостям устроишь танцы,
А в мой бокал шампанского налей.
И платье то, красивое надень,
Укрась причёску прядями седыми.
Конечно, хорошо быть молодыми,
Но ты прекрасна будешь в этот день.
Пусть гардероб у нас не первый класс
И на невест давно уже не тянем,
И внуки наши – «инопланетяне» -
Давным –давно не понимают нас.
Им всё даётся быстро и легко,
И этому не стоит удивляться.
Пусть внукам дорогим уже за двадцать.
До наших душ им, ох, как далеко!
Пускай ханжи трезвонят нам отбой,
Но не печалься, милая, напрасно.
Ты, как Вахтанг, считай года богатством.
Что ж остаётся нам ещё с тобой?

Последний звонок.

Вот и всё. Вновь прощальный звонок
Возвестит об уходе печальном.
Пронесёт его трель ветерок,
Обернётся он звоном хрустальным.

Он коснётся притихших ребят,
Струны сердца перебирая.
Вроде каждый этому рад
Только рад ли? Теперь уж не знаю.

Сколько ждали все этого дня,
Чтоб забыть и уроки и парты.
Годы школьные в сердце храня,
Выходить им на новые старты.

Пожеланья, улыбки, цветы...
Всем основам ребят научили.
Пусть сбываются ваши мечты!
Двери в завтра для вас отворили!

Школа, школа! Последний звонок!
Праздник ваш и линейка проходит.
Класс, учитель, прощальный урок.
Так из детства ребята уходят.

Учителям.

Коллеги! Я желаю вам,
Чтоб ваше сердце не остыло.
Назло всем жизненным штормам
До цели б сил доплыть хватило.
В конспектах меньше слов писать,
Чтоб мыслям было в них просторно.
Не всё на веру принимать
И отделять от плёвел зёрна.

Желаю вам учеников,
Кто искрой божьею помечен!
Надежда, вера и любовь-
Союз их с вами будет вечен.

В огромном мире фраз и слов,
Слов точных, нужных доискаться,
И чтоб смогли, в конце концов,
Ребёнку в душу достучаться.

Тихая забава.

Дело самое простое
Полчаса всего ходьбы.
- Не пойдёшь ли ты со мною,
Дорогая, по грибы?

Неба синь приятна глазу!
Утро, свежесть – красота!
Повела тропинка сразу
В заповедные места.

Здравствуй, тихая забава!
Ходим- бродим не спеша...
Глянем влево, смотрим вправо:
Ах, забава хороша!

Вон мигнул вдруг ярким «глазом»
Подосиновик у пня,
Сыроежки рядом сразу –
Вместе – дружная родня!

Белый гриб весьма картинно
Командирский принял вид.
И по чёткой стойке «смирно»!
Подберёзовик стоит...

Бьёт поклоны раз за разом,
Но усталости ничуть!
Рады мы грибов проказам:
Не дают нам отдохнуть!

Бесплатная лечебница.

Бежит за парком, стелется,
Просторами маня,
Бесплатная лечебница –
Декабрьская лыжня.

Забудь года преклонные,
Лети, как в детском сне,
Там, где озёра сонные
Вздыхают о весне.
И там, где спят беспечные
Речные берега,

Где пахнут стылой вечностью
Стерильные снега

У края царства снежного
Постой без суеты –
И с новою надеждою
На мир посмотришь ты.

Все беды перемелятся,
Ты только поспеши
В бесплатную лечебницу
Для тела и души...

Цветы России.

Я у отцовского крыльца
Стою, как прежде, на рассвете,
Уж нет ни мамы, ни отца,
И я одна за всё в ответе.
Крылечко заросло травой,
Скосить бы надо, вот забота,
Но вся крестьянская работа
Давным – давно забыта мной.
Клянусь и я не дам промашки,
Пока трава блестит росой...
И грустно падают ромашки
Под старой папиной косой.
Давно ли я на вас гадала
О светлой девичьей судьбе,
Давно ли вас в венки вплетала
Сестрёнке младшей и себе?
Давно... то были ваши предки,
Лужайка гола. Боже мой!
Лишь уцелевший лютик едкий
Качает рыжей головой.
«Что натворила, неумеха?
Кому слова любви шептать?
На свете одиноким плохо,
Тебе ли этого не знать?»
Ромашки, лютики, простите,
Что я за много лет и дней
Забыла все цветы России
И малой родины моей.

Бандурина Тамара Владимировна

Родилась в 1962 году в селе Михайловка Железногорского района Курской области. Когда прокладывалась дорога «Киев – Москва», вместе с родителями переехала в Хомутовку. С интересом училась в школе, с желанием занималась общественной работой, была активной комсомолкой. В школьную пору написала первые стихи, которые были посвящены, в основном, красоте природы родного края.

По окончании школы поступила в Рыльское медицинское училище, которое закончила с отличием в 1981 году. Вышла замуж за выпускника Рыльского училища гражданской авиации, уехала к нему на родину, в Якутию.

На севере Т. Бандурина прожила 13 лет. Работала воспитателем в детском саду, а затем заведующей детсадом аэропорта Якутского управления гражданской авиации. Окончила Читинский государственный педагогический институт имени Н.Г. Чернышевского по специальности «Педагогика и психология». Писала стихи о суровом северном крае, о людях, живущих в холодных широтах. В Якутии у Тамары Владимировны родился сын. Во времена перестройки она вернулась на родину. Устроилась на работу в редакцию районной газеты. Была корректором, корреспондентом.

В данный момент она – заведующий отделом общественно – политической жизни. Газетная работа Тамаре Владимировне нравится, поскольку она даёт пищу для ума, возможность познакомиться с интересными людьми, настраивает на оптимистическую волну. Т.В. Бандурина продолжает писать стихи. Как правило они о Родине, о её защитниках, о прекрасных русских женщинах. Она не стремится попасть на страницы альманахов, а пишет просто для души в минуты радости или грусти.

Был присяге он верен и смел.

Нет, от армии он не «косил»,
Служить честно тот парень хотел,
И когда уже форму носил
Был присяге он верен и смел.

На афганской земле воевал,
Где пустыня, жара и песок.
Он в разведке друзей охранял,
Чтоб дождались их матери в срок.

Был в засаде в горах его взвод.
Там минуты, как вечность, текли.
Автомат наготове. И вот
К этой точке душманы пришли.

- Волга! Волга! – радист вызывал.
- Бой неравный! Мы помощи ждем...
Паренька того друг бинтовал
Под смертельным свинцовым огнем.

Уложили всех «духов» орлы -
Подоспел к ним из части расчет.
От стрельбы накалились стволы...
...А за ним прилетел вертолет.

Там – война. Здесь – стерильность, покой.
На щеке у хирурга – слеза.
- Слава Богу, солдатик живой, -
В коридоре сестричке сказал...

Святое звание – солдат.

Промчатся годы, сотни лет,
Но, знаю, будет свято
То званье, что достойней нет –
Стран родной солдата.

Солдата, что влюблен до слез
В закаты и рассветы
И в синь небес, и в свет берез...
И бережет всё это!

Солдата, что врага громил
Под Курском и в Варшаве...
Он лишних слов не говорил
И не мечтал о славе.

И, поднимаясь во весь рост,
Шагал под пули снова.
Он был так горд и был так прост
На той войне суровой.

Он выжил, столько испытал,
Врага сломив отвагой.
«Мы победили!» - написал
Он на стене Рейхстага.

Ветеранам далекой войны.

Жаль, уходят от нас ветераны,
Их немного сегодня осталось.
Чаще ноют их старые раны -
Им наследство такое досталось.

Нет в строю тех безусых солдат,
Что в разведку, в атаку ходили.
Молодыми со снимков глядят,
Честь и славу они заслужили.

Их комбата давно уже нет.
Он геройски погиб в сорок пятом,
Не увидев победный рассвет,
Приказав только выжить ребятам.

Их всё меньше в чеканном строю –
Рядовых, командиров бесстрашных.
Защищая Отчизну свою,
Шли в бессмертье, в огонь, в рукопашный...

Ветераны далёкой войны! –
На мундирах награды сияют.
Сердце бьётся с приходом весны –
День Победы герои встречают!

Поле.

...Сорок третий
Дымилось поле, затмевая свет,
Затишье после боя, на рассвете...
Как дорог мне тот пепельный рассвет!

Промчались годы, но минуты эти
На Прохоровском поле не забыть.
Мы были за страну тогда в ответе,
И цель была одна – врага разбить!

Она в бою нам придавала силы.
Мы шли в огонь с единой целью той –
Ценою жизни защитить Россию.
И защитил её солдат простой!

Свистели пули и снаряды рвались.
Вновь – пепел, чад и страшные бои,
Но мы опять в атаку поднимались,
Окопные товарищи мои.

На Огненной дуге упрямо, долго
Мы шли, ползли, чтобы страну спасти.
И не было для нас важнее долга
На смертном том, единственном пути.

И нынче вспоминаю я об этом,
И часто сорок третий снится мне.
Как будто бой затих перед рассветом
На Прохоровском поле, на войне...

Вы – прекрасная весна!

О, женщины! Покуда шар земной
Вращается в космических высотах,
Вас будут сравнивать с прекрасною весной
На всех материках, на всех широтах.

О, матери! В вас столько доброты!
Она излечит от любых недугов.
А сколько в вас душевной теплоты!
Она согреет, если очень туго.

Любимые! Горды вы, как запрет,
Но чувств поток на подвиг вдохновляет.
Спасти способны вы от всяких бед.
Тот, кто любил, об этом точно знает.

Земные женщины! Пускай летят века,
Колючий ветер во Вселенной дует,
Но на холсте художника рука
Ваш светлый образ снова нарисует...

Мама.

И грустный час, и радости мгновенья,
Чтоб в жизни не случилось с нами,
Идем всегда, летим без промедленья
К одной – единственной, любимой маме.

Утешь, родная! Помоги скорее!
Развей мои печали и тревоги!
И мама сердца теплотой согреет,
И доброй пожелает нам дороги.

Нарушит тишину в ночи звонок,
Любимый голос в трубке раздается:
Шлет матери привет родной сынок,
От счастья ее сердце чаще бьется.

Нас окрылит, подскажет и поймет,
Одарит щедро лаской и любовью.
Святая мама от беды спасет.
Колено преклоняю пред тобою!

Страж порядка.

Обычный парень – не герой телеэкрана.
Он прост и сдержан, по Уставу скромен.
И жизнь свою не списывал с романа,
Хотя, пожалуй, он его достоин.
Ведь каждый день – дежурства, рейды, люди.
Звонки, звонки... Уж телефон краснеет!
Он обязательно везде побудет,
Коль обещал, так значит все успеет!
«Крутые» схватки, выстрелы, погони...
В засаде сердце часто замирало.
И он всегда об этом будет помнить.
Любой его издалека узнает –
Серьезен, аккуратен и спокоен.
По улице порядка страж шагает,
И формы милицейской он достоин!

Князева Людмила Викторовна.

Людмила Викторовна работала преподавателем русского языка и литературы в селе Надейской основной общеобразовательной школе Хомутовского района, которую когда – то окончила сама. Рассказывая о себе Людмила Викторовна вспоминала, что первые её стихи родились ещё в детские годы. Но осознанно за перо она взялась в 18 лет. Её талант пригодился, когда она пришла на работу в школу, где для подготовки уроков и мероприятий она использовала собственные стихи. Каждому ребёнку старалась привить любовь к родному языку, показать его красоту и многообразие.

* * *

Горят на солнце купола,
И воздвигают люди храмы-
Жива ещё земля моя
Собрав любви и чести граммы.
Но страшно ей тонуть вот лжи,
Теряя веру и надежду.
Скажи мне, Господи, скажи,
Неужто ей быть самой грешной?
Неужто сыну не понять,
Что уважать отца пристало?
Что убивать и зла желать-
Своей же гибели начало?
Неужто зависти стена
Между людьми навеки встала?
Неужто жизнь обречена?...
И небо тихо отвечало:
«Горят на солнце купола
И воздвигают люди храмы-
Жива ещё земля твоя,
Собрав любви и чести граммы».

* * *

Теряют то, что имеют...
Обида в буше и грусть.
А листья в поле немеют.
Немеют. Ну что ж...Ну и пусть,
Утрата тогда больнее,
Когда потеряешь своё.
А листья летят, немея,
И боль в душе до краёв.
И жить с этой болью листьям,
И верить, и вновь любить.
Теряют то, что имеют!!!
Как в этом себя убедить...

* * *

Разбилось счастье в пух и прах
Но где – то там, где небо голубое
Осталась глаз любимых синева,
И взгляд, и вздох, и нежное ,простое
«Привет, родная, как идут дела?»
Как много их на свете нелюбимых:
Пустое сердце, тишина вокруг...
В далёких далях (голубых, незримых)
Они ещё надеются на «вдруг»
(Мы всё ещё надеемся на «вдруг»)

Ложь.

Руки, что прикасаются нежно,
Не обманут тебя никогда
В них и тепло , и надежда,
С ними беда – не беда.
Губы, что шепчут ласково,
Не предадут никогда.
И будет красивою сказкою
Их тихое «навсегда»
Глаза, что глядят преданно,
Тебе подарят покой.
Несчастья, печали и беды все
Закроют своею синевой.
Сердце, что ровно поделено,
Будет твоим... И всё ж.
Тихо придёт предательство,
А с ним еле слышно лож.
Ничего не потеряно,
Никого не ждала,
Ни во что не поверила,
Ни за кем не пошла.
Ничего просто не было.
И никто не любил...
Только счастье на паперти
Да небесная пыль.

Нелепость.

Как подчас нелепо облака смеются,
Награждая мир потоком слёз.
Как подчас хочу я к капле прикоснуться,
Выпив залпом рокот майских гроз.

Я ладони к небу – счастье на ладонях,
По щекам дождинки и весна.
Жизни пробужденье в нежных перезвонах,
И по лужам шлёпает душа.
Глупо и нелепо всё в дожде весеннем:
Смыто всё, всё заново рисуй.
Капля на ладони, рук прикосновение,
Твой такой нелепый поцелуй.

* * *

Однажды на снежной тропинке
Мне встретился старец седой.
В глазах – пустота и льдинки,
Котомка за узкой спиной,
Взглянув на меня с мольбою,
Спросил он глоток воды,
Сказал : «Всё, что есть в котомке,
Это получишь ты»
Я, поглядев на старца,
Его оценив на вид,
Сказала: « Тебя мне жалко,
В котомке ведь ветер свистит».
И тихо по снежной тропинке
Я мимо него прошла...
А в душу прокрались льдинки,
И мёрзла, и стыла душа.
Старец, расправив плечи,
Вдогонку мне крикнул: «Стой,
В котомке моей было счастье-
Ты снова прошла стороной...»
Исчез он в метели белой
(Котомка за узкой спиной).
И долго в тиши звенело:
«Сама ведь прошла стороной»...

Заброшенный дом.

Его оставили, сменили на другой.
Куда –то в лучшие квартиры перебрались.
Его оставили наедине с весной,
И даже попрощаться не пытались.
А по окошкам – капельки дождя,
Как слёзы одиночества, стекают...

Нелюбимые.

Как много на свете – нелюбимых.
В глазах тоска, в душе печаль и страх.
В далёких далях (голубых, незримых)
Кто такая «любимая женщина»
(называешь ты так меня)?
Я – ничто, я – в судьбе твоей трещина,
Я и боль, и твоя вина...
Кто такая «любимая женщина»
Ты же любишь её не так.
С ней (увы) не со мной, обвенчан ты,
Я же в жизни твоей пустяк.
Я любимая? ... Не обманывай.
Ты ведь делишь всё в жизни с ней.
Я любимая... Только знаешь ты,
Что не будет её родней.
Но не сетую и не плачу я,
Просто жду, не тая обид:
Может быть, поступлю иначе я,
И она мне всё объяснит.
(Кто такая любимая женщина?!!)

Аксёнова Валентина Егоровна.

Жительница села Ярославка Хомутовского района. Очень любит поэзию, окружающую природу. Все свои чувства она выражает в стихах.

О своём увлечении она говорит так: « Мне поэзия придаёт уверенности, сил бороться с болезнями и жизненными передрыгами. А всего этого у меня, поверьте, хватает. Трудное детство, ранняя инвалидность. Не знаю, как бы я себя ощущала душевно,, если бы не увлечение стихотворчеством».

Осеннее.

Холодный ветер рвёт листву
и гонит прочь,
Гуляет осень за окном-
злой выюги дочь
А я пою, под эту музыку пою...

* * *

Нахмурилось небо,
Всё плачет и плачет,
И ветры такие, что стынет душа.
Покинули край мой тепло и удача,
И осень пришла , камышами шурша.
Пролила на землю обильные слёзы,
И охры пустила на листья кустов.
Поникли осины, поблёкли берёзы,
И нет на лугах больше ярких цветов.
До нового лета, до птичьих куплетов
Затянутый тиной грустит старый пруд.
И только рябины оранжевым цветом,
Да алым рубином калины цветут.

Моя берёзонька.

С тобою вместе мы росли.
К тебе, любимая берёзка
Я прибегала посмотреть
На белокурую причёску
Ты распускала свои косы,
Ты опускала вниз глаза,
И наша грусть, и наши слёзы
Сливались, как одна слеза.
Ведь жизнь моя – сплошная рана,
Сиротская моя судьба.
Но ты мне сок свой предлагала

И грела, ласково любя.
Тебе я душу открывала,
Тебе я верила тогда.
Меня всегда ты понимала,
Меня жалела ты всегда.
Мы подросли и я умчалась
В манящие, как свет, края,
Но мне нигде не повстречалась
Как ты, берёзонька моя.
А говорят: вдали от дома
Богаче жизнь, веселье, смех.
А для меня моя берёза
Дороже и милее всех.
И, бросив всё, я возвратилась,
В родные милые края,
Где на пригорке неизменно
Стоит берёзонька моя.
Меня увидя, тихо ахнув,
Склонила ветви до земли.
А я прижалась к ним губами
И прошептала ей «прости».
Прими меня назад, берёза.
Ведь я вернулась навсегда...
И наша радость, наши слёзы
Слились на многие года.

Спасибо, родная!

Родная моя! Не случайно
Судьба нас стобою свела.
Взяла ты нас на воспитанье,
Когда наша мама ушла.
Твои материнские руки
Ласкали нас и жалели,
О них вспоминали в разлуке,
Как в жизни они нас согрели!
Растила ты нас и лелеяла,
И нам помогала учиться,
И зёрна добра в нас посеяла
Дай в ноги тебе поклониться!

Рыжий телёнок.

-Эй, просыпайся, Людмила,
Сколько тебе говорить!

Слышишь, сама ведь просила
Рано тебя разбудить...
Девочка смотрит спросонок,-
Только занялся рассвет.
Маленький рыжий телёнок
Ночью родился на свет!
Ферма за редким лесочком,
Близко, рукою подать!
Мать поспешает за дочкой:-
Ишь, как бежит, - не догнать!
Сердце колотится громко.
Вот он свернулся клубком.
Добрая рыжая Зорька
Лижет его языком.
Пахнет землёй с огорода,
Сеном, покоем лесным.
Тихо ласкает природа
Первенца ранней весны.
Вербa затеплила свечи.
Звёзды рассеяли тьму.
Тянет дитя человечье
Тонкие руки к нему.
Шепчет: «Какой ещё маленький!
Ты подрастёшь, ничего...»
Словно траву на проталинке,
Трогает шерстку его.

Память.

Пожелтевшие снимки солдат.
Запылённые гимнастёрки,
Да шинели в чуланах висят,
И упрятаны в шкаф «похоронки».
Это память о страшной войне,
Когда с запада чёрною тучей,
По родной цветущей земле
Крался немец змеёю гремучей.
Много тяжких дней и ночей
Ты страдала, моя Отчизна,
Как могла, спасала людей,
Возвращая их к светлой жизни.
Пожелтевшие снимки солдат –
Это память для поколений
Гимнастёрки музеи хранят
Да поношенные шинели.

Доярка.

Ещё темна округа, ещё гуляет вьюга.
И не видать тропинки, и вся деревня спит.
А я спешу на ферму, где ждут меня бурёнки
И как маяк на море здесь лампочка горит.
Звёздочка, Ромашка, Золушка, Красотка,
Вишня и Калина, Ласка и Ранет,
Милка и Графиня, Роза и голубка...
Во всём районе лучше моих бурёнок нет.
И если получается я с ними разлучаюсь,
Не нахожу я места, поверьте, и во сне,
Везде они со мною и я по ним скучаю,
И без моих бурёнок не жить, наверно, мне.

Дорожные зарисовки. (Эссе-размышление)

Я люблю дорогу... Нигде более не вырисовывается так ярко и полно жизнь российской глубинки, родной и близкой русскому человеку.

Наверное, вы будете удивлены, если я скажу, что люблю ездить на автобусе. Катится не спеша старенький «пазик», пыхтя, останавливается у ярко раскрашенных дорожных будок – (примете современной цивилизации). Водитель поспешно «обелечивает» пассажиров, а я невольно наблюдаю, сидя у окошка, слушаю, иногда улыбаюсь, радуюсь...

Чему? Например, тому, как терпеливо ждёт водитель припоздавшую старушку, как переживали пассажиры за неё: успеет ли?

Запыхавшаяся, румяная, но с весёлыми живыми глазами, бабулька шустро вваливается в автобус, спеша поскорее оплатить проезд. Святое дело! Шурша бумажками, бережно, уважительно складывает денежки в кошелек и, взметнув цветастым фартуком, уселась, поправляя платок, отряхивая юбку. Вдруг, наклонившись, рукой провела по новеньким кроссовкам, стряхивая налипшие травинки на модной обуви, и, вскинув глаза на невольных зрителей, с доверчивой откровенностью сообщила:

- Внученька свои подарила, кроссовки!

- Вот и ношу, мягонькие!

Наверное, только в русском человеке есть такая удивительная открытость и доверчивость к людям, святая вера в хорошее.

Эту готовность видеть добро в жизни, дарить своё тепло людям заметила я, наблюдая, как единственный мужчина, военный в отставке, каждый раз помогал односельчанам, подавая в автобус тяжёлые сумки и ведра, полные продуктов, предназначенных для продажи. Всех усаживал, а сам очень часто ехал стоя.

Вот уж настоящий урок для молодых...

... На обратном пути пассажиры те же, разве что добавился к ним крепенький старик, аккуратно и чисто одетый, приземистый, основательный, похожий на гриб – боровик. Крупными рабочими руками он придерживал на коленях новенький, пахнувший кожей хомут и гладкую, блестящую дугу!

Бабульки с любопытством поглядывали на необычного пассажира и его не менее необычную поклажу, а мужики, не раздумывая, спросили напрямик:

- Кому такой подарок везёшь?

- Далеко ли едешь?

- Да вот в Надейку, к брату. Только давно в этих краях не был, боюсь, пропущу остановку.

- А мы тебе подскажем! – с готовностью подхватили старушки!

- Там всё леском пойдёшь, а может, и подберёт кто!

Все оживились, засуетились, стали спорить, как и где лучше сойти, чтоб добраться поскорее.

Я, единственная, кто не принимал участия в этом добром споре по причине незнания местности, краем глаза заметила в окно вдали телегу, набитую сеном, рыжую лошадь с жеребёнком, старика...- абсолютную копию нашего, только загоревшего на солнце до черноты, рядом с ним внука лет пяти - точную копию своих дедов! На телеге, весело помахивая хвостом, прыгала собачонка – она первая заметила автобус.

... Все пассажиры вышли провожать старика. За несколько минут они сроднились, как будто знали друг друга вечно...

Я радовалась вместе с ними...

Это мой народ, моя малая родина, моя страна, которую я бесконечно люблю...

/ Осень 2013 года, посёлок Хомутовка/

НЕВОСПОЛНИМАЯ.

... По широкому лугу бегут, торопятся, толкая друг дружку, босоногие мальчишки и девчонки. В руках одной из девочек – стеклянная банка с лягушонком:

- Скорей...

- Женя, сказали, поможет.

- Мамка сказала, что Женя всем помогает, к ней бегите...

Женя – это моя мама. Первый человек в деревне, без неё –никуда. Она фельдшер. Старики зовут её Осиповна, некоторые – Евгения Осиповна (это те, кто «из интеллигенции»), а чаще – Женя.

Сколько тепла было в этом слове! Отец, смеясь, говорил: «Это тебе высшее доверие, Женя, оказывают!»

Лягушонку переломили лапу... Нужно было видеть эту картину: на зелёном лугу, прямо возле медпункта, мама в белом халате и стайка ребятишек – ассистентов. Пришлось накладывать шину по всем правилам, и выжил пучеглазый! Спасла его моя Женя!

Люди любили её: «Нас много, а Осиповна одна». В медпункте работали две «докторши», но чаще старались попасть на приём к маме:

«Женя и словом лечит».

В деревне жизнь как на ладони: ничего ни от кого не утаишь, не спрячешься от людского глаза, не sluкавишь...

Больные шли и днём, и ночью. Помню, у порога всегда стояла наготове сумка с красным крестом. Стук в окно ночью – и сумка отправлялась вместе с хозяйкой кого – то спасать.

Иногда к больному отвозили на лошадке, а обратно шла пешком – было и такое. Почему – то она безропотно принимала всё...

Вся её жизнь – лучший урок для меня, лучший пример. Я видела, как по – настоящему могут быть благодарны люди, помнить добро, и это тоже урок нам.

Однажды весной мы с мамой поехали в деревню проводить родственников. Мама уже не жила там по семейным обстоятельствам и фельдшером не работала.

Заночевали. А утром я увидела в сених на скамеечке ведро сморчков – первых весенних грибов – и кувшин молока. Тётя Оля, родственница, сказала, заметив мой взгляд: Петька, сосед, принёс. Приказал: «Осиповне отдай. Я слышал, приехала она»... И уехал в поле.

Нет ничего дороже этого деревенского гостинца, и нет ничего дороже благодарности и памяти о моей матери, человеке светлой души!

Говорила ли я ей, что люблю её? Конечно! Но мне кажется – мало, не так...

Можно ли восполнить всё, что связано с ней? Нет, конечно...

Невосполнимая!

Лицом совсем не строгая...

Ещё вчера была моя,

А стала Богова.

Курчан Вера Владимировна.

«Как я докатилась до жизни такой, или нет худа без добра».

(Эссе на тему: фразеологизмы)

Взяла я на карандаш всё, что поведали нам на курсах, и решила идти в ногу со временем. Звёзд мы, конечно, с неба не хватаем, но привыкли работать не за страх, а за совесть. Во время такой работы поймала я себя на мысли о том, что необходимо провести в девятом классе урок внеклассного чтения по русскому языку. Эта самая мысль давненько засела гвоздём в голове: тема актуальная, моим добрым молодцам и красным девицам была бы хорошим подспорьем в подготовке к ГИА и ЕГЭ.

Нужная книга оказалась под рукой. Окунулась в неё с головой и, прочитав от корки до корки, приняла решение при разборке урока идти вслед за автором.

Работа - за неимением времени шла ни шатко, ни валко. Но вот уже появился и свет в конце тоннеля. Вот уже и финишная прямая... Осталось только презентацию подготовить.

Закидываю удочки во всемирную паутину, чтоб иллюстрации подобрать, пробегаю глазами по разным страницам и вдруг обнаруживаю...

Нет, я, конечно же, не сбрасываю со счетов, что отыщется работ на эту тему видимо-невидимо, но чтоб так, один в один... Забежали вперёд меня на целых три года- урок-лекция и презентация к нему любо – дорого смотреть!

Душа в пятки ушла. Схватила я за голову и стою ни жива ни мертва. никак в толк не возьму, что же дальше делать.. С тяжёлым сердцем отправилась на боковую, решив, что утро вечера мудренее.

Пришло новое утро, но обида по – прежнему гложет, на душе кошки скребут от того, что осталась у разбитого корыта. А время не терпит. Поплакалась в жилетку коллегам – те только руками развели. Земля из под ног

уплывать стала. Всё, погибла я, как швед под Полтавой, ведь через три дня зачёт на курсах. Пригвоздят к позорному столбу. Кому ж охота быть шутлом гороховым?

Бреду по школе с повешенной головой. Откуда ни возьмись наш директор со своей неизменной поговоркой: «Палка – то о двух концах», брошенной кому – то на ходу.

Ухватила я за эту спасительную соломинку двумя руками:

- А не попробовать ли то же самое с конца?- завертелась в голове мысль.- Не пойти ли от обратного? При желании и за короткое время можно своротить горы. Решила, что я не буриданов осёл, а вольный казак. Сама кашу заварила-сама буду и расхлёбывать.

Темна вода во облацех, но некогда сидеть сложа руки. Приступила к делу не откладывая в долгий ящик. Пришлось начинать с азов. Посмотрела на свою тему другими глазами и не спеша вошла в колею. Знала, что Америки не открою, зато материал в сознании детей в систему приведу.

Хоть и продвигались дела черепашьям шагом, но удалось убить двух зайцев: работа готова, и с компьютером ближе сошлись. Вот уж поистине нет худа без добра.

А теперь подвожу черту: положила руку на сердце уверяю, что, как бы там ни судили ни рядили, но это что ни на есть моё собственное сочинение-тут уж комар носа не подточит. С распростёртыми объятьями приглашаю всех на открытый урок внеклассного чтения по книге Гвоздарёва Ю.А. «Фразеологизмы русского языка».

Милости просим!

Генеральная уборка, или немая сцена.

(юмористический рассказ)

Каждый человек хочет быть самостоятельным, а уж тем более пятиклассник.

Наша учительница, будучи вечно занятой в старших классах, доверили нам генеральную уборку класса, предупредив только, чтобы стёкла не трогали. Обещала похвалить нас. Гордые таким обстоятельством, мы серьёзно принялись за работу сразу все вместе.

Набрали в ведро воды, насыпали в него стирального порошка побольше, решив, что кашу маслом не испортишь. Это нам Денис Кейсов подсказал, а он у нас умный: весь мультфильм про почтальона Печкина рассказывает..

Пока Ленка болтала в ведре рукой, чтоб порошок разошёлся, Артём успел стереть насыпавшийся за день на дощечку крошки мела и стряхнуть тряпку в ведро. Потом он и из ящичка для кусочков мела вытряхнул в ведро меловую пыль. И это разболтали. Кто – то засомневался, а не будет ли разводов после уборки. Но Паша Полесков всех успокоил: «Не будет, потом чистой водой протрём». А он у нас авторитет: уже «Физику» читает. И это разболтали.

А народ спешит, снуёт туда- сюда, к ведру и обратно. Драим на совесть всё: парты и стулья, панели и полки, на которых стоят книги. Кто справился со

своими партами, принялись маленькими тряпочками оттирать грязь в неровностях на полу.

Быстро идёт работа. Спешим. Договорились до конца урока управиться и уйти из сияющего чистотой класса, пока не пришла учительница. Пусть порадует, какие мы у неё молодцы!

Уже и новая вода стала белой, потому что мы второй раз протёрли всё, что вымыли. «Давайте ещё разок сполоснём, чтоб уж наверняка было» - предложила Настя. Она хоть и моложе всех у нас в классе, но послушать её согласились: дело говорит.

Сунули дружно тряпки в воду- вода вмиг белою сделалась. Отжали посуше и пошли снова свои рабочие места натирать, благо, время ещё терпит. Порядок. Стоим, любимся, проверяем, ничего не забыли...

Тут Катюша Курдина вспомнила, что она отвечает за цветы. Надо бы их протереть. И точно! Побежали все к цветам, схватили все по одному и давай тряпками хрупкие листочки от пыли избавлять. За пять минут избавили. Теперь всё в норме. Сейчас звонок, пора уходить.

Воду из ведра вылить некогда, спрятали ведро в угол, тряпки – в нижний ящик шкафа, где хранятся туфли нашей учительницы. Схватили портфели и быстрой и шумной толпой скатились по лестнице на первый этаж. Звонок! Успели...

Наутро мы, счастливые, ждём у двери класса учительницу с ключом. Каждый втайне надеется, что его работу оценят особо.

И вот дверь открывается, мальчишки, как всегда, вежливо пропускают девчонок вперёд. Те вошли, но почему – то не проходят дальше, как окаменели. Мы поднажали сзади, протолкнулись тоже...

Та картина, что открылась перед нами, ошеломила. Посреди осени в нашем классе... зима. Узоры на стульях и столах, на полках с книгами и на полу, цветы подёрнулись инеем.

Молодцы! – сказала учительница, - все молодцы!!!

Эксперимент. (по Некрасову)

Сегодня школа вымерла,
Хозяева отсутствуют,
И в тишине немислимой
Идёт эксперимент.
Одиннадцатиклассники
Из сёл окольных съехались
Чтоб выполнить задания
Ужасные ЕГЭ.
А показать им надобно
Как научились в школе все
Владеть «великим русским
Могучим языком»

Все классы опечатаны
Чтоб кто –то - не бай Бог-
Там не засел случайно
Да детям не помог...
И каждый изолирован,
Сидит под номерком,
Дрожит , как лист осиновый,
С штрихкодовым листком.
Припомнить он старается,
как слово написать,
Где запятая ставится,
Чтоб «двойки» избежать.

Спросить бы у соседа,
Как слово образовано,
Где ударенье ставится-
Толь стругать, то ль стругать?
Но вряд ли. Не решится он:
Шесть глаз за ним следят.
А тот сидит, задумался,
Понять, бедняга, силится:
«Эксперт»- «эксперимент»?...

Метафоры, эпитеты,
Литоты иль гиперболы,
Синекдоху, градация -
(Сам чёрт их не поймёт!)
Найти быстрее стараются.
Но нет... Не получается!
С волненья всё забылося!
А время... Время жмёт.

-А что морочить голову,
Мозги свои засаривать!
Поставлю эти крестики
Я просто наугад
Тем более, что опыт –то
В таких делах имеется.
Ведь в «крестики и нолики»
Я десять лет играл
Глядишь, звезда счастливая
Посветит на удачу мне.-
Билет счастливый выпадет.
Так что же мне страдать?!

-Ой, текст попался, батюшки,
Всего три предложения!
О чём – не разберу.
Какая –то кибернетика
Сто раз упоминается
Слова –то все заумные,
Что значат - не пойму.
Что стиль научный – точно же!
Но как быть с сочинением,
Где наскрести словечек мне
Хотя б сто пятьдесят?

А дома мамы с папами
За них, сердечных, молятся.
Переживают, томятся
В углу учителя,
Семь лет назад которые
Детишек этих приняли,
Дорогой знаний трудною
Вели до дня экзамена,
Но рядом быть, увы, нельзя-
На то эксперимент.
А «С» задание требует,
Чтоб выпускник был искренен,
Чтоб мысли, чувства автора
Сумел бы он понять,
Потом интерпретировал,
Доверился бумаге, чужому человеку,
Что будет проверять,
Который и не знает-то его наверняка:
Штрихкоды заменили лицо ученика.

Исаенкова Татьяна Михайловна

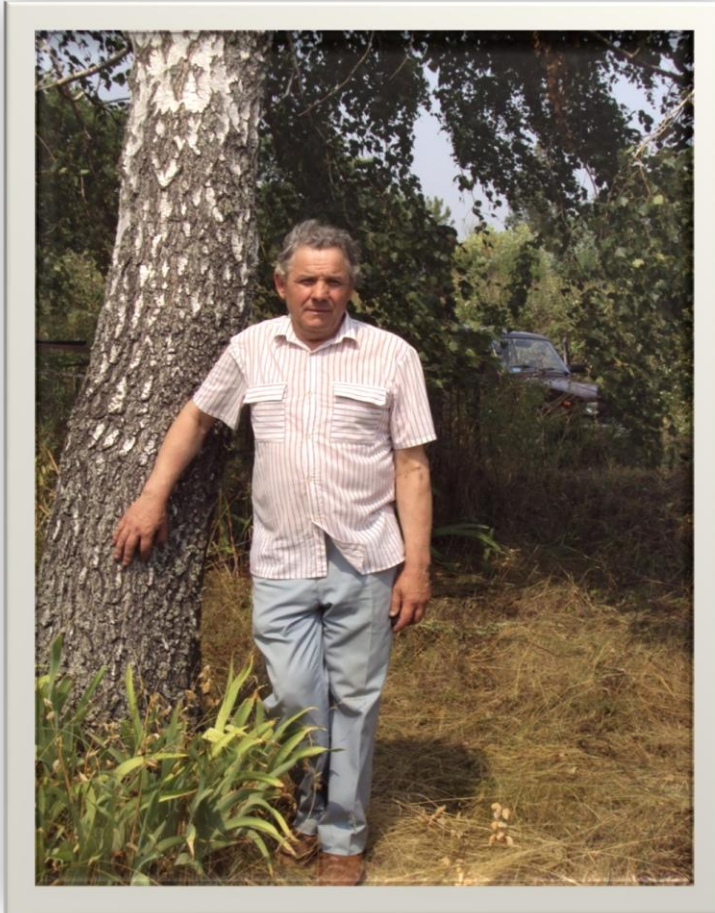
Исаенкова Т. М. 1953 г.р. Учитель словесности, уроженка д. Богословка Хомутовского района. Всю жизнь проработала учителем русского языка и литературы в с. Амонь. Всегда интересовалась творчеством писателя- земляка. Не раз побывала с учениками на могиле писателя. Именно здесь, в Турке, на родине писателя, как бы заново начинаешь осмысливать своё отношение к родному краю, его природе, значение слова «малая родина». Эти два слова вмещают в себя жизнь талантливого человека. Из таких скромных уголков, дающих нам неординарных людей, и складывается Россия, её слава и величие.

Наш поэт.

Между датой рожденья и тризной
Пролетело уже столько лет
Только время не властно над жизнью
И над тем, чем дышал наш поэт
Как бы жизнь ни ломала поэта,
Но остался он верен себе
И поведал потомкам об этом
О таинственной чуде – звезде.
Падал он, поднимался и снова
Черпал силы в глубинке родной,

И его стихотворное слово
Стало нам путеводной звездой
Завершил дорожить он Россией
И всем сердцем Россию любить
Завещал он небесные сини...
Нам его никогда не забыть!

**Виктор Михайлович Севостьянов
(1951-2016)**

Уроженец Хомутовского района, земляк П. Карпова. Родился в 1951 году, долгое время работал корреспондентом газеты «Районные новости» интересовался творчеством нашего земляка .

**Памяти П.И. Карпова.
(к 120-летию со дня рождения)**

Был похож на московского дачника,
Приезжая к нам, в турскую глушь.
Свой архив умещал в чемоданчике
Он со ста миллионами душ.
С их веками накопленным горем,
С их талантом, любовью к труду.
Пообщается с русским он полем
И спускается к плаву – пруду...
Но от плава остался лишь признак,
От объемлющих Турку лесов
И от тракта с пролёткой, как призрак,
С коей барин опальный сошёл.

И с Раевским полштофчика выпив,
И вздремнув потом на канапе,
Он на ясене ножичком вывел,
Как пером на прощанье: «К.П.»
И пролётка умчалась в дали –
Ехал барин в туманную глушь,
Ехал он, а в его чемодане-
Весь архив, ну и тысячи душ...
С их веками накопленным горем,
С их талантом, любовью к труду,
С их мечтою, страной Лукоморьем,
С песней ратуя на ходу.....
Отдохнул он у призрака - плава,
Вспомнил, как полыхал спиртзавод...
-засиделся я долго тут, право,-
Надо ехать в столицу, в народ.
Но столичная жизнь была трудной,
Не пригрел старика Совиздат:
- Что за «Пламень»? Читать просто нудно!
Про другое сегодня нам нужно-
Сколько славных починов и дат!...
Для писателей – новое время,
Словно бросив окурок в полёт,
Говорили, прицепившись в темя:
Был деревня - деревней помрёт.
Из издательств он хмурым выходит:
Власть народная! Тьфу ты,- позор!
Как полвека назад о народе
Не понятен и ей говор зорь...
Предсказанье новаторов сбылось:
Он не выбрал столичный погост-
Его сердце туда попросилось,
Где родился писатель и рос.
Там, где церковь безмолвно стояла,
У которой был вырван язык,
Лёг к подножью – душа настояла-
Богоборец, бунтарь и мужик.
Словом вещим провидца и знахаря
Из глубин обращается к нам:
-Помолитесь о долюшке пахаря-
Путь нелёгок его и кровав...
Сколько нужно терпенья и мужества!
Он, мужик не боялся преград.
Хорошо, что е видел, как рушится
Недостроенный им Светлоград.

IV - Проба пера

(Пишут дети стихи и прозу)

ПОЭЗИЯ

Арбузова Карина

/Руководитель и соавтор В. Чудакова/

Здесь Родины моей начало

*О Русь! Какие ж бусы ты носила-
Коль это лишь жемчужинка одна...
В. Овчинцев*

Край Хомутовский, благодатен, светел!
Здесь малой Родины моей исток,
Дороже нет его на целом свете,
Любимый сердцу милый уголок.

Центральная усадьба – Хомутовка
Вся утопает в зелени садов,
А раньше называлась Соколовка,-
История уходит в глубь веков.

Как вспоминают наши старожилы,
Посёлок зарождался у «ключа»,
Две улицы в двадцатом веке были-
Калинина и Память Ильича.

Селенья эти, как легенды слыли,
Подарком щедрым с «барского плеча»,
«Дарованы Бирон» – семейству были,-
Указ от императора звучал.

Дворец построили под стать природе,
Таких в округе было не сыскать:
Большой, красивый, по французской моде,
Здесь много лет ему ещё стоять...

Жизнь всё текла, включая перемены,
Что характерно было для страны.
Бирон сменили некие Брискорны,
Затем в именье жили Левшины.

Заезжим путникам в былое время
Так полюбились здешние места,
И барыня Шенберг, наследница имения,
В усадьбе жить решила у пруда.

Здесь, у воды был мостик переброшен,
Каналы парка подвели в пруды .
Под стать дворцу старинный парк заложен,
И лодки плыли в зеркале воды.

Какое счастье, что природный комплекс
С дворцом и парком чудом уцелел,
И сохранился в нём «Горбатый мостик»,
Да «малый пруд», что нынче омелел.

И знаю я, поверить мне придётся,
Нет в крае нашем лучшего дворца,
Любой прохожий сразу обернётся
На Белый дом с узором у венца.

Старинный парк (реликвия природы)-
Здесь мило всё, сначала до конца.
Тут старый вяз и молодые клёны.
И липы у восточного крыльца.

Здесь в вековом соседстве, молчаливо,
Два дерева особенных растут.
Могучий дуб и с пышной кроной липа
Сплелись корнями воедино тут.

Недаром же художник, подбирая
Для герба Хомутовки логотип,
Вдруг призадумался и, размышляя,
В венок лист липы с дубом поместил.

А туи здесь, красавицы зелёные,
Как часовые на посту стоят,
И на скамеечках сидят влюблённые,
Наверное, о счастье говорят.

Есть в парке белки, а сова докучая
По вечерам пугает нас порой.
Склонилась ива у пруда плакучая
И у воды любит себя собой.

А время шло, года, века менялись,
И многое мы позабыть могли,
Но «белый дом» и старый парк остались,
В особый дар от матушки Земли.

Хранит наш парк истории и даты
Военных, грозных и тяжёлых дней,
Где обелиск и памятник солдатам
И ратный подвиг, павших на войне.

Чтоб эту память передать потомкам
И не забыть, а сохранить в веках,
Чтоб слово «мир» всегда звучало громко
На всех национальных языках.

И я хочу, чтобы всегда так было:
Светило солнце, и цвела сирень,
Журчал ручей в кустах неторопливо,
И светлым был всегда грядущий день.

Чтоб небо было голубым и мирным,
И песня русская была слышна.
Чтоб детский смех всегда звучал призывно,
И в наши, и в другие времена.

И я желаю, чтобы край любимый
Из года в год с весною расцветал,
Чтоб в уголке земли России милой
Наш Курский соловей не умолкал!

Пусть будет мир!

*/опубликовано в книге «Правнуки победы»
(сборнике конкурсных работ) в 2013 году/*

Я счастлива, что родилась в России:
Под мирным небом, в солнечном краю,
Где жарким летом утром синим
Стоят берёзки в трепетном строю.
Неподалёку, на ветвях, в тенёчке,
Укрылся голосистый соловей,
И так старательно, с присвистом,
Выводит свою песенную трель.
А осенью, порою золотистой,
Смотрю, не насмотрюсь, как там, вдали,
Выстраиваясь треугольным клином,
Курлычат, улетаю журавли.
Люблю свой край и в зимние метели,
Когда вокруг белым – бело,
И если, инеем покрыты,
Сверкают словно серебро.
Такая красота, как в сказке:
Сугробы снежные, на речке лёд,
Снежинки падающие с неба-
Ведут свой необычный хоровод.
А как весна прекрасна и красива!
От буйства зелени кружится голова
И радует мой взор трава у дома,
И не находишь нужные слова.
Весенний воздух пышет ароматом
Цветущих яблонь, вишен и цветов
И каждый, кто родился здесь когда-то,
Тот землю эту прославлять готов!
... Четыре года тягостных мучений:
Земля горела, плавился металл.
Солдат полубосой, полуголордный,
Отчизну от фашизма защищал.
И женщины в тылу, и дети
Ковали победу помогать могли,
И все несчастья в годы лихолетья
С достоинством, как воины несли.
О страшных тех годах военных
Мы узнаём от прадедов своих.
И их отцы в одном строю с сынами

Делили лихолетье на двоих.
И так четыре долгих, трудных года
Шла эта страшная, жестокая война,
И только в сорок пятом наступила
Та долгожданная победная весна!
Я счастлива, что я живу в России,
Горжусь историей своей страны,
И я согласна со словами предка:
«Пусть будет Мир! Лишь не было б войны».
Пусть счастливы все люди будут
Под ясным солнцем, небом голубым,
И низкий шлём поклон Вам, ветераны,
Всем тем, кто это счастье подарил!

Анастасия Поповкина

* * *

Ничего в этом нету плохого,
Если я вам признаюсь в любви.
Хомутовская средняя школа,
Я тебе посвятила стихи.
Дорогие мои педагоги,
Дай вам Бог и терпенья, и сил!
За труды ваши кланяюсь в ноги,
Дорогой для меня коллектив.
Вам спасибо за ваши уроки,
И за то, что вложили в меня,
Проводили по верной дороге
В суете наступившего дня.
Мы простились сегодня со школой,
Но вернёмся когда – то сюда.
Вспомним детство той жизни весёлой...
Школьных лет не забыть никогда!

Конченкова Юлия

Сказка о трёх богатырях.

Жили три богатыря
Мир, добро и суд творя,
И у наших всех героев
В гаражах стояли кони.
Арбузов имел мопед,
Курдин – свой велосипед,

А Мордин на самокате
Приезжал к принцессе Кате.
Но случилась беда,
Отворяйте ворота!
Змей Дениска прилетал,
И Катюшку он украл.
А Мордин на самокате
Выехал на помощь Кате.
Долго – долго он искал
И набрёл на старый бар.
В это время змей Дениска
Гостью угощал редиской.
Наш Виталик взял рогатку,
Зарядил яйцо он всмятку,
Туго натянул резинку
И попал Дениске в спинку,
Самокат свой подкатил
И Катюху усадил.
Змей Дениска покраснел,
От досады в лужу сел.
В это время Влад и Вовка
Сгрызли ведьмину морковку.
Ведьма вскоре возвратилась,
Очень сильно рассердилась,
И не думая, без слов,
Превратила их в козлов.
Фея добрая Дынько
С виллы глянула в окно,
Рученькой своей махнула –
Облик рыцарям вернула.
Смотрит Владик ей в глаза,
По щеке течёт слеза,
Обещает воротиться,
Через десять лет жениться...

Миф о подвиге Влада.

В Хомутовке, райском крае,
Где – то в середине мая,
Появился воин Влад.
Был силён он, крут и млад,
Но грамматику не знал
И в уме с трудом считал.
Захотел герой жениться.
Поскакал в мужья проситься

Он к Марине Заводской,
Хочет он найти покой.
-Вот такой тебе совет,-
Держит девушка ответ,-
Мой народ в плену у Вовки,-
Неудов он Бог и двойки.
Стала тьма надоедать,
Книжки мы хотим читать!
Победить его ты сможешь,
Если к силе ум приложишь!
Ведь без знаний и ума-
Ни туда и ни сюда!
Поскакал наш Влад на холм,
«Школой» назывался он,
На холме Богини жили,
Знания и ум дарили.
Владик низко поклонился
И к Богиням обратился
С просьбою ему помочь.
Тьму незнания выгнать прочь.
Добрыми Богини были
И талантом одарили:
Стал герой добро творить
Смог и двойки победить!
Влад к Марине прискакал
Да про чудо рассказал.
Хоть немного покраснел,
Но на радостях запел.
Весь народ был очень рад,
Жизнь у всех пошла на лад.
Влад с Мариной вместе жили
И с Богинями дружили.

Валерия Васильченко.

* * *

Закружились листья хороводом,
Цветовая гамма понеслась...
Ожила по- новому природа,
Встрепенулась, красками зажглась...
Ожерельем красочной рябины,
Запахом лесных боровиков,
Желтой дымкой сказочной осины,
И весёлым смехом грибников.

Это значит – осень наступила,
И звонок за парты нас позвал.
Красками природа одарила
Приглашая на Осенний бал!

Подарок маме.

Вот и праздник всех мам наступает-
Праздник всех милых женщин земли!
Им поэты стихи посвящают,
Им поют звонко песни ручьи...
И щебечут за окнами птицы,
Словно им поздравления шлют
И подснежник успел распуститься,
Ведь цветы мамы к празднику ждут.
Этот день и прекрасен и светел:
Он приходит с добром и теплом.
Поздравляют всех мамочек дети,
И любовью согрет каждый дом!
Все мужчины нарядно одеты-
В магазин за подарком спешат.
А мальчишки готовят куплеты-
Одноклассниц своих удивят!
И я тоже подарок готовлю,
Но храню этот важный секрет.
Я вручу его маме с любовью,
А она улыбнётся в ответ...

Милана Плиева.

Сколько лет, соловушка,
Песни ты поёшь?
Вместе с красным солнышком
Поутру встаёшь?..
И уносит музыка
Трели перезвон
На раздолье русское,
В радужный простор!
И звучат в черёмушках
Песни соловья.
Курская сторонка,
Родина моя!

Берегите природу, люди,
От хрупкой веточки до лепестка!
Пусть каждый восхищаться будет
Полётом бабочки и мотылька.

Дорожите своей Планетой -
Зелёным лесом, природой живой.
Пусть будет Земля одета
В наряд орбиты всегда голубой.

Александр Кириллов

В старом парке тополиный пух
Медленно на землю опускался
Отчего же грустно стало вдруг,
С родиной своей я расставался
Почтальон вчера принёс письмо
Его мама тихо прочитала
Я спросил несмело : «От кого?»
И письмо из рук её упало.
Я взглянул на мамины глаза.
И спросил: «Не от сестры ли вестка?»
По её щеке катилась робкая слеза,
И я понял, что пришла повестка...

Обыкновенная история.

Поселился в мой домик сосед.
На второй ан забрался этаж
Мой сосед был не стар, но сед.
На работе имел он стаж.
Он в спортивный костюм был одет.
Я подумал, быть может спортсмен?
А, возможно, сосед мой - атлет,
Но об этом спросить не успел.
У него короткая стрижка,
Суетился он , как стрекоза.
И была в нём особая «фишка».
Голубые большие глаза.
Я взглянул в них и в мир окунулся

Полный страсти, страданий и бед.
Я при встрече ему улыбнулся:
«Здравствуй, добрый, мой новый сосед!»
Он был милый, внимательный, умный
И старушек везде пропускал.
Тосковал иногда, но заумных
Никогда он речей не толкал.
Все больные к нему обращались,
Чтоб скорей излечить свой недуг.
А домой от него возвращались
Уж здоровыми, бодрыми вдруг
Мой сосед, ты мой новый приятель!
Без стыда я скажу это вслух
Ты судья мой, мой добрый каратель,
Ты надёжный и верный мой друг...
Но промчались те годы, как птицы,
Повзрослел я и малость подрос.
Помрачнели его уж ресницы
От больших одиночества слёз.
Но когда – то присев на коленку,
Я сказал ему: «Здравствуй, сосед!»
Как обычно, я снял с него кепку,
А сосед мой и вовсе стал сед.
Я его тихо обнял рукою.
В это время он сразу поник.
И, уткнувшись в плечо головою,
Прошептал: «Не печалься, старик...»

Татьяна Прокопчук
Любовь.

Любовь, как ветер перемен,
Как узник тёплых отношений!
Она не терпит всех измен,
Потом глухих, земных прощений...
Когда сердечко бьётся робко
И глаз не тронула слеза.
На сердце остаётся только
Её горящие глаза.

* * *

В воде святого Иордана,
Сотни лет назад,
Пред светлым ликом Иоанна
Иисус спешит принять обряд.

И всем открылись небеса.
Спустился голубь с высоты.
И сотворились чудеса
В минуты дивной красоты

Раздался голос неземной,
Что Иисус – есть Божий сын,
Он принёс в наш мир покой
И Богом горячо любим.

И с этих пор намного лет,
Лишь по боговелению
Народ избавился от бед,
Благодаря Крещению!

* * *

Важный праздник у порога
Дарит мир, добро и свет.
К небу проложил дорогу,
Тот, кого светлее нет.
Праздник Пасхи Светлой! Радуйся, народ!
От грехов очищен христианский род!

ПРОЗА

Милана Плиева

Соловьиная песня.

(Рассказ на основе услышанного)

...Зовут меня Милана. Бабушка ласково называет Милашкой...

А живу я в посёлке Хомутовка. Я думаю, это лучший посёлок на свете... Когда подъезжаешь к Хомутовке, то видишь, как крыши домов утопают в круглых зеленых облаках – это ракитовые заросли окружают поселок. Рядом с ракитами уживаются гордые ели – их много-много и растут они прямо на тротуарах, на площади. На макушках древних елок живут совы и совыта с круглыми, как блюдце, глазами.

В пушистых «ракитовых облаках» поселились соловьи. Живут они и у нас возле дома... Бабушка говорит, что всю жизнь соловушки рядом. Соловей – птица незаметная, скромная, зато поёт... Об их пении говорят: «Поёт – заливается, щелкает, свищет, колено выводит, рулады сочиняет».

Каждую весну соловьи прилетают к нам под окно. Здесь, на старой раките, у самой земли у них гнездышко... Мы видели его с бабушкой и моим дедушкой.

К соловьям в нашей семье отношение особое. Вот что мне рассказал о соловье дедушка, а ему – его отец, мой прадедушка, о своём отце Никите. Это мой пра – пра- дедушка.

Шла война с фашистами. Был 1943 год. Немцы бомбили наши части перед наступлением, и солдатики прятались в блиндажах.

Земля гудела от взрывов, ухали бомбы, рвались снаряды... Но... Как будто назло врагу в этом аду по вечерам в рощице пел соловей... И будто не было войны... Соловушка пел каждый день...

Никита, тогда совсем молоденький солдатик, не выдержал, выбрался из землянки посмотреть, где тот соловей – разбойник, прославляющий жизнь!.. Только раздвинул ветки черёмухи, как страшный удар рванул рядом – снаряд залетел в блиндаж, и все, кто там был, погибли... Лишь Никита остался жив. Соловей спас ему жизнь тогда. Всю войну он прошёл, дошёл до Берлина, но до победы не дожил три дня. Был убит.

В нашей семье все помнят его и читают письмо, где он рассказывает о соловье – спасителе. Жаль, что соловушки не оказалось в Берлине!

В память о дедушке назвали Никитой моего дядю, доброго и весёлого человека.

Я люблю свою семью, люблю свой посёлок с соловьями и ракитами и хочу, чтобы войны не было ни-ко-гда!

Слепынина Марина

«Социальная сказочка».

В тридевятоом царстве, в тридесятом государстве жили – были дед да баба. Люди пожилые, с пенсией маленькой, в общем они нас не интересуют, а

привлекли наше внимание персоны, у которых денежки в кармане. Сейчас таких много. Короче эта история не о нас – простых смертных, а об особах бессмертных. Ну, допустим, о Кошее.

Много лет прошло со времён былинных, много утекло воды, вот и Кощеюшка специализацию сменил. Ну что сказать о нём можно? Уложимся в три слова, простых и лаконичных: «Пацан в теме». Жилось ему сотни тысячелетий спокойно под землёй, да вот пришлось покинуть этот райский уголок. Причём не по воле своей, а из-за червя подземного. Метро... Так впервые Кощей и узнал о прогрессе.

Вышел на свет и обалдел. Как бы рад был он Ивана – дурака увидеть, да вот пришлось свидеться с людьми, того же интеллекта, с «гопниками»... Ух, не забыть, не забыть Кощеюге эту встречу и вовек. Ну как же знать он мог, что с собой сигареты и деньги носить он обязан? Эх, нельзя без подготовки к людям... Ну, короче, спустя несколько часов, собрался с мыслями да с костями Кошунечка, да и «просёк фишку»...

Не знамо где, не знамо как, подбил деньжат Кошуга для первоначального – то «капиталу».. И пошла не жизнь, а сказка... Открыл он сеть клубов «Трухани костями». Василисы менялись каждый день. И прекрасные были, и премудрые, и предлинноногие, и при деньгах тоже мелькали.

И вот в один прекрасный вечер приходит к Кощею мадам в шелках и изумрудах. Да вот только шелка-то «поистрепались», да изумруды – то «поистёрлись». Ну, сразу видно – у неё «бабулечки» раньше – то «водились», а сейчас источник иссяк. Скрывать не будем. Кошуня заинтересовался дамой. Спросил, что изволит, да комплиментами засыпал бедную. Но стоило сказать, что знакомые они старые. Кошуня поёжился весь, «натопыршился», лицо «перекосилось» у него. А как узнал, что знакомая – это Баба Яга, то и слышать ничего не захотел. Правда, сейчас «погоняло» у неё сменилось: вместо Бабы Яги перед ним стояла Бэйби Яга. Просила она помощи, просила и поддержки материальной, да Кощей не смиловался. Одно слово: зазнался. Яга всё не унималась. Рассказала, что законы российские загубили бизнес её многомиллиардный. С первого –то июня-то 2009 года – то, эры - то нашей позакрывали казино почти все напрочь. И вот Яга – банкрот. Но Кошуня был непреклонен да и к тому же послал он Ягу... да и по грибы, да по самые ягоды. «Зажрался»- подумала Яга и ушла, поникнув буйной головой своею.

Шло время... И вот однажды одолела Кошея скука смертная. И правда, чуть не помер бедняга. Захотелось ему ощущений острых и необычных, чтобы разогнать тоску - кручину раз и навсегда. Вот и сделал он звоночек один. И тут – же привезли ему порошочек волшебный да травку веселительную. И спустя несколько десятков минуточек вдруг унёсся наш Кошёнок прямо в небеса, потом на острова заморские, потом в джунгли, а потом стал ловить он животных – то дивных да сказочных, целый стакан наловил... Короче, «не по-детски торкнуло» нашего Кошуню, ведь «шмаль» качественной было – то. Да как бы горько на не было, но от правды не уйдёшь- снюхался Кощей, скурился, да и спился, совсем некудышный стал. Как известно, у плохого хозяина и хозяйство

ущербное. Ну, естественно, разорился наш – то Коша. Куда пойти, куда податься, кого найти, кому...пригодиться?

«В подземелье – то раньше проблем не было» -, подумал Кощей и поплёлся куда глаза глядят...Шёл, шёл, да и наткнулся на избушку, да на ножках -то курьих. Постучал в дверь. Подождал минуту, другую. Впустила его Яга, сжалилась.. И стали жить Кеша с Ягой простыми российскими пенсионерами. И как ни странно, жизнью счастливой. Их жизненным девизом стали слова :«Кто бы ты ни был, жизнь, если конечно повезёт, закончишь стариком, так постарайся обеспечить себе достойную старость» Ведь какими они дураками то не были, но хватило ума помириться и накопить на жизнь престарелую сумму – то неслабую..

А мораль сей сказки такова: «Не плюй в колодец, пригодиться, водицы – то напиться»

Пискурёва Наталья Родом мы из Ольховки.

Заброшенный дом
Кустарник колючий, но редкий.
Грушу о былом:
«Ах, где вы – любезные предки?»
Андрей Белый

Более чем на два километра протянулась с запада на восток вдоль незамысловатой речушки село Ольховка. Зарослям ольхи по болотам, раскинувшимся вокруг села, по – видимому, обьязано оно своим именем. Сейчас этих зарослей уже нет, но в толще торфа, который много лет служил топливом местным жителям, встречаются слои, состоящие из красноватых древесных останков. В этом селе и сейчас живут наши родственники- потомки когда – то многочисленного рода Будниковых. В основе этого повествования и лежат их рассказы.

На западной окраине села, на крутом берегу оврага, прорезанного речкой Амонькой, ещё стоит старый домишко. В нём уже никто не живёт, окна заколочены досками, а заросли крапивы и конского щавеля ещё ярче подчёркивают его заброшенность. Раньше жили в нём мои предки, много веков крестьянствовавшие в этом селе. Первый, о ком мне удалось что – то узнать, - дед моего деда моего деда, носивший редкое имя Панфил. Это был глава крепкого крестьянского двора. Несколько десятин земли, две, а то и три лошади, две коровы и другой скот постоянно были в его хозяйстве. Но больше он был известен как знаменитый в селе пасечник. Его пасека насчитывала несколько десятков ульев, и всё лето мой прапрадед проводил в лесу «Дубрава», где на обширной полянке стояла его пасека. С его именем связана передаваемая из поколения в поколение легенда о собаке по кличке Серый. Этот пёс верно служил своему хозяину и лето проводил с ним на пасеке. Была у деда одна слабость: выпивоха он был знатный. Именно с этим были связаны его нередкие

отлучки с пасеки в село. По его приказу Серый оставался охранять ульи и надёжно нёс свою сторожевую службу. Бывало отлучки деда Панфила затягивались на несколько дней, но когда он возвращался, то видел, что голодный, отощавший Серый лежит около шалаша, ни на минуту не покинувший свой пост.

Умер дед Панфил в 30-х годах прошлого века, оставив после себя четырёх сыновей и двух дочерей, а также плодовый сад, равного которому не было в селе. Старинные сорта яблонь и груш вспоминают все дедовы потомки. Сегодня этого сада уже нет – плодовые деревья не живут так долго, они остались только в памяти людей.

Мой прадед – Михаил Панфилович Будников, - младший сын деда Панфила, родился в 1901 году. Он тоже крестьянствовал в Ольховке, а затем работал в колхозе имени Ворошилова. В 1928-1930 годах в селе Ольховка было образовано 5 или 6 колхозов. В последующем эти мелкие колхозы, а также колхозы близлежащих сёл и деревень объединились в одно хозяйство, которое называлось «Путь к коммунизму». Это был один из наиболее крупных в районе колхозов. Дед Миша – участник Великой Отечественной войны. В битве за Москву он получил ранение и в село вернулся уже после его освобождения от немцев инвалидом с одной рукой. Здесь и жили они с бабушкой Таней до конца жизни.

Мой дед – Николай Михайлович Будников, - один из пятерых детей деда Миши, тоже родился в Ольховке, хотя в настоящее время он живёт в пос. Хомутовка. Здесь родилась и моя мама, хотя себя она считает уроженкой села Ольховка, так как её, как она говорит босоное детство прошло именно здесь.

Потому я не без основания считаю, что мои корни находятся именно в Ольховке. Я с удовольствием приезжаю в это село к родственникам и каждый раз посещаю сельское кладбище, где похоронены мои пращур.

Екатерина Дынько

Экскурсия по школе будущего.

Я хочу рассказать вам о самой необыкновенной, яркой, интересной, самой доброй школе на свете. О Школе Будущего...

Давайте сначала пройдем в холл. Как приятно идти по мягкому ковру из... травы! Можно подумать, что ты попал в лесок: мягкая трава, чудесные аккуратные деревца с сочными фруктами, сверху проплывают цветные облака (кстати, позже я раскрою тайну этих сказочных облаков), ведь потолок – стекло. Ласкает ветерок, насыщенный ароматом лета... Так уютно и тепло, не хочешь уходить. Но нам пора.

Мы проходим в зал – самое шикарное место в школе (после кабинета обсуждений, конечно).

В самой середине огромной комнаты находится фонтан Мечты. Такой красоты и игры света вы не видели никогда! Каждая капелька ярко сияет, а смотрится это, будто живая радуга. Вокруг, отражая «сказку», колышется зеркальная вода, плавают лебеди, порхают феи и эльфы, присаживаясь на

кувшинки. Если наклониться над водой, можно увидеть настоящее подводное царство с хрустальным замком, чудными рыбками... Внезапно вынырнет русалка и озорно уставится на вас огромными бирюзовыми глазами с длинными белыми ресницами. Испуганно спрячется под воду и снова выплывает, подарив на память какую – ни будь ракушку или другую безделушку. (Не верьте! Это не дикие русалки, просто работают на публику. Некоторые из них уже выговаривают несколько заумных слов, а иные и вовсе целые перемены болтают на ломаном русском с учениками). Перед озером красуется живая Бабушка Ива, которая всегда даст совет или даже поможет придумать незаметную шпаргалку. Бабушка Ива здесь была всегда, и без неё не возможно представить школу – она старейшина, (помнит даже первого директора Ипполита Владимировича). Для многочисленных туристов Бабушка Ива плетёт венки из кувшинок и очень любит фотографироваться.

Теперь, раскрыв шторы водопада, мы проходим в главный класс школы – 1 «А». Здесь учатся первоклассники. Им всё ново и интересно.

Везде расставлены цветные кресла – качалки... Идёт очень важный урок – урок Доброты. Дети слушают внимательно, с интересом и пониманием. Наверное, вам покажется всё это странным. В этой школе не важны такие занятия, как математика, физика – здесь главное сделать «точного» человека (хватает роботов и компьютеров), главное - воспитать Человека, его душу. Вот почему существуют уроки Доброты, Взаимопонимания, Чуткости, Милосердия, Фантазии и Философии...

Но пойдёмте дальше.

По мягкой «снежной» перине мы проходим в кабинет Мудрости. Здесь проводятся уроки Философии.

Посреди комнаты возвышаются песочные часы. Стены и потолок «укутаны» густыми листьями вьющегося растения. В середине одной из стен растёт могучий дуб (он «длится» в три этажа). В дупле сидит огромная белая сова с жёлтыми пронзительными глазами. Очень важная и серьёзная. Сову зовут Жозефина. Она – «блюститель» порядка. Без Жозефины школу тоже невозможно представить...

А эти крепкие двери навевают воспоминания о прошлом и немного коробят, не правда ли ?

Этот кабинет давно забыт. Все вещи покрыты тонким шёлком пыли и кружевами паутины. Где – то в тёмном углу стоит огромный мрачный глобус. Дотронувшись до этого шара, вздрагиваешь, оцарапавшись о холодную, шершавую поверхность... Это самый главный проект - Малая Земля. Над ним трудился Ипполит Владимирович I. Тяжёлый осадок остаётся где – то внутри, когда думаешь о том, что когда – то Малая земля была покрыта «жизнью» так же как наша планета, только созданная искусственным путём....

Сюда никто не заглядывает – незачем. Ведь когда люди, провели эксперимент с Малой Землёй и оставили всю опасность рук и разума своих, они больше не пытались идти «вперёд». Зачем? К чему стремиться? Человечество долгие века продвигалось дальше, училось чему- то, тем самым, убивая в себе очень важное – душу, способную переживать, любить, сочувствовать.

К чему ушли, к чему пришли, к чему стремились? К отточенности и точности, к... машине? Роботы не могут ошибаться. Мы не роботы. Мы имеем право на ошибку. Дойдя до совершенства, люди медленно, небольшими шагами начали отступать назад, потому, что поняли – Человек и есть совершенство.

Немного грустно, да? Хотите развлечься?

Проходите в самую безумную комнату со звуконепроницаемыми стенами. Здесь невозможно спокойно сидеть. Везде цветные отпечатки ладоней, бочки с краской, автографы...

Заглянем в зооуголок?

Конечно, на «уголок» он не очень похож (животные занимают два этажа). Но все ученики очень любят «школьный зоопарк». Здесь собраны различные существа. Это, своего рода, заповедник, где живут все – все : от муравьёв до слона Фроси. (Он один, Розовый).

Ну, и, наконец, самое интересное: кабинет для практических занятий по производству цветных облаков (КПЗПЦО).

Здесь всё важно, каждый рычажок (помню случай, когда один ученик – не будем уточнять – перепутал состав и вместо цветных облаков поплыли густые, чёрные. Их долго не могли разогнать, и небо было похоже на большую кляксу!). Облака можно сделать с оттенком розового, голубого, фиолетового, можно – пятнами...

Но вот вы и побывали в этой чудесной школе... Осталось что – ни будь в душе? Если да – замечательно... Давайте будем воспитывать Человека, а не робота.

« О чём поёт соловей».

Весна наступила робко. Ручьи побежали в конце февраля, а настоящего тепла не было и в середине апреля. Казалось, весна испугалась чего –то. Может быть нас, людей, стремящихся доказать своё превосходство, свою силу всё чаще с помощью оружия. Может быть, природа наказывает нас за бессердечие, за неумение чувствовать красоту?

Вот соловей своим пением известил о своём появлении. Интересно, слышат ли ноты, в какой прекрасный узор их вплетает этот певец? Чувствует ли красота красоту, когда художник, осторожно задержав дыхание, кладёт её на холст?

Слушая соловья, я понимаю, что поверх видимого мира тянутся, плетутся, изгибаются нити, струны, узоры... Их отпечатки всюду, их красота роняет тень на всё живое. Но нам не прочесть этих слов: мы говорим на разных языках. Мы не услышим песни, ноты которой – ветви дерева, рассыпанные на листе неба. Нам не увидеть красоту картин, написанных нашими шагами. Мы слепы ,глухи к этим откровениям. Мы не виновны в этом. Нам видна другая красота, подвластная нашему восприятию. Поэтому мне верится, что прозаичные события могут быть отголосками неслышимой нами поэзии.

Каждому даётся по силам... Животное не поймёт красоту музыки Баха или песню соловья. Мы не увидим красоту, начертанную поверх видимой красоты нашего мира. Но самое замечательное – мы сами, не способны прочесть эту

красоту, являемся ею. Мы ноты, буквы, краски этой немой для нас симфонии. Мы, с культурой, убийствами, шедеврами, вершинами совершенства и пропастью чудовищных падений, залпами музыки и оркестрами войн – от красоты до безобразия вплетены в этот узор, создаём его. Не слыша музыки, становимся её звуками.

Может быть, об этом поёт соловей?

Людмила Милютина

Школа будущего.

В Красивом парке, среди столетних дубов и елей, находится большое необычное здание с высокими круглыми окнами и аистинным гнездом на крыше. Переступив порог дома, вы окажетесь в просторном длинном коридоре, утопающем в растениях. Везде: и на полу, и на стенах, и даже на потолке – растут удивительные цветы; с лепестка на лепесток порхают необыкновенной красоты бабочки, которые проводят вас дальше в странную комнату, чем – то напоминающую уютную гостиницу. Вы увидите здесь спящих детей: кто –то устроился на мягком коврике, а кто –то сладко посапывает на роскошной кровати, и все они невыразимо счастливы, счастливы потому, что видят солнечные сны. Но будьте осторожны! Нечаянно разбудить их значит разрушить полёт фантазии, и тогда, о горе! Тогда они навсегда останутся скучными, серыми лошадками.

Но скорее, скорее! Идёмте дальше! Пройдя аллею улыбок (небольшой зал, увешанный фотографиями улыбок), вы окажетесь в просторной, ярко освещённой зале и увидите детей и взрослых, которые живо обсуждают что – то друг с другом. Вы можете спросить у них что –нибудь, и они с удовольствием расскажут вам много интересного. Но долго с ними не задерживайтесь. Впереди вас ждут сюрпризы. Поднявшись по стеклянной лестнице, вы упрётесь в небольшую дверцу. Любите читать? Тогда вперёд! Смелее отворите её, и вы не поверите своим глазам... Книги, книги, книги, книги... Везде, везде, везде... Ну же, возьмите сказки или стихи и поудобней устройтесь в пушистом кресле...

- Да, вы правы, сказка о Золушке очень интересная.

-А вам нравится?

-Ой, смотрите кто пришёл!

- Это же мадам! Поприветствуйте её и...я удаляюсь, она сама всё объяснит и поведает об удивительной... школе, где всем очень хорошо, куда все всегда хотят идти, как домой... Бывают же такие?!

Мадам расскажет, что в уютной ласковой гостиной досматривают сны те мальчишки, кто не успел посмотреть их дома. И это совсем не страшно... В любое время их ждут добрые и улыбчивые учителя, чтобы поделиться знаниями. От каждого из них исходит сияние, ласка, добро. Счастье светится в глазах этих мудрых людей, рядом с ними спокойно и уютно детям, потому что (и это давно известно) учителем должен быть только счастливый человек...

В нашей школе – море счастливых улыбок, аллея улыбок...

Книги – долгожданные друзья всех школьников! Смотрите, как сосредоточенно и увлечённо читают дети. Видно получают истинное наслаждение от встречи с писателем, его героями. Не будем им мешать.

В соседней комнате – огромный аквариум: рыбы и другие морские жители всего мира медленно и важно проплывают перед удивлёнными глазами мальчиков и девочек... Это урок зоологии.

А вот эта крутая лестница ведёт на крышу, где прямо на нас смотрят звёзды и созвездия. Хотите посмотреть их поближе – пожалуйста, вот телескоп. Крохотные и большие звёздочки подмигивают юным школьникам, приветствуя любознательность маленьких астронавтов...

Огромные, во всю стену экраны телевизоров ярко светятся и рассказывают вам о других странах, их людях, обычаях... Идёт урок географии...

Хотите попристутствовать на уроке литературы?! Тогда следуйте за Мадам. Она – царица поэзии и прозы. Книги...книги...книги... Вот древние, пахнущие стариной, может быть их брал в руки сам Пушкин? А там – огромные журналы, наверное, их принесли только что... Не терпится полистать их гладкие листы. На стенах гравюры, старинные и современные... Тихо звучит музыка... Мадам начала свой рассказ... А мы с вами тихонько прикроем дверь... Мы были в школе будущего...